ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА, 1802.

Въ Университетской Типографіи
у Любы, Гарія и Попова.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1802.

№ 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ВСЕ НА БѢДУ,

Исторія Эмигранта.

(Окончаніе.)

Два часа провелъ я въ ужасномъ волненіи: и могъ ли не тронуться чувствами осьмнадцати-лѣтней дѣвицы, которая, получивъ отъ отца дозволеніе быть супругою любимаго человѣка, по собственной волѣ имѣла великодушіе жертвовать любовію благодарности? Я узналъ Софію тогда, какъ ее лишился — и горесть моя была конечно основательна.

Однакожъ, прибѣгнувъ къ разсудку, я утѣшился твердостію моей души, воображая, что въ отраду мнѣ навсегда остается по крайней мѣрѣ дружба милой

Софїи и добродѣтельнаго Мертона. Положивъ черезъ два дни выѣхать изъ Англїи, я рѣшился быть твердымъ въ глазахъ тѣхъ людей, которыхъ доброе мнѣнїе всего болѣе льстило моему сердцу. Эта мысль нѣкоторымъ образомъ меня успокоила, и въ три часа утра я могъ лечь на постелю.

На другой день я самъ захотѣлъ ѣхать съ Флорзелемъ къ Г. Мертону, подкрѣпляемый чувствомъ славы, которое дѣлаетъ все возможнымъ. Человѣкъ поступаетъ смѣло въ трудныхъ случаяхъ жизни, зная, что онъ поступаетъ добродѣтельно, и что другїе ему удивляются. Г. Мертонъ принялъ Флорзеля холодно. Софїя казалась печальною; глаза у нее были заплаканы. Она мало говорила, часто краснѣлась, и нѣсколько разъ пожимала руку мою съ трогательными знаками дружбы. Флорзель былъ въ замѣшательствѣ, чувствуя мое превосходство. Софїя также принуждала себя, и не смѣла при мнѣ изъявлять любви своей къ Флорзелю. Это замѣчанїе уменьшило для меня горесть разлуки и выѣзда изъ Англїи. Докторъ Мертонъ явился къ обѣду и показался мнѣ еще несноснѣе прежняго. Онъ уже зналъ все, и радовался внутренно,

не любя меня и восхищаясь Флорзелемъ. Думаю, что великія похвалы его имѣли вліяніе на склонность нѣжной племянницы.

Ввечеру Г. Мертонъ повелъ меня въ кабинетъ, и разспрашивая о моихъ обстоятельствахъ, дѣлалъ мнѣ разныя истинно дружескія и великодушныя предложенія, отъ которыхъ я рѣшительно отказался, не для того, чтобы стыдился его милостей, но чтобы довершить героическую жертву свою. Впрочемъ такое безкорыстіе не могло дорого стоить человѣку съ моимъ тихимъ и совсѣмъ нечестолюбивымъ характеромъ. Я сказалъ Господину Мертону, что имѣя луидоровъ триста, хочу ѣхать въ Гамбургъ, войти въ домъ къ какому нибудь банкиру, трудами умножить свой маленькой капиталъ, купить землицу въ Голштиніи и навсегда тамъ поселиться. Г. Мертонъ подумалъ, и хваля мое намѣреніе, сказалъ, что даетъ мнѣ письмо къ Гамбургскому банкиру, его пріятелю. — Прощаясь, мы оба заплакали; сердце мое разставалось съ истиннымъ и великодушнымъ другомъ своимъ. На другой день я выѣхалъ изъ Лондона. Г. Смитъ, Гамбургскій пріятель моего благодѣтеля, съ радостію помѣстилъ меня въ своей конторѣ. Черезъ

нѣсколько недѣль Г. Мертонъ увѣдомилъ меня, что дочь его вышла за Флорзеля.

Прошло мѣсяцевъ шесть. Господинъ Смитъ въ началѣ Сентября предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Голштинію; на что я съ удовольствіемъ согласился, думая выбрать намъ мѣсто для будущаго моего уединенія. Мы остановились въ Шлезвигѣ, и оттуда поѣхали верхомъ осматривать живописное мѣстоположеніе *Пагероя*, славнаго по своимъ рощамъ и видамъ. Я плѣнился его красотою, не находивъ ни въ Англіи, ни въ Швейцаріи лучшей картины. Тамъ разсѣяно множество сельскихъ домиковъ, въ которыхъ живутъ богатые крестьяне. Мы зашли къ одному земледѣльцу: онъ вызвался показать намъ прекрасной новой домикъ, приготовленный для одного богатаго человѣка. Насъ привели къ такому жилищу, котораго наружность не могла ничѣмъ плѣнить, но котораго внутренность соединяла всѣ возможныя пріятности для любителя красотъ сельскихъ и простоты со вкусомъ. Маленькая роща, лугъ, огородъ, садъ и скотной дворъ съ разныхъ сторонъ примыкали къ домику. Я завидовалъ щастью хозяина, и мы хотѣли уже выйти; но Г. Смитъ воротился назадъ, говоря, что намъ не показали еще одного

запертаго кабинета. Проводникъ нашъ вынулъ изъ кармана ключь и отдалъ его Господину Смиту, которой, отперевъ дверь, велѣлъ мнѣ войти туда. Прежде всего замѣтилъ я на стѣнѣ большую картину; взглянулъ — и съ величайшимъ изумленіемъ, съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца, увидѣлъ портретъ Господина Мертона! . . . „Вы хотѣли знать имя хозяина," сказалъ мнѣ Г. Смитъ: „теперь конечно знаете его. Здѣсь все вамъ принадлежитъ" . . . . Я упалъ на кресла, и забывъ удивляться, чувствовалъ въ сердцѣ одно волненіе признательной любви. — Г. Смитъ разсказалъ мнѣ, что Мертонъ поручилъ ему купить для меня самое лучшее мѣсто въ Голштиніи и выстроить домикъ по плану, имъ самимъ сдѣланному. Ахъ! сколь украсилось еще это любезное жилище мыслію о томъ человѣкѣ, который мнѣ дарилъ его! Съ живѣйшимъ удовольствіемъ я все осматривалъ снова, и едва могъ разстаться съ нимъ, для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ въ Гамбургѣ, обѣщая себѣ какъ можно скорѣе возвратиться въ милое уединеніе, гдѣ великодушная дружба исполнила всѣ мои желанія для тихой и прелестной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ я пробылъ не долго въ Гамбургѣ, но выѣхалъ изъ него не

одинъ. Случай познакомилъ меня съ госпожею Д*, Французскою Эмигранткою, которая была въ самомъ нещастномъ состоянiи, и тѣмъ привела меня въ жалость. Я предложилъ ей убѣжище въ своемъ домикѣ: она съ живѣйшею благодарностiю на то согласилась; и мы 27 Сентября отправились въ *Пагерой*. Госпожа Д* была тогда сорока-шести лѣтъ; имѣла еще нѣкоторые остатки красоты, блестящiе глаза, прекрасные зубы и страшное кокетство. Видѣвъ ее только въ нещастiи, я заключилъ объ ней совсѣмъ несправедливо; думалъ, что она тиха, молчалива, основательна, скромна; но скоро увидѣлъ ошибку свою. Живъ до Революцiи въ избыткѣ и пышности, она была до крайности испорчена лестiю, и нещастiя, удержавъ дѣйствiе пороковъ ея, ни мало ихъ не истребили. Впрочемъ она имѣла нѣкоторое добродушiе и разумъ.

Первыя двѣ недѣли прошли для меня какъ самый плѣнительный сонъ. Я безпрестанно былъ въ восторгѣ, смотря на свой домикъ, на всѣ приборы его, особливо на лугъ и садикъ. Благодѣтель мой не забылъ ничего; все, что могло довершить мое щастiе, было у меня въ глазахъ или подъ рукою. Два шкапа, изъ краснаго дерева, заключали въ себѣ лучшiя экономическiя

книги; прекрасныя куры гуляли вокругъ домика; двѣ большія коровы и коза расхаживали по лугу. Сидя подъ окномъ въ моемъ кабинетѣ, я видѣлъ всѣ свои богатства: лугъ, садикъ, цвѣтникъ, сосновую рощу — и говорилъ себѣ: „Безъ помощи воображенія и памяти наслаждаюсь всѣмъ, что имѣю; однимъ взглядомъ обнимаю свое истинное щастье; пространство не скрываетъ отъ меня собственности, которая, удовлетворяя всѣмъ потребностямъ, совершенно отвѣтствуетъ моему физическому и моральному характеру: ея предѣлъ есть предѣлъ моего зрѣнія. Какая мнѣ нужда, что за моимъ заборомъ есть ландшафты, которыхъ не вижу; есть дерева и цвѣты, которыхъ благоуханіе до меня не доходитъ; есть гульбища, которыя утомили бы мои ноги своимъ отдаленіемъ? Человѣкъ, занимая собою одну точку въ мірѣ, не долженъ распространять своего владѣнія за предѣлы чувствъ.“

Госпожа Д* изъявляла мнѣ живѣйшую благодарность и прелестныя для меня чувства; увѣряла, что страстно любитъ уединеніе и сельскую жизнь; охотно раздѣляла со мною всѣ труды хозяйства; смотрѣла, вмѣстѣ съ нашею служанкою, за коровами и птицами; нако-

нецъ приходила разговаривать со мною, когда я работалъ въ саду. Мнѣ оставалось только радоваться своимъ благодѣяніемъ и пріятнымъ обществомъ такой любезной женщины, согласной со мною во всѣхъ склонностяхъ. Но, мѣсяца черезъ два, я невольнымъ образомъ замѣтилъ въ ней разныя слабости, которыя удивили и огорчили меня. Вообще она слишкомъ много говорила и занималась уборами совсѣмъ не по-деревенски: одѣвалась то Нимфою, то Аркадскою пастушкою; обыкновенно украшала свою голову большою гирландою изъ васильковъ; румянилась какъ актриса, и забывая лѣта, хотѣла всегда прыгать и рѣзвиться какъ ребенокъ. Другая слабость ея была еще отвратительнѣе; а именно, Госпожа Д* любила притворяться чувствительною, нѣжною до крайности, растроганною при малѣйшемъ случаѣ. Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя падаютъ въ обморокъ безъ всякой перемѣны въ лицѣ, и всегда отъ *моральныхъ* причинъ; но которыя, не смотря на вѣчныя спазмы и нервныя слабости, ѣдятъ очень хорошо и толстѣютъ.

Странности Госпожи Д* ежедневно умножались, и зимою сдѣлались гораздо непріятнѣе; такъ, на примѣръ, по вече-

рамъ она разсказывала мнѣ свои безконечныя романическія исторіи, и едва могла счесть бѣдныхъ любовниковъ, которые отъ ея жестокости приходили въ отчаяніе. Все это мучило меня несказанно, вмѣстѣ съ великими знаками ея дружбы; но, вѣря ихъ истинѣ, я таилъ скуку и досаду свою, а только одну искреннюю пріязнь обнаруживалъ. Нѣсколько разъ она говорила мнѣ о богатомъ Любекскомъ банкирѣ, страстно въ нее влюбленномъ; я не отвѣчалъ ей на то ни слова, боясь длинныхъ ея исторій; а думалъ, что этотъ страстной любовникъ женатъ, когда Госпожа Д* не выходитъ за него.

Она умѣла играть на гитарѣ и пѣть. Хотя голосъ у нее былъ совсѣмъ непріятенъ, однакожь мнѣ лучше хотѣлось слушать ея пѣніе, нежели разговоры, изъ которыхъ всегда выходили только одни дурные романы. Воображая, что талантъ ея плѣняетъ меня, она всякой день часа по два услаждала слухъ мой своимъ пѣніемъ; но въ одинъ вечеръ не приняла изъ рукъ моихъ гитары, отговариваясь *меланхоліею*. Я не только не примѣтилъ въ ней меланхоліи, но еще во весь тотъ день удивлялся отмѣнному ея веселью и жеманству; она прыгала, рѣзвилась, и всячески *задирала* меня, болѣе,

нежели когда нибудь. По своему обыкновенію я не думалъ любопытствовать; но она сама объявила, что хочетъ открыть мнѣ великую тайну. Я вздохнулъ, предчувствуя, что услышу опять исторію. Въ самомъ дѣлѣ Госпожа Д* разсказала всѣ подробности ея связи съ Любекскимъ банкиромъ, не хотѣвъ наименовать его по особеннымъ причинамъ *нѣжнаго чувства*. Банкиръ обожалъ ее, былъ свободенъ и хотѣлъ на ней жениться; но она не любила его и не могла *отдать руки безъ согласія сердца*. Вотъ основаніе сего новаго романа, и Госпожа Д* нашла способъ разсказывать его цѣлые два часа! Слушая, я терялъ терпѣніе, безпрестанно вертѣлся на стулѣ, и старался по возможности удерживать свою зѣвоту. . . Вдругъ Госпожа Д*, взглянувъ на меня съ нѣжностію, спросила: „что такое? Вы въ волненіи; измѣняетесь въ лицѣ; глаза ваши наполняются слезами!“ . . . *Такъ*, отвѣчалъ я въ замѣшательствѣ. . . „Однакожь у васъ печальной видъ.“ — У меня болитъ голова. — „Только одна голова?“ сказала она съ какимъ-то нѣжнымъ пискомъ и съ такимъ умильнымъ видомъ, что я невольно улыбнулся. „Притворщикъ!“ продолжала Госпожа Д*, ударивъ меня тихонько

по плечу: „какъ можно говорить такую неправду? . . . Но оставимъ это. Мнѣ надобенъ полезной совѣтъ. Вы знаете мое состоянїе; знаете конечно и мое сердце: что мнѣ совѣтуете?“ — Я, я думаю, сударыня, что вамъ не должно отвергать предложенїй хорошаго человѣка. — „Вы такъ думаете?“ сказала она опять съ самою отвратительною нѣжностїю. Безъ сомнѣнїя думаю, отвѣчалъ я съ досадою, потому что жеманство ея начинало выводить меня изъ терпѣнїя: думаю, что и вы не можете мыслить иначе. . . „На что горячиться?“ сказала Госпожа Д* съ улыбкою великодушной кротости: „къ чему такое сердце?“ . . . Замолчавъ и посмотрѣвъ на меня пристально, она продолжала томнымъ голосомъ: „Неблагодарный! можешь ли думать, чтобы суетное богатство равнялось въ глазахъ моихъ съ наслажденїями истинной любви?“ . . . Это было ясно. Я пришелъ въ такое замѣшательство, въ такое изумленїе, что оцѣпенѣлъ на мѣстѣ и сидѣлъ неподвижно, устремивъ глаза на Госпожу Д*. Она приняла мое изумленїе за восторгъ, а безмолвную неподвижность мою за изступленїе любви; бросилась ко мнѣ на шею и закричала:

„читай наконецъ въ моемъ сердцѣ, но не погуби твоей любовницы!“

Я радъ былъ исполнить такое повелѣнїе; вскочилъ съ мѣста, посадилъ *любовницу свою* на стулъ и сказалъ ей: „Кажется, сударыня, что вы довольно „шутили надо мною; двѣнадцать часовъ „уже било: пора спать.“ Не дожидаясь отвѣта, я ушелъ изъ комнаты.

Это смѣшное приключенїе было для меня совсѣмъ не забавно. Каково жить съ безумною, раздраженною кокеткою, и всякой день быть съ нею съ глазу на глазъ? Я нѣкоторымъ образомъ соединилъ участь ея съ моею, принявъ ее къ себѣ въ домъ. Она не имѣла никакого пропитанїя и никакой надежды; исторїя Любекскаго купца была безъ сомнѣнїя вымышлена для того, чтобы узнать мои чувства.

Слѣдующїй день былъ самой бурной. Госпожа Д* вздумала играть ролю нещастной любовницы, и написала ко мнѣ совершенную Элегїю. Въ письмѣ ея всего болѣе поразило меня слѣдующее: „Никогда, никогда не оставлю милаго твоего „жилища. Не люби меня; будь нечувствителенъ: но вся жизнь моя будетъ посвящена тебѣ!“

Я отвѣчалъ ей безъ всякихъ насмѣшекъ и съ великою учтивостїю; увѣрялъ

ее въ дружбѣ и просилъ оставить всѣ дальнѣйшія изъясненія. Но Госпожа Д*, надѣясь еще тронуть мое сердце, приготовила мнѣ множество трагическихъ сценъ: двадцать обмороковъ и столько же истерическихъ припадковъ. Это было не очень трудно для нее: она садилась на кресла или на канапе; говорила: *мнѣ дурно*; закрывала глаза, черезъ нѣсколько минутъ опять раскрывала ихъ, и все тутъ. Но моя роля требовала гораздо болѣе труда. Надлежало кликнуть служанку, лить уксусъ, ходить за больною, сидѣть подлѣ нее и брать участіе въ глупой комедіи, потому что она для меня игралась. Наконецъ я выдумалъ средство прекратить ее, къ нещастью уже на третій день, а не прежде; а именно, зная, что Госпожа Д* бѣлится и сурмитъ себѣ брови, спросилъ холодной воды въ минуту обморока, и сказалъ въ слухъ, что намочу ею платокъ и буду тереть имъ лицо у больной. Выдумка подѣйствовала, и Госпожа Д* образумилась. Съ удовольствіемъ сообщаю публикѣ это невинное изобрѣтеніе, которое можетъ быть вѣрнымъ лекарствомъ для многихъ женщинъ, склонныхъ къ обморокамъ.

Съ того времени Госпожа Д* жаловалась только на біеніе сердца и на судорогу въ груди, но не теряла уже памяти.

Все это продолжалось недѣль шесть. Наступившая весна возвратила мнѣ свободу. Я цѣлые дни проводилъ въ саду или въ полѣ, и видался съ Госпожею Д* только за обѣдомъ и за ужиномъ. Потерявъ надежду быть моею женою, она не захотѣла уже притворяться; стала бранчива, сердита; не думала о хозяйствѣ, и съ презрѣніемъ говорила о сельской жизни. Въ это время я занемогъ горячкою съ желчью, и думаю, что Госпожа Д* своими глупостями не мало способствовала моей болѣзни; но въ семъ случаѣ она загладила вину свою: не отходила отъ моей постели и не спала пять ночей, имѣя обо мнѣ самыя нѣжныя попеченія. Чувствуя новыя права свои на мою благодарность, она употребила ихъ во зло, и сдѣлалась въ домѣ не госпожею, а тиранкою; познакомилась съ нашими сосѣдами; звала ихъ къ намъ въ гости, обѣдать, ужинать; расточала доходы мои, и давала всѣмъ чувствовать, что она тайная жена моя; слѣдственно мучила, разоряла меня, и сверьхъ того дѣлала еще дуракомъ.

Я не рѣдко имѣлъ письма отъ благодѣтеля моего Мергпона, и къ сожалѣнїю своему видѣлъ изъ нихъ, что Флорзель, ведя самую разсѣянную жизнь, сдѣлался игрокомъ, и что любезная Софїя, чувствительная и ревнивая, была нещастлива. Что принадлежитъ до меня, то безъ Госпожи Д* благополучїе мое было бы совершенно. Я душевно полюбилъ Голштинїю, гдѣ дворянство привѣтливо и бѣдно; гдѣ крестьяне учтивы и богаты; гдѣ царствуетъ полная свобода для всѣхъ честныхъ людей. Воображая, что всѣ такїя выгоды суть дѣйствїе мудраго, кроткаго, но деспотическаго Правленїя, я съ удовольствїемъ твердилъ Поповы стихи:

For forms of government let fools conteſt:
What is beſt adminiſtred is beſt.

То есть: *пусть глупцы спорятъ о формѣ Правленїй; самое лучшее есть то, которое справедливѣе и полезнѣе другихъ.*

Такимъ образомъ провелъ я около двухъ лѣтъ въ *Пагерофѣ*. Въ это время всѣ Эмигранты свободно возвращались во Францїю. Хотя сердце мое никакъ не могло навсегда разстаться съ милою *хижиною*; однакожь мнѣ также захотѣлось побывать въ отечествѣ. Я уговорился съ Госпожею Д*, чтобы она осталась въ моемъ домикѣ,

и дожидалась моего возвращенія мѣсяцевъ черезъ шесть.

Напоминаю Читателю, что я за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ написалъ трактатъ о желудяхъ, совѣтовалъ Французамъ во время голода питаться ими, и послалъ его какъ въ Парижъ, такъ и въ Бретанію. Воображая, что сей трактатъ есть доказательство моей любви къ отечеству, я взялъ съ собою остальные экземпляры его, и пріѣхавъ въ Бретанію, отправилъ ихъ напередъ къ Меру деревни нашей. Хотя домъ и земля моя были уже въ другихъ рукахъ, но мнѣ нетерпѣливо хотѣлось подышать воздухомъ родины, гдѣ многіе земледѣльцы разжились отъ моихъ благодѣяній. Занимаясь нѣжными мыслями и воспоминаніями, я приближился на закатѣ солнца къ сему любезному мѣсту; ѣхалъ шагомъ; смотрѣлъ на все съ великимъ вниманіемъ, узнавалъ все съ живѣйшею радостію и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ будто бы ожидавъ перемѣны въ самыхъ мѣстахъ; и видя поля, нѣкогда мною обработанныя, думалъ съ сердечнымъ услажденіемъ: „Другая рука собираетъ плоды ихъ; но „моя сдѣлала ихъ плодоносными! Несправедливость людей, отнимая собственность, не можетъ отнять славы у благо-

„дѣтеля. Что теперь чувствую, то „всѣ люди испытаютъ въ послѣднія ми„нуты жизни своей: вижу ничтожность „и непостоянство фортуны; не имѣю „ничего, кромѣ совѣсти и воспоминанія „дѣлъ моихъ; жертвы и полезные труды „составляютъ единственное для меня „сокровище; наслаждаюсь однимъ добромъ, „мною сдѣланнымъ — все прочее есть „сонъ, навсегда минувшій!“

Сердце мое растаяло при видѣ деревни. Я воображалъ удивленіе и радость моихъ прежнихъ крестьянъ, когда они увидятъ меня! . . . Ударилъ лошадь свою и поскакалъ; но вдругъ шляпа слетѣла съ меня, и мнѣ надлежало поднять ее. Въ эту минуту шелъ по дорогѣ молодой крестьянинъ. Я спросилъ у него, живъ ли старикъ Бернаръ? и слыша, что онъ живъ и здоровъ, сказалъ ему: „увѣдомь же его, другъ мой, что черезъ минуту будетъ къ нему старой пріятель его *Керкалисъ*.“ . . . „Какъ!“ перервалъ съ живостію крестьянинъ: „вы *прежній* Баронъ Керкалисъ?“ — Такъ, другъ мой. — — Тутъ крестьянинъ безъ памяти побѣжалъ въ деревню, и въ три минуты скрылся у меня изъ виду. Эта чрезвычайная поспѣшность обѣщала мнѣ самой ласковой пріемъ; слезы покапили изъ

глазъ моихъ. „Ахъ! какъ сладко быть любимымъ!“ думалъ я въ умиленіи сердца: „въ этомъ низкомъ состояніи людей „всего болѣе найдешь искренней признательности!“ Я сѣлъ на лошадь, въѣхалъ въ деревню, и съ радостнымъ трепетомъ увидѣлъ множество людей на улицѣ; крестьяне толпами бѣжали ко мнѣ на встрѣчу. . . . Но пусть Читатель вообразитъ мое изумленіе, когда я, вмѣсто ласковыхъ привѣтствій, услышалъ одно страшное ругательство и опасныя угрозы! Хотя оцѣпенѣлъ отъ ужаса, однакожъ могъ спросить у нихъ, въ чемъ состоитъ мое преступленіе? „Какъ, злодѣй!“ отвѣчали мнѣ вдругъ въ двадцать голосовъ: „какъ, разбойникъ! ты считаешь насъ *свиньями!* мерзкой Аристократъ! ты хочешь кормить насъ *желудками!* Постой; мы съ тобою раздѣлаемся!“ . . . Видя, какъ они растолковали мой благодѣтельный трактатъ о желудяхъ, я потерялъ всю надежду оправдаться, и ждалъ вѣрной смерти. Вдругъ является Меръ деревни, мой пріятель Бернаръ; вступается за меня; говоритъ съ жаромъ; но въ оправданіе мое утверждаетъ единственно то, что не я авторъ сего *злодѣйскаго* сочиненія; что одинъ *непріятель* мой нарочно издалъ его подъ

моимъ именемъ, желая погубить меня. Бернаръ напоминаетъ крестьянамъ прежнія мои благодѣянія, и доказываетъ мою невинность тѣмъ, что я съ такою довѣренностію пріѣхалъ къ нимъ. Рѣчь его произвела сильное дѣйствіе. Поселяне усмирились, и требовали отъ меня клятвы въ моей невинности. Я увѣрялъ ихъ безъ всякой лжи, что никакимъ сочиненіемъ не изъявилъ злобы на согражданъ моихъ. „Хорошо,“ сказали они: „ступай, куда хочешь; только никогда сюда не возвращайся!“ — Обрадованный такимъ приговоромъ, я пустился какъ изъ лука стрѣла, и черезъ нѣсколько дней выѣхалъ изъ Франціи, еще болѣе прежняго утѣшаясь мыслію о любезной моей *хижинѣ*; но дорогою занемогъ, и недѣли три пролежалъ въ одномъ маленькомъ Нѣмецкомъ городкѣ.

Пріятное удивленіе ожидало меня въ Гамбургѣ: я нашелъ тамъ Господина Мертона и Маркизу Флорзель, дочь его, которая, будучи больна и въ разводѣ съ мужемъ своимъ, выѣхала изъ Англіи, чтобы лечиться пріятнѣйшимъ климатомъ и найти нѣкоторое разсѣяніе въ путешествіи. Г. Мертонъ разсказалъ мнѣ, что Флорзель обходился съ женою своею очень дурно; старался нравиться дру-

гимъ женщинамъ, а не ей; былъ невѣренъ; сдѣлался игрокомъ, и въ два года разстроилъ и состоянїе и здоровье свое; наконецъ самъ захотѣлъ развода, чтобы жить свободно съ актрисою. Я съ сердечнымъ умиленїемъ смотрѣлъ на любезную Софїю. Свѣжесть лица ея увяла; но блѣдность и меланхолїя дѣлали ее милѣе моему сердцу. Она показывала нѣжнѣйшую ко мнѣ дружбу, и не скрыла отъ меня; что никогда бы не вышла за Флорзеля, естьли бы я умѣлъ воспользоваться ея признательностїю. „Теперь, сказала она, я жестоко наказана за то, что не послушалась совѣтовъ разсудка, а слѣдовала одной любви своей; нещастье вылечило меня отъ страсти; должность произвела бы такое же дѣйствїе; я утѣшалась бы нѣжнымъ другомъ и щастїемъ моего родителя!“ . . . Говоря, Софїя проливала слезы; я слушалъ безмолвно, огорчался вмѣстѣ съ нею и въ то же время *наслиждался* ея сожалѣнїемъ.

Г. Мертонъ думалъ ѣхать въ Дрезденъ на пять мѣсяцевъ; но какъ онъ располагался еще пробыть съ недѣлю въ Гамбургѣ, то мнѣ крайне хотѣлось угостить его въ моемъ домикѣ, полученномъ мною въ даръ отъ благодѣтельной дружбы. Онъ и Госпожа Флорзель охотно

согласились на то. Одна мысль уменьшала радость мою; а именно, какъ представить тихой, скромной Англичанкѣ смѣшную и старую Французскую кокетку, мою прїятельницу Д*? Не говоря объ ея глупостяхъ, я съ великою осторожностїю предувѣдомилъ Софїю о странностяхъ Госпожи Д* въ разсужденїи нарядовъ; но примолвилъ, что она умна и добродушна.

Мы прїѣхали въ *Пагерой* въ самую полночь. Всѣ спали въ деревнѣ. Я вышелъ изъ кареты и началъ стучать у воротъ своихъ. Минутъ пять не было отвѣта. Наконецъ выглянулъ толстой человѣкъ и спросилъ съ великимъ сердцемъ, кого мнѣ надобно. Я чрезмѣрно удивился, но отвѣчалъ твердымъ голосомъ, что это мой домъ. „Ты пьянъ!“ сказалъ мнѣ толстой человѣкъ: „или сошелъ съ ума.“ Окно затворилось; стукъ и крикъ мой были уже напрасны. Съ замѣшательствомъ и стыдомъ я возвратился къ каретѣ. Г. Мертонъ досадовалъ, сердился; Софїя смѣялась; я былъ въ отчаянїи. Мы совѣтовались, что дѣлать, и рѣшились ночевать у знакомаго мнѣ поселянина. Сей доброй человѣкъ всталъ и принялъ насъ съ великою ласкою; отвелъ для Маркизы особливую, чистую комнату; далъ

намъ чаю, хлѣба, прекрасныхъ сливокъ — и разсказалъ мнѣ, что Госпожа Д*, называясь моею женою, отдала домикъ мой въ наемъ одному Рускому семейству на восемь мѣсяцевъ, взяла напередъ деньги и уѣхала въ Любекъ. Я былъ доволенъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что Госпожѣ Д* не вздумалось продать его; но Г. Мертонъ утверждалъ, что контрактъ ея не дѣйствителенъ, и что я имѣю право выслать наемщиковъ. На другой день мы пошли всѣ вмѣстѣ въ домикъ мой. Руской дворянинъ выслушавъ, признался въ своей неосторожности; просилъ у меня дозволенія остаться тутъ еще на день, и желалъ, чтобы мы у него отобѣдали. Госпожа Флорзель полюбила миловидную, скромную жену его. Вставъ изъ-за стола, я героически объявилъ, что любезное Руское семейство можетъ жить въ моемъ домикѣ еще пять мѣсяцевъ, и былъ награжденъ за то Софїинымъ одобренїемъ, благодарностїю прекрасной Россїянки и дружескимъ приглашенїемъ Господина Мертона, который, изо всей силы пожимая руку мою, звалъ меня ѣхать съ нимъ въ Дрезденъ. Въ удовольствїе Рускаго семейства мы остались въ Пагерофѣ еще на два дни, и прїѣхавъ въ Любекъ, узнали, что Госпожа Д* сдѣлалась актрисою

и вошла въ трупу Брауншвейгской Оперы. Я благодарилъ Небо, что Оно навсегда избавило меня отъ этой женщины, и во всю дорогу забавлялъ Софїю описанїемъ моихъ съ нею приключенїй. Пять мѣсяцевъ прошли для меня очень скоро. Софїя выздоровѣла, и я проводилъ ихъ до Куксгавена; видѣлъ, какъ любезнѣйшїе для меня люди сѣли на корабль; какъ онъ удалялся, исчезалъ . . . скоро одно необозримое море осталось предметомъ глазъ моихъ! . . милое душѣ моей сокрылось въ ужасной неизмѣримости!.. Печальный и разительный образъ смерти, которая, скрывая друга отъ друзей, влечетъ, переселяетъ его въ таинственныя поля вѣчности! . . . Ахъ! я чувствовалъ, сколь горестно остаться одному на землѣ! . . .

Первые дни моего уединенїя показались мнѣ грустными. Я не могъ жалѣть о Госпожѣ Д*; но признаюсь, что иногда невольнымъ образомъ воспоминалъ объ ней. Всего болѣе домъ оживляется женщиною и дѣтми. Сверхъ того однѣ женщины умѣютъ хранить порядокъ въ хозяйствѣ, предвидѣть нужное, повелѣвать слугами, и самая безпечная хозяйка все еще нужна для нѣкоторой опрятности и чистоты въ домѣ. Одно ея присутствїе

вселяетъ въ людей какое-то чувство благопристойности. Вотъ истинныя выгоды и преимущества нѣжнаго пола! — Мнѣ все казалось въ безпорядкѣ; все не на своемъ мѣстѣ; все какъ-то неловко и непрїятно. Однажды случилось мнѣ найти подъ столомъ корзинку Госпожи Д*, и видъ ея возбудилъ въ сердцѣ моемъ нѣчто похожее на самое нѣжное чувство. Я взялъ корзинку, поставилъ съ честїю на мраморной столъ, и всегда смотрѣлъ на нее съ удовольствїемъ, не для того, чтобы она воспоминала мнѣ Госпожу Д*, но для того, что въ ней видѣлъ я *знакъ женщины*, прїятный для глазъ и мыслей моихъ.

Любимыя мои упражненїя скоро возвратили мнѣ спокойствїе. Я читалъ въ одной Медицинской книгѣ, что самый лучшїй способъ выгонять странныя идеи изъ головы безумныхъ есть занимать ихъ тяжелою и постоянною работою: можно предложить такой же способъ и для страстей, безумїя, котораго не льзя назвать неизлечимымъ. Кабинетныя упражненїя питаютъ иногда опасную меланхолїю; и часто мы не можемъ имѣть надлежащаго для нихъ вниманїя; но пусть, на примѣръ, нещастный любовникъ съ утра до вечера роетъ землю:

смѣю увѣрить его, что любовь не помѣшаетъ ему заснуть крѣпкимъ и пріятнымъ сномъ.

Зима показалась мнѣ очень долга, не смотря на общество нѣкоторыхъ любезныхъ сосѣдовъ, и Апрѣль мѣсяцъ обрадовалъ меня своимъ наступленіемъ. Однажды, когда я гулялъ въ сосновой рощѣ своей, пришла ко мнѣ толстая Нѣмецкая крестьянка съ десятимѣсячнымъ младенцемъ, и сказала: „вотъ сынъ вашъ; возьмите его.“ — Мой сынъ? — „Конечно. Я выкормила его и возвращаю вамъ здороваго.“ — Ты ошибаешься, другъ мой; у меня нѣтъ дѣтей. — „Вы ли Господинъ Керкалисъ?“ — Такъ. — „Слѣдственно это вашъ сынъ. Госпожа Д*, мать его, сказала мнѣ, что вы ея мужъ, и чтобы я, выкормивъ, отдала его вамъ. Вотъ письмо супруги вашей, въ доказательство, что я не лгу.“ — Она подала мнѣ бумагу. Я увидѣлъ руку Госпожи Д*: „Зная сердце ваше (писала она), смѣю „надѣяться, что вы не оставите сего „младенца, котораго не могу взять съ „собою.“

Я былъ въ изумленіи, прочитавъ письмо. Кормилица сказала мнѣ, что Госпожа Д* родила младенца черезъ мѣсяцъ послѣ моего отъѣзда. Вспомнивъ,

что одинъ Брауншвейгской актеръ ѣзжалъ къ ней въ гости, я догадался, что онъ убѣдилъ Госпожу Д* сдѣлаться актрисою и былъ отцомъ ребенка. Она не обманулась во мнѣ: удивляясь ея безстыдству, я не могъ отказаться отъ бѣднаго младенца, которой съ улыбкою тянулся ко мнѣ на руки и былъ прекрасной. Кормилица, служанка и сосѣды мои увѣрились, что я отецъ его!

Обыкновенное мое злощастье и въ этомъ случаѣ обнаружилось. Надобно, чтобы Госпожа Д* въ 49 лѣтъ вздумала быть матерью и подарить мнѣ своего сына! надобно, чтобы я взялъ его по добродушїю и заставилъ людей считать меня тайнымъ мужемъ женщины, которая по лѣтамъ своимъ могла быть моею матерью, и которая пошла въ актрисы! Это приключенїе не могло сдѣлать мнѣ чести во мнѣнїи Голштинцевъ. Друзья мои разувѣрились въ тайной моей женидьбѣ, но остались въ томъ мнѣнїи, что маленькой Іосифъ (имя младенца) мнѣ не чужой. Любя дѣтей, я сердечно привязался къ миловидному Іосифу, и желая воспитать его наилучшимъ образомъ, искалъ въ книгахъ всякаго роду знанїй, нужныхъ для образованїя юнаго сердца.

Въ серединѣ лѣта я получилъ отъ Господина Мертона весьма трогательное письмо. Онъ увѣдомлялъ меня, что великодушная Софія помирилась съ умирающимъ Флорзелемъ, желая нѣжными попеченіями облегчить его страданія. Бѣдной Флорзель, въ злой чахоткѣ, томился еще нѣсколько мѣсяцевъ, и наконецъ умеръ, 21 Апрѣля, въ объятіяхъ добродѣтельной супруги своей, которую онъ оставилъ для актрисы. Сей нещастный молодой человѣкъ, жертва распутства, могъ бы жить долго, щастливо и полезно для свѣта, естьли бы имѣлъ хорошую нравственность. Горестный примѣръ, весьма обыкновенный въ свѣтѣ и, къ нещастію, безполезный для свѣта! ибо молодые люди, слѣдуя движенію страстей, бываютъ тверды и постоянны только въ одномъ правилѣ: въ томъ, чтобы никогда не думать. Они смотрятъ на все съ любопытствомъ и вниманіемъ, пока дѣйствіе продолжается; но какъ скоро занавѣсъ опустился, всему конецъ, и въ памяти ничего не осталось! Они боятся разсудка, зная, что онъ, подобно магическому пруту, уничтожаетъ волшебные замки и пріятныя чародѣйствія.

Письмо Господина Мертона привело всю душу мою въ волненіе. Софія — вдова, свободная — не выходила у меня изъ мыслей. Я безпокоился, задумывался, ждалъ писемъ, и не получая ихъ, грустилъ. Наконецъ Г. Мертонъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ написалъ, чтобы я спѣшилъ въ Англію, и давалъ мнѣ чувствовать, что снова могу быть его зятемъ. Поручивъ домикъ мой одному сосѣду, я въ нѣсколько дней собрался, сѣлъ въ Куксгавенѣ на корабль съ маленькимъ своимъ Іосифомъ, которому исполнилось уже два года, и 22 Августа пріѣхалъ въ Долвичь, гдѣ Г. Мертонъ ожидалъ меня въ прекрасномъ сельскомъ домѣ. Отдавъ Іосифа наемному слугѣ своему, я вошелъ въ кабинетъ къ моему благодѣтелю, который сидѣлъ на канапѣ подлѣ Софіи. . . . Эта минута была для меня самою пріятнѣйшею. Я увидѣлъ друга, отца и женщину, которую единственно любилъ въ жизни. Софія подала мнѣ руку со слезами; казалось, что она съ нею отдаетъ мнѣ и сердце! Мы не говорили о томъ, что могло бы оскорбить нѣжное чувство Софіи, которая была еще въ траурѣ; но она осыпала меня трогательными ласками, а добродушный Мертонъ не могъ скрыть своей чрезмѣрной радости, глазами давалъ мнѣ чувствовать

свое удовольствїе, и нетерпѣливо желая остаться со мною наединѣ, нѣсколько разъ говорилъ Госпожѣ Флорзель, чтобы она велѣла прибрать мою комнату. Наконецъ Софїя вышла. Тутъ Г. Мертонъ, схвативъ меня за руку, сказалъ съ живѣйшею радостїю: „мой другъ! она твоя! Теперь ничто не помѣшаетъ нашему благополучїю: Софїя твоя навѣки!“ — Сама ли она сказала вамъ? — „Конечно, и дозволила мнѣ сказать тебѣ; но хочетъ, чтобы ты не говорилъ о томъ ни слова до конца ея траура, то есть, пять мѣсяцевъ. Ахъ! естьли бы ты зналъ, сколько разъ она внутренно жалѣла о томъ, что предпочла тебѣ легкомысленнаго Флорзеля, которой мучилъ и терзалъ ея душу! Она упряма, не много странна, имѣетъ романическую голову; но сердце ея чувствительно и нѣжно.“ — Я соглашался искренно съ его похвалою, когда вошла Софїя. Г. Мертонъ съ усмѣшкою сказалъ мнѣ: *тише! вотъ она!* оборотился къ ней и хотѣлъ шутить... но не могъ выговорить ни слова, видя ея угрюмость и холодность. Я также испугался перемѣны въ ея лицѣ. Отецъ спрашивалъ у нее: она отвѣчала ему съ внутреннею досадою, и сѣла. Вечеръ былъ холоденъ; въ каминѣ у насъ горѣлъ огонь. Софїя

взяла щипцы и начала оправлять земляные уголья. Г. Мертонъ смотрѣлъ на нее съ удивленїемъ: я не зналъ, что думать. Наконецъ Софїя, покраснѣвъ, спросила: „скажите, Господинъ Керкалисъ, гдѣ вы взяли этова прекраснаго мальчика, котораго привезли съ собою, и которой называетъ васъ *папенькою?*“ Этотъ вопросъ удивилъ меня, какъ будто бы мнѣ не льзя было предузнать его; я замѣшался какъ виноватой, и предчувствуя слѣдствїя, поблѣднѣлъ, закраснѣлся; хотѣлъ отвѣчать и не могъ. . . *Стыдно, стыдно!* сказала Софїя съ великимъ сердцемъ; вскочила и ушла. Что это значитъ? спросилъ у меня Г. Мертонъ съ важнымъ видомъ. Оставшись наединѣ съ великодушнымъ другомъ, я могъ ободриться, и въ искренности сердца моего разсказалъ ему все. Выслушавъ меня, онъ покачалъ головою и сказалъ: „Худо! я вѣрю тебѣ, но знаю Софїю; ее трудно разувѣрить. Она любитъ тебя нѣжно, однакожь безъ всякой страсти. Этотъ случай заставляетъ ее перемѣнить мысли свои о любви твоей къ ней; а женщины не терпятъ, чтобы мы портили романы ихъ воображенїя.“

Онъ совѣтовалъ мнѣ тотчасъ итти къ Софїи, чтобы изъясниться съ нею.

Я послушался, но съ какимъ-то внутреннимъ страхомъ, которой не обѣщалъ мнѣ ничего добраго. Признаюсь, что такая скорость въ обвиненіи меня, такая живая ревность безъ любви, не много охладили мое сердце. Думаю, что я вошелъ въ кабинетъ Софіинъ съ великою неловкостію, будучи недоволенъ и замѣшенъ; а такое расположеніе не даетъ пріятности человѣку. Софія ходила скорыми шагами по комнатѣ; увидѣвъ меня, остановилась и сдѣлала презрительную ужимку, которая еще болѣе оскорбила мою душу. Желая изъясниться съ вами, сказалъ я. . . . „Нѣтъ нужды," перервала она съ жаромъ: „все ясно, очень ясно; и вашъ стыдъ, блѣдность, замѣшательство были достаточнымъ признаніемъ. Однакожь соглашаюсь выслушать; говорите." — Она сѣла у камина, а я подлѣ нее, и помолчавъ, сказалъ: этотъ ребенокъ есть сынъ Госпожи Д*. . . . „О! я это знала напередъ! Можно ли? Какой стыдъ, Государь мой, какой стыдъ! Послѣ всего, что вы мнѣ говорили объ этой женщинѣ" . . . . Выслушайте . . . „Стыдно, говорю вамъ! Я конечно не ревнива, но это несносно; и что скажутъ мои друзья, которымъ я хвалила вашу скромность, поведеніе?" — Вы не хотите имѣть терпѣнія. . . .

„Ничто не можетъ извинить такого чувства къ презрительной женщинѣ, къ старухѣ! Я всегда буду вашимъ другомъ; но послѣ такого признанія никогда не соглашусь жертвовать вамъ моею свободою. Оставьте всякую надежду. Дѣло рѣшено; не будемъ уже говорить о томъ; а теперь дозвольте мнѣ итти къ батюшкѣ.“ — — Я не остановилъ ее, и побѣжалъ въ свою комнату. Черезъ часъ пришелъ ко мнѣ Г. Мертонъ и началъ бранить меня: „Что ты сказалъ Софіи? Она увѣряетъ, что ты ей во всемъ признался“... Я повторилъ ему разговоръ нашъ; а онъ сказалъ мнѣ, что Софія хотя и слушала его, но никакъ не хотѣла вѣрить и съ упрямствомъ остается при своемъ мнѣніи.

Госпожа Флорзель не пришла къ ужину; а на другой день уѣхала къ тетке своей, написавъ къ отцу совершенный для меня отказъ. Что было мнѣ дѣлать? Самое свидѣтельство Госпожи Д* не могло бы вывести Софію изъ заблужденія. Я покорился судьбѣ моей, и утѣшился мыслію, что сей обманъ надежды украсилъ жизнь мою тремя щастливыми недѣлями: немалое благодѣяніе рока въ мірѣ печалей и неизвѣстности!

Я возвратился въ свою хижину; и тамъ, размышляя о моихъ приключенїяхъ, благодарю Небо за то, что Оно, сохранивъ меня отъ муки и заблужденїя страстей, даровало мнѣ чувствительное сердце, любовь къ уединенїю и нѣсколько саженъ земли въ странѣ гостепрїимной.

II.

Описанїе Вѣны.

Вѣна включаетъ себя въ число первыхъ городовъ Европы, и съ нѣкотораго времени весьма увеличилась. Съ обширными своими предмѣстїями она похожа, какъ говорятъ, *на ласточку съ орлиными крыльями.* Въ городѣ считается 1400 домовъ, а въ предмѣстїяхъ (которыя раздѣляются большими садами) около 5000.

Дунай дѣлитъ городъ на двѣ части; но сїя выгода имѣетъ также и свою непрїятность. Рѣка, наполняясь весною отъ ручьевъ, въ нее впадающихъ, заливаетъ предмѣстїя. Тогда видна бываетъ исправность Вѣнской полицїи; трудно вообразить себѣ ея дѣятельность, всѣ осторожности и мѣры, которыя беретъ она для отвращенїя бѣдствїй и для вспоможенїя бѣднымъ жителямъ.

Всякой бы представилъ себѣ, что большая рѣка, текущая въ столицѣ, и съ одной стороны осѣненная Пратерскимъ лѣсомъ, должна быть въ лѣтнее время покрыта лодками гуляющихъ; но Вѣнскіе жители не любятъ сего роду гуляній, и пользуются только судоходствомъ рѣки для привоза товаровъ и всякихъ нужныхъ вещей.

Вѣна есть самая некрасивая столица въ Европѣ, и въ наружности своей не представляетъ глазамъ ничего привлекательнаго; улицы безпорядочны и кривы. Одна изъ нихъ, въ серединѣ города, соединяется съ другою мостомъ, идущимъ черезъ третью улицу, такъ, что кареты ѣздятъ вдругъ и внизу и вверху: видъ странный и любопытный для чужестранцевъ! Люди и кареты, которыя у васъ безпрестанно подъ ногами, напоминаютъ вамъ Англійскіе и другіе каналы, идущіе черезъ рѣки, и представляющіе глазамъ суда подъ судами, мачты подъ мачтами.

Площади, театры, храмы — все кажется здѣсь варварскимъ для того, кто образовалъ вкусъ свой въ отечествѣ Берненевъ и Микель-Анджеловъ. Въ Вѣнѣ можно назвать хорошею только одну улицу, составленную изъ огромныхъ до-

мовъ; по чему и называютъ ее *улицею знатныхъ господъ.*

Въ городѣ одно гульбище (кромѣ Бастіона, гдѣ гуляютъ только лѣтомъ): оно называется *Грабенъ* и представляетъ глазамъ длинную площадь, которая единственно тѣмъ сходна съ площадью Святаго Марка въ Венеціи, что на ней также собирается множество праздныхъ, Аргусовъ полиціи и нещастныхъ жертвъ разврата. Вѣнское Правленіе, строго запрещая всякую неблагопристойную книгу, терпитъ сихъ безстыдныхъ женщинъ, которыя явно ловятъ въ сѣти свои молодыхъ людей!

Хотя въ городѣ вездѣ видны новыя зданія, однакожъ можно смѣло предсказать, что онъ никогда не будетъ хорошимъ. Предмѣстія гораздо красивѣе, но домы не велики, и архитектура бѣдна. Тутъ живутъ по большей части ремесленники и фабриканты, которые, видя у себя передъ глазами роскошь и развратъ столицы, издерживаютъ деньги свои и теряютъ чистоту нравовъ. Для чего не переселить фабрикантовъ въ другіе Австрійскіе города, столь малолюдные и столь богатые плодородіемъ окружныхъ земель?

Судя по топографическому положенію Вѣны, лежащей подъ однимъ градусомъ

съ Орлеаномъ, можно вообразить, что климатъ ея долженъ быть самой теплой; но давно уже замѣчено, что всѣ мѣста къ востоку гораздо холоднѣе. Сверхъ того Вѣна окружена горами и высокими холмами, на которыхъ снѣгъ лежитъ очень долго — такъ, что здѣсь едва ли бываетъ и два мѣсяца жаркаго времени; а зимою очень холодно. Даже и лѣтомъ рѣзкіе вѣтры прохлаждаютъ жаръ. Vienna è ventosa o venenosa (*въ Вѣнѣ или вѣтрено или нездорово*), говорятъ жители добрымъ Миланцамъ, которые здѣсь поселились, и которые не могутъ забыть своего яснаго неба, воздуха и любезнаго климата.

Но здѣсь менѣе жалуются на холодъ, нежели въ другихъ земляхъ: ибо жители, слѣдуя примѣру сосѣдственныхъ народовъ, Венгерцовъ, Поляковъ, самыхъ Грековъ и Турковъ, въ малѣйшій холодъ надѣваютъ шубы, и въ каждой горницѣ большая печь.

Главная причина здѣшнихъ болѣзней есть частой вѣтеръ, который, раждая простуды, сушитъ на улицахъ известку и частицы ея ввѣваетъ въ грудь: отъ чего происходитъ чахотка. Въ началѣ болѣзни самое лучшее лекарство есть уѣхать изъ города. Множество умираю-

щихъ отъ чахотки здѣсь ужасно. Хотя она во всѣхъ большихъ городахъ свирѣпствуетъ; но въ Вѣнѣ еще болѣе, нежели гдѣ нибудь, не взирая на всѣ старанія Искусства.

Надобно сказать, что Вѣнскіе Медики славны и достойны славы; чему можно представить разные примѣры. Такъ ежедневно спасаютъ они множество горестныхъ жертвъ сластолюбія, питаемаго чувственными склонностями здѣшняго народа, его неумѣренностію въ пищѣ и самымъ общимъ избыткомъ. Я думаю, что въ Вѣнѣ болѣе сифиллитической болѣзни, нежели и въ самомъ Парижѣ. Можетъ ли наука и ревность Медиковъ истребить такое зло, которое происходитъ отъ народнаго развращенія?

Здѣсь не менѣе страшна и та болѣзнь, которая прежде неизвѣстна была въ Европѣ, и которую нынѣ стараются искоренить щастливыми опытами. Прежде умирало въ Вѣнѣ отъ оспы около 1000 младенцевъ ежегодно; теперь вездѣ съ успѣхомъ прививаютъ коровью оспу.

Жителей считается здѣсь 230,000: духовныхъ 1200, благородныхъ 3250, чиновниковъ или служащихъ около 4000, а мѣщанъ 75000.

Не только искусство Медиковъ, но и благодѣтельныя старанія Правительства уменьшаютъ въ сей многолюдной столицѣ число умирающихъ; даже самые частные люди всячески помогаютъ больнымъ. Главное изъ благодѣтельныхъ заведеній въ семъ родѣ есть большая гошпиталь, въ которую ежегодно принимаютъ около 12000 больныхъ, и съ которою соединенъ нынѣ Патологическій Музеумъ. Сверхъ того есть гошпиталь для беременныхъ женщинъ, для военныхъ людей и даже для Жидовъ; для сумасшедшихъ и младенцевъ до 10 лѣтъ возраста. Вездѣ чистота, порядокъ и хорошее содержаніе.

Вѣна гордится еще благодѣтельнымъ Леопольдовымъ учрежденіемъ, съ которымъ можетъ равняться только Гамбургское: всѣ предмѣстія раздѣлены на восемь частей, и каждая часть имѣетъ своего Доктора, лекаря, повивальную бабку, получающихъ жалованье отъ Короны, и обязанныхъ имѣть попеченіе о бѣдныхъ. Въ 1796 году было у нихъ на рукахъ 19,820 больныхъ, изъ которыхъ умерло 464, а 625 отослано въ гошпиталь. Нынѣ и въ самомъ городѣ такое же заведеніе.

Примѣромъ для всѣхъ другихъ большихъ городовъ, которые нынѣ вездѣ рас-

пространяются, можетъ служить здѣшній законъ, по коему не льзя жить въ *новомъ* домѣ безъ письменнаго дозволенія Медиковъ: ибо ничего нѣтъ гибельнѣе для здоровья, какъ сырой домъ. Такое попеченіе есть слава благодѣтельнаго Правленія.

Съѣстные припасы въ Вѣнѣ удивительно дешевы. Венгрія надѣляетъ ее мясомъ, хлѣбомъ и виномъ въ изобиліи; Австрія лѣсомъ, который привозятъ рѣкою, и котораго вывозъ запрещенъ; 150 садовниковъ обработываютъ въ предмѣстіяхъ большіе огороды, и хотя не знаютъ мѣлочной экономіи нашихъ Французскихъ огородниковъ, однакожь искусны въ дѣлѣ своемъ. Я замѣтилъ, что они поливаютъ гряды длинною деревянною лопаткою, нарочно для того сдѣланною. Промышленности ихъ обязанъ городъ дешевизною зелени; но они всѣ богатѣютъ, и нанимаютъ для работы горныхъ жителей Стиріи, приходящихъ сюда всякую весну. Хлѣба, мяса, зелени и вина довольно для человѣка, и работникъ не требуетъ большой платы. Въ землѣ, имѣющей всѣ нужныя вещи, первые матеріалы и собственныя мануфактуры, одни Индѣйскіе товары могутъ

быть предметомъ роскоши. — Полиція смотритъ, чтобы въ мѣрѣ и вѣсѣ не было никакого обмана для народа.

Примолвимъ къ чести Правленія и гражданъ, что они усердно стараются объ истребленіи нищеты, и не жалѣютъ для того многихъ жертвъ. Въ сиротскомъ домѣ содержится здѣсь 1500 бѣдныхъ; однакожь, не смотря на всѣ пособія нещастнымъ семействамъ и людямъ, не могущимъ питаться работою, Вѣна въ разсужденіи сего далека еще отъ Гамбурга и Киля, которые справедливо славятся своими благодѣтельными учрежденіями.

Множество дворянскихъ и купеческихъ домовъ, всегда открытыхъ для порядочныхъ людей, причиною того, что въ Вѣнскихъ кофейныхъ домахъ бываетъ ихъ очень мало; за то нигдѣ нѣтъ столько трактировъ и питейныхъ домовъ, какъ здѣсь.

Кофейные домы хороши, а трактиры дурны. Естьли иностранецъ на то жалуется, то жители оправдываются своимъ гостепріимствомъ. Въ самомъ дѣлѣ они любятъ угощать иностранцевъ, и во всякое время дня, до полуночи, можно притти въ домъ, обѣдать, ужинать, пить чай, и проч.

Однакожъ въ 10 часовъ вечера здѣсь уже царствуетъ тишина на улицахъ, необыкновенная въ другихъ городахъ. Естьли возвратишься домой поздно, то надобно дать что нибудь привороттнику. Въ предмѣстіяхъ не встрѣтишь въ одиннадцатомъ часу никого, кромѣ дозора; все пусто и безмолвно — а по утру встаютъ не рано! Вѣна съ этой стороны совершенно противна Неаполю. Нѣмцы любятъ сравнивать сіи двѣ столицы, называютъ ихъ пріятнѣйшими городами Европы и предпочитаютъ Лондону и Парижу.

Гагельмановъ кофейный домъ, въ Леопольдштатскомъ предмѣстіи, достоинъ любопытства иностранцевъ. Онъ между рѣки Дуная и той улицы, по которой ѣздятъ кареты на Праперское гульбище. Тутъ всегда собираются Греки. Видя ихъ и слыша вездѣ Греческой языкъ, я нѣсколько разъ воображалъ себя въ Аѳинахъ: мечта пріятная для тѣхъ, которые главными своими идеями обязаны классическимъ твореніямъ сего славнаго народа! —

(*Съ Французъ.*)

III.

Обращенный скупецъ.

Каразанъ, купецъ Багдадскій, былъ славенъ во всѣхъ странахъ Востока своимъ богатствомъ и скупостію. Происхожденіе его скрывалось во мракѣ: онъ нажилъ чрезмѣрное богатство неутомимымъ трудолюбіемъ; въ бѣдности любилъ человѣчество и справедливость; наполнилъ сундуки свои золотомъ, и выгналъ изъ сердца жалость. Можетъ быть Каразанъ обманулся во многихъ людяхъ, и видя ихъ коварство, рѣшился жить для однихъ денегъ; можетъ быть въ самомъ богатствѣ есть смертоносный ядъ для чувствительности — какъ бы то ни было, но Каразанъ тѣмъ болѣе обожалъ деньги, чѣмъ менѣе ими пользовался, и рука времени, осыпавъ снѣгомъ его волосы, мало по малу превратила его сердце въ камень.

Однакожъ, забывъ, какъ угощаютъ странниковъ въ домѣ, какъ помогаютъ бѣднымъ, Каразанъ всякой день ходилъ въ мечеть, исполнялъ съ точностію всѣ обряды Религіи; и щедро награждалъ Имановъ. Благочестіе сердечное всегда соединено съ любовію къ ближнему, и мило всякому доброму сердцу; но притвор

ная набожность лицемѣровъ ненавистна людямъ. Когда сѣдой Каразанъ, крѣпко замкнувъ двери свои, выходилъ на улицу и боязливо кругомъ осматривался, тогда Багдадскіе жители, указывая его другъ другу, говорили: *вотъ жестокой человѣкъ!* и никто не хотѣлъ ему кланяться.

Такъ жилъ Каразанъ, и въ такомъ расположеніи былъ къ нему народъ, когда объявили во всемъ городѣ, что „онъ „переселился въ огромный домъ, и зо„ветъ къ себѣ знакомыхъ и незнакомыхъ, „бѣдныхъ и странниковъ.“ Народъ со всѣхъ сторонъ толпами къ нему стекался, и въ великолѣпныхъ чертогахъ его предлагали нагимъ одежду, голоднымъ яства. На лицѣ хозяина сіяло человѣколюбіе и сердечное удовольствіе. Народъ изумлялся; всякой хотѣлъ изъяснять такое чудо по-своему; спорили и шумѣли. Каразанъ далъ знакъ рукою: всѣ замолчали. Онъ удовлетворилъ любопытству людей такимъ образомъ:

„Тому, Который къ горамъ прика„сается, да горы дымятся — Благому и „Всесильному честь и слава во вѣки вѣ„ковъ! Онъ повелѣлъ сновидѣнію наста„вить меня, и свѣтъ Его во тмѣ нощной „озарилъ умъ мой! Когда я сидѣлъ уеди„ненно въ Гаремѣ своемъ, и слабая лам-

„пада горѣла предо мною; когда, раз-
„мышляя о своихъ богатствахъ, я восхи-
„щался душевно: тогда рука Іеговы осѣ-
„нила меня, и крѣпкій сонъ смежилъ
„глаза мои. Тогда Ангелъ смерти, по-
„добно грозному облаку, явился предо
„мною, и поразилъ меня . . . я оставляю
„міръ, и съ быстротою молніи несуся въ
„пространствахъ небесныхъ. Уже земля
„кажется мнѣ ничтожнымъ атомомъ, и
„сіяніе звѣздъ озаряетъ меня свѣтлѣе
„солнца. Врата райскія открываются
„взору; но внезапный блескъ, несносный
„для слабаго зрѣнія, устрашаетъ мое
„сердце: содрогаюсь! . . . Гласъ Вѣчнаго
„долженствовалъ произнести судьбу мою.
„Прошли дни испытанія: не возможно
„было ничѣмъ уменьшить злыхъ дѣлъ
„моихъ, и ничего прибавить къ доб-
„рымъ. Ожидая своего вѣчнаго жребія,
„и зная, что всѣ силы Натуры не мо-
„гутъ премѣнить его, я трепеталъ,
„ужасался и безмолвствовалъ. Изъ глубины
„неприступнаго свѣта загремѣли слова
„Божественныя . . . Внимаю:

„Каразанъ! Небо не пріяло жертвъ
„твоихъ, ибо ихъ предлагало хладное серд-
„це; и справедливость твоя недостойна
„награды, ибо не любовь была ея источ-
„никомъ. Ты не обижалъ никого един-

„ственно для пользы своей; молился Все-
„сильному только о самомъ себѣ. Взоръ
„твой никогда не изъявлялъ Небу благодар-
„ности, людямъ милосердія. Смертные
„конечно безумствуютъ; смертные поро-
„чны: но естьли безумство и пороки
„оправдываютъ нечувствительность, то
„благость Небесная достойна укоризны:
„единую ли добродѣтель озаряетъ солнце,
„орошаетъ дождь питательный? не для
„всѣхъ ли благоухаютъ нѣжныя уста
„весны, рука осени лїетъ изобилїе?...
„Ты изгналъ сожалѣнїе изъ сердца, дер-
„жалъ богатство свое въ рукѣ желѣзной,
„жилъ только для себя — и по тому
„во вѣки вѣковъ будешь въ уединенїи! Уда-
„лися отъ свѣта небеснаго и чувстви-
„тельныхъ созданїй! Всегдашняя пустота
„есть обитель твоя: тамъ минуты вѣч-
„ности да обратятся для тебя въ мед-
„ленныя эоны, и мракъ да умножитъ
„твое отчаянїе!

„Онъ рекъ — и буря на крыльяхъ сво-
„ихъ помчала меня сквозь лучезарный
„Океанъ творенїя. Въ единое мгновенїе
„я пролетѣлъ мимо безчисленныхъ мїровъ
„и достигъ до крайнихъ предѣловъ Natу-
„ры. Тутъ открылась мнѣ страшная,
„безконечная пустота, неизмѣримость
„уединенїя, безмолвїя и нощи! . . . . .

„Неизъяснимый ужасъ овладѣлъ мною, „и душевное мое отчаянїе излилося въ сло- „вахъ: Ахъ! почто не осужденъ я му- „читься съ другими? тамъ *состраданїе* „утолило бы мою лютую муку, и самое „жгущее пламя не истребило бы во мнѣ „утѣшительнаго чувства бытїя! Почто „гнѣвъ небесный не осудилъ меня стра- „дать во мракѣ Кометы, которая хотя „чрезъ тысячу лѣтъ возвращается въ „страны свѣта и жизни? Отдаленная „надежда озаряла бы нѣкоторымъ лучемъ „сїю тьму ужасную, и радостная пре- „мѣна могла бы соединить вѣчность со „временемъ!

„Уже отдаленнѣйшая звѣзда сокры- „лась отъ глазъ моихъ, и безконечный „мракъ поглотилъ блѣдное сїянїе свѣта. „Съ каждымъ мгновенїемъ возрастало мое „отчаянїе, ибо каждое мгновенїе удаляло „меня отъ послѣдняго обитаемаго мїра. „Съ ужасомъ воображала душа моя, что „стремяся впередъ, далѣе и далѣе, въ „теченїе миллїона вѣковъ не найду ника- „кого предѣла, и буду вѣчно углубляться „въ неизмѣримый Океанъ мрака и пусто- „ты, безъ всякаго путеводителя и сопо- „варища, безъ всякой цѣли и предмета, „одинъ съ моимъ отчаянїемъ!..... Тутъ, „проливая горестныя слезы, я поднялъ

„руки, и всею душею устремился къ об-
„ласти бытія, съ такимъ сердечнымъ
„волненіемъ, которое — пробудило меня.
„Тутъ я узналъ, сколь мило сообще-
„ство людей! Сердце мое воспламенилось
„благодѣтельностію — и отнынѣ ревно-
„стно буду дѣлиться щастіемъ съ дру-
„гими, помня, что присутствіе единаго
„изъ бѣдныхъ, которыхъ надменность
„моя отъ себя удаляла, въ страшномъ
„уединеніи вѣчности утѣшило бы меня
„болѣе, нежели злато Африки и драго-
„цѣнные камни Голькондскіе.“

Сказавъ, тронутый Каразанъ воз-
зрѣлъ на небо съ умиленіемъ и благодар-
ностію. Рѣчь и примѣръ его поразили все
собраніе. Калифъ, узнавъ о томъ, велѣлъ
описать сей случай для блага потомковъ.

(*Изъ Англ. Журнала.*)

IV.

Путешествіе въ Шпицбергенъ.

(Изъ Philosophical Magazine.)

Путешествіе въ Шпицбергенъ можетъ
быть весьма благодѣтельно для здоровья;
и столь любопытно, что многіе захотятъ
ѣхать туда и въ другой разъ.

Мы отправились изъ Лондона въ концѣ Марта, и пристали въ Ларвикѣ, главномъ городѣ Шетландскихъ островов, котораго богатѣйшій житель старался угостить насъ со всѣми знаками дружелюбія, и сказалъ намъ, что онъ самому себѣ далъ слово угощать всѣхъ Капитановъ и лекарей, выходящихъ на берегъ. Въ другомъ мѣстѣ это могло бы стоить дорого: ибо въ Ларвикѣ пристаетъ множество кораблей, идущихъ къ Шпицбергену; но тамъ гостепріимство не разорительно: купивъ на шиллингъ рыбы, накормишь до-сыта человѣкъ сто. Другіе съѣстные припасы также очень дешевы.

Чѣмъ далѣе плыли мы къ сѣверу, тѣмъ короче становились ночи, и наконецъ, близь Сѣвернаго Мыса, подъ 72 градусомъ широты, онѣ совсѣмъ исчезли. Тутъ страшная буря угрожала намъ погибелію цѣлые три дни. Корабль нашъ два раза падалъ на бокъ, и мы теряли надежду поднять его; но къ щастью вѣтеръ перемѣнился. Бури въ сихъ мѣстахъ такъ холодны, что не возможно стоять лицомъ противъ вѣтра, естьли онъ сѣверной; сила его рветъ щеку.

Мы пробирались съ величайшею трудностію сквозь ледяныя глыбы, сперва круглыя (матрозы называютъ ихъ *пиро-*

гами), а послѣ разнообразныя и ужасныя своею огромностїю, такъ, что иныя бываютъ саженъ въ сорокъ толщиною. Шпицбергенъ открылся намъ еще за тридцать миль: невѣроятная отдаленность, доказывающая его высокое положенїе! Онъ кажется издали совершенно золотымъ, а небо надъ нимъ бѣловатымъ.

Между 79 и 80 градусомъ путь заграждается неизмѣримостїю ледяныхъ, неподвижныхъ громадъ. Тутъ ставятъ корабли на якорь, углубляя его въ ледъ, и ѣздятъ на боатахъ ловить китовъ. Море въ семъ мѣстѣ такъ гладко, какъ Темза: ибо ледъ, которымъ оно усѣяно, не даетъ ему волноваться.

Тутъ, въ пятидесяти миляхъ отъ земли, мы не чувствовали такого холода, какъ въ окрестностяхъ Сѣвернаго Мыса, хотя Шпицбергенъ гораздо ближе къ сѣверу. Въ ясное время воздухъ такъ согрѣвался, что блестящїя сосульки, подобныя украшенїямъ Архитектуры на ледяныхъ громадахъ, таяли и текли ручьями.

Въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ всего болѣе поразило насъ вѣчное, глубокое безмолвїе, прерываемое глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому: онъ происходитъ отъ ледяныхъ глыбъ, которыя,

отрываясь, катятся въ море и прыгаютъ по свѣсу горъ. На сихъ высотахъ растутъ травы: коклеаріа, дикій сельдерей, цикорей, кресъ-салатъ — и живутъ бѣлые медвѣди, лисицы, козы, лоси, гуси, бѣлыя утки съ красною головою и желтыми ногами, и такъ называемая снѣжная птица, филомела сѣвера.

Доплывъ до осьмидесятаго градуса, гдѣ прежде насъ не бывалъ ни одинъ корабль, мы поворотили къ Нортъ-Банку, чтобы не погибнуть среди ледяныхъ громадъ, и вошли въ Смекренбургскую пристань. Тамъ встрѣтили насъ Рускіе мужики, которыхъ нанимаютъ Архангелогородскіе купцы для ловли китовъ, морскихъ единороговъ, лисицъ, медвѣдей; для собиранія гагачаго пуха и для копченія оленьихъ языковъ. Они живутъ тамъ по цѣлому году. Начальникъ ихъ подарилъ намъ шесть бѣлыхъ лисьихъ кожъ, два черные хлѣба и часть копченаго мяса. Имъ не даютъ жалованья: они получаютъ долю изъ прибыли.

„Во время долгихъ здѣшнихъ ночей. (сказалъ намъ Руской начальникъ) никогда не бываетъ здѣсь такъ темно, чтобы не льзя было видѣть вблизи, и Петербургскія зимы холоднѣе Шпицбергенскихъ. Когда поднимется мятель, на-

добно сидѣть въ землянкѣ; но когда время ясно, мы ходимъ верстъ за десять и далѣе отъ жилища. При чистомъ свѣтѣ луны и чрезвычайномъ блескѣ звѣздъ можно читать и писать. Зимою черные киты приходятъ играть къ самому берегу, гдѣ мы стрѣляемъ ихъ изъ гаубицъ. Ловля наша продолжается до наступленія сплошной ночи, которая зачинается въ Сентябрѣ: тогда всѣ звѣри уходятъ отсюда по льду въ Новую Землю и Сибирь; птицы также улетаютъ. Мы стрѣляемъ бѣлыхъ медвѣдей, лисицъ, оленей и морскихъ единороговъ, которыхъ зубы посылаются во Францїю и въ Нѣмецкую землю". . . .

Мы отправились назадъ въ Іюлѣ, и выплывъ изъ ледяной области, всего болѣе обрадовались — ночи и огню, которые были для насъ роскошью! Глаза наши не видали темноты около трехъ мѣсяцевъ, и свѣтъ наскучилъ намъ до крайности. Первая ночь и свѣча, зажженная нами въ каютѣ, веселила насъ несказанно! — Во глубинѣ сѣвера я всегда любовался захожденіемъ солнца, которое останавливается на горизонтѣ; кажется чрезмѣрно великимъ; утопаетъ, такъ сказать, въ морѣ различныхъ цвѣтовъ, и черезъ минуту въ новомъ великолѣпіи

является. Никакими словами не возможно описать сей чудесной сцены. . . .

V.

СМѢСЬ.

Гражданинъ Лаландъ, славной Французской Астрономъ, и самый дѣятельный ученикъ Галилеевъ, не находя въ нынѣшнемъ расположенїи свѣтилъ небесныхъ ничего любопытнаго для публики, вздумалъ рыться въ архивахъ втораго-надесять вѣка, и нашелъ тамъ явленїе Кометъ, которыя за 600 лѣтъ передъ симъ чрезмѣрно испугали Европу. Онъ увѣряетъ насъ, что тогдашнїе Астрономы ошиблись, и что теченїе сихъ Кометъ не могло разрушить мїра. Такое открытїе насъ весьма обрадовало. На всякой случай прїятно знать въ 19 вѣкѣ, что мїръ не погибъ во второмъ-надесять.

Европа обязана Леонтїю Пилапу, ученому четвертаго-надесять вѣка, первымъ переводомъ Гомеровыхъ творенїй — а никто не знаетъ его! Безъ славнаго Боккачїо, помогавшаго ему въ семъ переводѣ, не осталось бы у насъ никакихъ слѣдовъ имени и жизни такого человѣка,

къ которому мы должны сохранить нѣкоторую благодарность. Онъ былъ родомъ Грекъ, и училъ своему языку во Флоренціи. Авторъ Декамерона описываетъ его слѣдующимъ образомъ:

„Вообразите себѣ видъ страшной, лице ужасное, бороду длинную и черные „волосы, всегда распущенные: такова была его наружность. Погруженный во „всегдашнюю задумчивость, онъ не имѣлъ „никакого вниманія къ обществу и къ „его правиламъ; былъ грубъ, неучтивъ, „и жестокъ до свирѣпости. За то зналъ „совершенно Греческой языкъ и древнюю „Литтературу. Греческія исторіи и басни наполняли всю его голову. Но въ „Латинскомъ языкѣ свѣдѣнія его простирались не далеко. Думая, что иностранецъ вездѣ болѣе уважается, онъ „въ Италіи сказывался Грекомъ, а въ „Греціи Италіянцемъ, и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ развалинахъ Кретскаго „Лавиринѳа.“

Не смотря на всѣ старанія Петрарки и Боккачіо удержать сего непостояннаго человѣка въ Италіи, онъ захотѣлъ непремѣнно возвратиться въ Грецію; но едва пріѣхавъ туда, написалъ къ Петраркѣ письмо, которое, по словамъ сего

Автора, было *длиннѣе и чернѣе бороды его*, и въ которомъ онъ, превознося до небесъ Италїю, проклиналъ Константинополь. Ему не отвѣчали. Онъ сѣлъ на Венецїянской корабль, и благополучно доплылъ до Адрїатическаго моря. Тутъ поднялась страшная буря. Между тѣмъ какъ матрозы безъ памяти работали, выливая воду, опуская и поднимая парусы, нещастный Грекъ привязалъ себя къ мачтѣ: черезъ минуту ударилъ въ нее громъ, и убилъ его. Всѣ люди на кораблѣ ужаснулись; но одинъ Пилатъ былъ жертвою Небеснаго гнѣва. Опаленный и безобразный трупъ его бросили въ море, и Петрарка, увѣдомляя Боккачїо о семъ происшествїи, говоритъ: „Такимъ образомъ „сей нещастный и жилъ и умеръ печаль„но; думаю, что онъ не имѣлъ ни „одного яснаго дня въ жизни. Казалось, „что лице его предвѣщало бѣдствїя. Не „понимаю, какъ природа могла заронить „нѣкоторыя искры пїитическаго духа въ „эту мрачную душу!“

VI.

О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи.

За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячь рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума, и знаетъ, что любовь ко чтенію всего болѣе имъ способствуетъ.

Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый Голландскій или Англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось Московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: Г. Новиковъ сдѣлалъ

ихъ гораздо богатѣе содержанїемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другїя статьи, и наконецъ выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно Дѣтское Чтенїе, которое новостїю своего предмета и разнообразїемъ матерїи, не смотря на ученическїй переводъ многихъ пїесъ, нравилось Публикѣ. Число субскрибентовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4000. Съ 1797 году газеты сдѣлались важны для Россїи Высочайшими Императорскими приказами и другими государственными извѣстїями, въ нихъ вносимыми; и теперь расходится Московскихъ около 6000: безъ сомнѣнїя еще мало, когда мы вообразимъ величїе Имперїи, но много въ сравненїи съ прежнимъ расходомъ, и едва ли въ какой нибудь землѣ число любопытныхъ такъ скоро возрастало, какъ въ Россїи. Правда, что еще многїе дворяне, и даже въ хорошемъ состоянїи, не берутъ газетъ; но за то купцы, мѣщане любятъ уже читать ихъ. Самые бѣдные люди подписываются, и самые безграмотные желаютъ знать, *что пишутъ изъ чужихъ земель!* Одному моему знакомцу случилось видѣть нѣсколько пирожниковъ, которые, окруживъ чтеца, съ великимъ вниманїемъ слушали описанїе сраженїя между

Австрїйцами и Французами. Онъ спросилъ и узналъ, что пятеро изъ нихъ складываются и берутъ Московскїя газеты, хотя четверо не знаютъ грамоты; но пятой разбираетъ буквы, а другїе слушаютъ.

Наша книжная торговля не можетъ еще равняться съ Нѣмецкою, Французскою или Англїйскою; но чего не льзя ожидать отъ времени, судя по ежегоднымъ успѣхамъ ея? Уже почти во всѣхъ Губернскихъ городахъ есть книжныя лавки; на всякую ярманку, вмѣстѣ съ другими товарами, привозятъ и богатства нашей Литтературы. Такъ на примѣръ сельскїя дворянки на Макарьевской ярманкѣ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгаши ѣзжали по деревнямъ съ лентами и перстнями: нынѣ ѣздятъ они съ *ученымъ товаромъ*, и хотя по большой части сами не умѣютъ читать, но желая прельстить охотниковъ, разсказываютъ содержанїе романовъ и комедїй, правда по-своему и весьма забавно. Я знаю дворянъ, которые имѣютъ ежегоднаго дохода не болѣе 500 рублей, но собираютъ, по ихъ словамъ, *библїотечки*, радуются ими, и между тѣмъ, какъ мы съ небреженїемъ бросаемъ, куда попало, богатыя изданїя Воль-

тера, Бюффона, они не дадутъ упасть пылинкѣ на самаго Мирамонда; читаютъ каждую книгу нѣсколько разъ, и перечитываютъ съ новымъ удовольствїемъ.

Любопытный пожелаетъ, можетъ быть, знать, какого роду книги у насъ болѣе всего расходятся? Я спрашивалъ о томъ у многихъ книгопродавцевъ, и всѣ не задумавшись отвѣчали: „романы!“ Не мудрено: сей родъ сочиненїй есть безъ сомнѣнїя самый любопытнѣйшїй для большей части Публики, занимая сердце и воображенїе, представляя картину свѣта и подобныхъ намъ людей въ интересныхъ положенїяхъ, изображая сильнѣйшую и при томъ самую обыкновенную страсть въ ея разнообразныхъ дѣйствїяхъ. Не всякой можетъ философствовать или ставить себя на мѣстѣ Героевъ Исторїи; но всякой любитъ, любилъ или хотѣлъ любить, и находитъ въ романическомъ Героѣ самого себя. Читателю кажется, что Авторъ говоритъ ему языкомъ собственнаго его сердца; въ одномъ романѣ питаетъ надежду, въ другомъ прїятное воспоминанїе. Въ семъ родѣ у насъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе переводовъ, нежели сочиненїй, и слѣдственно иностранные Авторы перебиваютъ славу у Рускихъ. Теперь въ страшной

модѣ Коцебу — и какъ нѣкогда Парижскіе книгопродавцы требовали *Персидскихъ писемъ* отъ всякаго Сочинителя, такъ наши книгопродавцы требуютъ отъ переводчиковъ и самыхъ Авторовъ Коцебу, одного Коцебу!! Романъ, сказка, хорошее или дурное — все одно, естьли на титулѣ имя славнаго Коцебу!

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь: лишь бы только читали! И романы, самые посредственные, — даже безъ всякаго таланта писанные, способствуютъ нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію. Кто плѣняется *Никаноромъ*, *злощастнымъ дворяниномъ*, тотъ на лѣсницѣ умственнаго и моральнаго образованія стоитъ еще ниже его Автора, и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между Авторомъ и читателемъ велико разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно всякому что нибудь поближе: одному Жанъ-Жака, другому Никанора. Какъ вкусъ физическій вообще увѣдомляетъ насъ о согласіи пищи съ нашею потребностію, такъ вкусъ моральный открываетъ человѣку

вѣрную аналогїю предмета съ его душею; но сїя душа можетъ возвыситься постепенно — и кто начинаетъ *Злощастнымъ дворяниномъ*, не рѣдко доходитъ до Новой Элоизы.

Всякое прїятное чтенїе имѣетъ влїянїе на разумъ, безъ котораго ни сердце не чувствуетъ, ни воображенїе не представляетъ. Въ самыхъ дурныхъ романахъ есть уже нѣкоторая Логика и Реторика: кто ихъ читаетъ, будетъ говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не раскрывалъ книги. Къ тому же нынѣшнїе романы богаты всякаго рода познанїями. Авторъ, вздумавъ написать три или четыре тома, прибѣгаетъ ко всѣмъ способамъ занять ихъ, и даже ко всѣмъ наукамъ: то описываетъ какой нибудь Американской островъ, истощая Бишинга; то изъясняетъ свойство тамошнихъ растѣнїй, справляясь съ Бомаромъ; такимъ образомъ читатель узнаетъ и Географїю и Натуральную Исторїю; и я увѣренъ, что скоро въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ романѣ новая Планета Пїацци будетъ описана еще обстоятельнѣе, нежели въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ!

Напрасно думаютъ, что романы могутъ быть вредны для нравственности;

всѣ они имѣютъ обыкновенно моральную цѣль или представляютъ моральное слѣдствїе. Правда, что нѣкоторые характеры въ нихъ бываютъ вмѣстѣ и приманчивы и порочны; но чемъ же они приманчивы? нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми Авторъ закрасилъ ихъ черноту: слѣдственно добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ. Нравственная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображенїемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда его любимцами. Какїе романы болѣе всѣхъ нравятся? обыкновенно чувствительные; слезы, проливаемыя читателями, текутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дурные люди и романовъ не читаютъ. Жесткая душа ихъ не принимаетъ кроткихъ впечатлѣнїй любви и не можетъ заниматься судьбою нѣжности. Гнусный корыстолюбецъ, эгоистъ, найдетъ ли себя въ прелестномъ романическомъ Героѣ? а что ему нужды до другихъ? Неоспоримо то, что романы дѣлаютъ и сердце и воображенїе . . . *романическимъ*: какая бѣда? тѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жителей холоднаго и желѣзнаго сѣвера! Безъ сомнѣнїя не романическїя сердца причиною того зла въ свѣтѣ, на

которое вездѣ слышимъ жалобы, но грубыя и холодныя, то есть совсѣмъ имъ противоположныя! Романическое сердце огорчаетъ себя болѣе, нежели другихъ; но за то оно любитъ свои огорченія, и не отдастъ ихъ за самыя удовольствія эгоистовъ.

Однимъ словомъ: хорошо, что наша Публика и романы читаетъ!

N.

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо изъ Парижа.

Я долго жилъ въ горахъ Швейцарскихъ, тамъ, гдѣ Природа столь мила, разнообразна и величественна: мудрено ли, что Парижъ бываетъ мнѣ несносенъ, шумный, безпорядочный хаосъ, гдѣ люди хотятъ быть великими съ малой душею!

Я пошелъ въ Музеумъ, чтобы взглянуть на великіе предметы Искусства; но самъ божественный Аполлонъ показался мнѣ сердитымъ, за то, что его вывезли изъ классической Италіи, привязавъ, подобно невольнику, къ торжественной колесницѣ.

Я взглянулъ также мимоходомъ на четырехъ мѣдныхъ лошадей *покойной* Венеціянской Республики. Онѣ стоятъ теперь на четырехъ пиластрахъ передъ великолѣпною решеткою, отдѣляющею большой Тюлерійской дворъ отъ карруселя. — —

Славный парадъ бываетъ нынѣ въ двѣ недѣли одинъ разъ. Думаю, что во

всей Европѣ нѣтъ ничего прекраснѣе сего воинскаго зрѣлища. Вчера я видѣлъ его. На Тюлерїйской площади было войска около 10000 человѣкъ; большая часть состояла изъ Консульской гвардїи, а остальная изъ нынѣшняго Парижскаго гарнизона, также очень хорошо одѣтаго; но ничто не можетъ сравняться съ пышностїю и воинскою красотою Консульской гвардїи. Все — люди, оружїе, мундиръ, украшенїя, ослѣпляли глаза. Только одинъ человѣкъ казался обыкновеннымъ; и сей человѣкъ былъ — самъ Бонапарте!

Онъ, въ своемъ красномъ Консульскомъ мундирѣ, на живописной лошади, окруженный Генералами, проскакалъ по всѣмъ рядамъ и велѣлъ войску скорымъ маршемъ итти мимо его. Конная артиллерїя загремѣла по каменной мостовой и скрылась. Кавалеристы Консульской гвардїи не такъ хорошо сидятъ на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ, какъ гусары Парижскаго гарнизона (почти всѣ Нѣмцы); они казались совершенными Центаврами. Музыка гвардїи несравненна, и кафтаны музыкантовъ облиты золотомъ. — И сей парадъ, подобно всѣмъ военнымъ дѣйствїямъ Консула, изображалъ *быстроту*. Зрителей было множество, но только за решеткою; внутри Тюлерїйскаго двора

могутъ быть одни Офицеры. Подо всѣми окнами Тюльери и Комменданшскаго дому сидѣли молодыя женщины, составляя другую картину, противоположную военной суровости.

Бонапарте, распустивъ войско, сошелъ съ лошади у главныхъ дверей Тюлерійскаго замка. Я не видалъ его цѣлый годъ: онъ сталъ гораздо хуже и желтѣе. Тотъ, кто не боялся смерти, не боится и народныхъ толковъ; но разрушительная сила времени и заботъ дѣйствуетъ въ груди его.

По возвращеніи своемъ въ Тюльери онъ давалъ аудіенцію. Чужестранные Министры вошли за Таллераномъ въ залу при игранїи Турецкой музыки. Каждый Посланникъ имѣлъ въ свитѣ своей нѣсколько любопытныхъ путешественниковъ, по большой части Нѣмецкихъ Бароновъ, которые гордились честїю представленїя въ бывшемъ дворцѣ Бурбоновъ, уступившихъ мѣсто свое тому, кто за нѣсколько лѣтъ передъ симъ служилъ въ артиллерїи Порутчикомъ!

Таллеранъ среди Министровъ такъ же не блеститъ наружностїю, какъ Бонапарте среди воиновъ. Но естьли Консулъ умѣетъ быть твердымъ, то Министръ его умѣетъ быть гибкимъ, скрываетъ

подъ флегматическимъ видомъ дѣятельную хитрость, знаетъ, какъ удалять препятствія и достигать до цѣли своей. Онъ принадлежитъ теперь къ числу богатѣйшихъ людей во Франціи, и соединяетъ искусство богатѣть съ искусствомъ наживать друзей. Самые непріятели его признаются, что онъ уменъ, знающъ въ своемъ дѣлѣ, и нравится обхожденіемъ и разговоромъ. Таллеранъ имѣетъ основательное право на благоволеніе Консула, бывъ уже во время Кампо-Формійскаго мира его ревностнымъ почитателемъ. Онъ увѣдомлялъ его въ Египтѣ о всѣхъ обстоятельствахъ Республики, и приготовилъ успѣхъ 18 Брюмера, которое спасло Францію отъ безумія Директоровъ, и наградило его за долговременное терпѣніе при грубомъ Директорѣ Ревбелѣ; увѣряютъ, что онъ бросилъ однажды въ сего Министра табуретомъ.

Нынѣшній день слышалъ я любопытный анекдотъ отъ самого С *. Онъ недавно говорилъ съ Господиномъ N. N. о томъ участіи, которое имѣлъ въ ужасахъ Революціи ихъ славный П *. Господинъ N. N. согласился, что нѣкоторые Якобинцы были орудіями * * скаго Кабинета. С * наименовалъ человѣкъ семь; но

Господинъ N. N. помнилъ между ими одного Проли, друга Геберпова, казненнаго вмѣстѣ съ нимъ при Роберспьерѣ. Я радъ былъ этому открытїю, знавъ лично Проли. Въ день казни нещастнаго Лудовика я встрѣтился съ нимъ въ Жирарденевомъ кабинетѣ чтенїя. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ молодой Датчанинъ, Господинъ Гобе, съ извѣстїемъ, что Короля уже нѣтъ. И теперь еще живо представляю себѣ адскую улыбку гнуснаго Проли, которую и самъ хозяинъ, Жирарденъ, замѣтилъ.

Сужденїя о характерѣ и намѣренїяхъ Консула столь же различны, какъ желанїя и надежды партїй, къ которымъ принадлежатъ судящїе. Многїе хотятъ непремѣнно сдѣлать его Королемъ, и разсѣваютъ странные объ немъ слухи. То говорятъ, что онъ набираетъ пажей и Камергеровъ; то увѣряютъ, что онъ намѣренъ торжественно короноваться! Но Бонапарпе любитъ быть единственнымъ; сажаетъ Королей на тронъ, и довольствуется скромнымъ именемъ Французскаго гражданина. Власть кажется ему важнѣе имени, и славный бриллїянтъ, называемый *Регентомъ*, который блистаетъ на Консульскомъ мечѣ, не можетъ блистать свѣтлѣе на коронѣ.

Бывшіе Эмигранты все еще обманываютъ самихъ себя и друзей своихъ въ чужихъ земляхъ. Вы часто услышите отъ сихъ господъ, что Бонапарте у нихъ въ рукахъ; что онъ дѣйствуетъ по ихъ желанію; что они даютъ ему волю до нѣкотораго времени, и что скоро, скоро все перемѣнится! Легковѣрной человѣкъ можетъ задуматься; но кто уже привыкъ отличать фальшивую монету отъ истинной, тотъ въ одно ухо впускаетъ ихъ слова, а въ другое выпускаетъ.

Бонапарте считаетъ себя Диктаторомъ, а Консульское достоинство свое Диктатурою. Присвоенная имъ власть оправдывается бѣдственнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ, по возвращеніи своемъ изъ Египта, нашелъ Францію. Консулъ видитъ, что легкомысліе Французовъ имѣетъ нужду въ строгой опекѣ; но мудрый опекунъ не обманывается ли иногда въ средствахъ, и всегда ли слѣдуетъ правиламъ безкорыстнаго человѣколюбія? не знаю; но знаю то, что Бонапарте человѣкъ, хотя и великой, а не Богъ, которымъ педантъ Редererъ только-что не называетъ его!

Увѣряютъ, что Консулъ весьма несвѣдущъ въ дѣлахъ государственнаго хозяйства. Будучи военачальникомъ, онъ только

подписывалъ требованіе, и завоеванная земля удовлетворяла ему; но Марбуа есть не казначей арміи, а Министръ народнаго казначейства, и отечество не завоеванная провинція. Тутъ надобенъ особенный умъ, тѣмъ болѣе, что Францію десять лѣтъ разоряли, и нынѣшнее Правленіе должно быть крайне осторожно.

Думаютъ, что онъ стремится болѣе къ чрезвычайному, нежели къ истинно-великому; но рѣдкое щастіе само собою ставитъ его на путь величія. Не многіе имѣли въ свѣтѣ такія средства возвысить человѣчество; но для сего нужно уважать людей, а противники его говорятъ, что онъ презираетъ ихъ. Мудрено ли, когда Бонапарте видитъ столько низости въ душахъ; когда самое легкое, разумное неодобреніе политическихъ дѣлъ Правительства вмѣняется здѣсь въ страшную вину, и когда нынѣ Французы не только у себя, но и во всей Европѣ хотѣли бы уничтожить свободное книгопечатаніе, безъ чего не можетъ быть ни Республики, ни соединенія умовъ, ни основательнаго изслѣдованія государственной пользы? Не давно одинъ Французскій Дипломатикъ, по случаю нѣкоторыхъ анекдотовъ, непріятныхъ для Министра Фуше и напечатанныхъ въ Нѣмецкихъ газетахъ, спро-

силъ у меня съ великимъ удивленіемъ: „развѣ въ Германіи нѣтъ цензуры?“ ... И сей человѣкъ называется Республиканцемъ!

Конкордатъ служитъ поводомъ къ разнымъ слухамъ о слѣпой привязанности Бонапарте къ Католицизму, о намѣреніи его поручить воспитаніе духовенству, и проч. Это совсѣмъ невѣроятно. Консулъ вмѣстѣ со всѣми благоразумными увѣренъ въ святости Христіянской Религіи вообще и въ благодѣтельности ея для щастія государствъ; но онъ безъ сомнѣнія не думаетъ принуждать насъ быть Католиками. Развѣ мы не видали его другомъ Магомета въ Египтѣ? Особенная религія Консула есть — Политика! Передъ Маренгскимъ сраженіемъ одинъ мой пріятель въ Республиканскомъ мундирѣ встрѣтился близь мѣстечка, занятаго Австрійцами, съ толпою вооруженныхъ Италіянскихъ крестьянъ, которые еще не давно умерщвляли всѣхъ Французовъ; но тутъ они обошлись съ нимъ дружелюбно, и сказали: Siamo adesso amici della Francia, il primo Console protegge la santa religione che gli Giacobini volevano distruggere (*теперь мы друзья Франціи: Первый Консулъ есть защитникъ святой Религіи, которую Якобинцы хотѣли истребить*). Только рука Священниковъ могла угасить пламя Вандей-

ской войны, которую она воспалила. Бонапарте, любя Релиґію, думаетъ вѣрно такъ же, какъ одинъ изъ нынѣ-царствующихъ Королей, сказавшій: „Разумъ и „Философія должны быть неразлучными „сопутниками Релиґіи; тогда не будетъ „ни гнуснаго суевѣрія, ни дерзкаго невѣ„рія.“ — Старанія Французскаго Правительства о заведеніи центральныхъ школъ доказываютъ, что оно желаетъ народнаго просвѣщенія. Духовные, которые возвратились во Францію, всячески мѣшаютъ успѣху народныхъ училищъ, желая снова овладѣть воспитаніемъ; но строгой Фуше, Министръ Полиціи, не дастъ имъ усилиться.

Бонапарте на сихъ дняхъ заставилъ депутацію Института долго ждать въ передней комнатѣ и наконецъ сказалъ съ улыбкою: il faut pourtant entendre ce que messieurs les savans ont à dire. „Вотъ доказательство, говорятъ нѣкоторые, что Консулъ не любитъ ученыхъ!“ Такое заключеніе смѣшно, и болѣе ничего. Бонапарте доказывалъ всегда любовь свою къ наукамъ и почтеніе къ тѣмъ людямъ, которые отличаются умомъ и знаніями. Кто хочетъ вѣчной славы, тотъ не можетъ съ ними ссориться. Но вѣрно то, что Консулъ не доволенъ былъ нѣкото-

рыми Учеными и Литтераторами, дерзнувшими въ Трибунатѣ осуждать предложенные Консулами гражданскіе законы. Послѣ того во многихъ Журналахъ бранили Метафизиковъ, подъ которыми разумѣются ученики и друзья Сіесовы.

Бонапарте хочетъ великолѣпія единственно для того, чтобы внѣшнимъ блескомъ Правленія явить иностранцамъ и самимъ Французамъ образъ богатства и силы Франціи. Отъ чиновниковъ требуетъ онъ нѣкоторой роскоши. Однажды Сенаторъ N. пришелъ къ нему въ сапогахъ. Vous êtes en bottes, citoyen Senateur, сказалъ ему Бонапарте. Сенаторъ, принявъ это за шутку, отвѣчалъ ему: Il fait trop mauvais tems, citoyen Conſul, pour marcher en ſouliers (*время такъ дурно, гражданинъ Консулъ, что не льзя ходить въ башмакахъ*). — Je vous donne cependant vingt milles francs pour aller en voiture, сказалъ Консулъ съ важнымъ видомъ (*я даю вамъ двадцать тысячь ливровъ, чтобы ѣздить въ каретѣ*). Слово: *я даю*, не въ тонѣ республиканскомъ; но Французы не древніе Римляне, которые брали Диктаторовъ отъ сохи: Сенаторъ въ каретѣ для нихъ важнѣе Сенатора пѣшкомъ! Одинъ изъ сихъ *гражданъ блюстителей*, обѣдая съ моимъ пріятелемъ, сказалъ: „любезной другъ!

„Республиканцу не льзя жить безъ пу-„ларды; надобно хорошо ѣсть и пить, „чтобы Цесарь не боялся блѣдныхъ!“

Бонапарте далъ Французамъ имя *великой націи*, которымъ они теперь болѣе всего гордятся, и которое для другихъ народовъ не такъ страшно, какъ ихъ прежніе Якобинскіе титулы. Уничтоженіе Венеціянской Республики доказало еще въ 1797 году, что онъ учредилъ Чизальпинскую не по одной особенной любви къ Республикамъ; послѣ того Бонапарте сдѣлалъ Этрурію Королевствомъ, и естьли бы Король Сардинскій былъ учтивѣе противъ Консула, то онъ давно бы уже царствовалъ въ Туринѣ. Бонапарте послѣ Маренгскаго сраженія объявилъ ему, на какихъ условіяхъ можетъ возвратить ему Піемонтъ; но Король не хотѣлъ тогда отвѣчать рѣшительно, подъ ничтожнымъ предлогомъ, что съ нимъ не было Министра его Ст. Марсана. Самая Швейцарская Олигархія, которая всячески оскорбляла Французскую Республику, удостоилась великодушнаго прощенія. Гишпанскій Король радуется дружбою своею съ Наполеономъ. Ужасы Неапольскіе преданы политическому забвенію, и тамъ, гдѣ Бертье за два года передъ симъ вызывалъ изъ гроба Катоновъ и Сципіоновъ, тамъ

Республиканскіе Генералы съ благоговѣніемъ цѣлуютъ нынѣ туфель Папы, заступившій мѣсто орловъ Римскихъ. Миръ и спокойствіе всего дороже.

Бонапарте не подражаетъ Директоріи, не ищетъ союза той или другой партіи, но ставитъ себя выше ихъ, и выбираетъ только способныхъ людей, предпочитая иногда бывшаго дворянина и Роялиста искреннему Республиканцу, иногда Республиканца Роялисту. Вчера одна молодая дама сказала при мнѣ довольно острое слово на счетъ нынѣшней смѣси людей. Господинъ Б* доказывалъ намъ весьма краснорѣчиво, что Бонапарте есть второй Александръ; она отвѣчала ему съ улыбкою: Ah, Monsieur, je le vois bien, car il nous a mis à la Macedoine (*).

Льстецы дѣлаютъ не малой вредъ Консулу, открывая публикѣ слабую его сторону. Такъ на балѣ у Таллерана Парижская актриса отъ имени хозяина привѣтствовала его какъ языческаго бога. Генрихъ IV не потерпѣлъ бы такой грубой лести отъ своего друга Сюлли. Талleранъ же, говоря о неусыпной дѣятельно-

(*) „Да, онъ кормитъ насъ *Македонскимъ* блюдомъ.“ — Macedoine есть родъ Гишпанской *оллы-потриды* и состоитъ изъ разныхъ мясъ съ разными травами.

сти Консула, въ присутствіи многихъ иностранцевъ сказалъ: La France ne suffira plus, si nous ne pouvons faire perdre à cet homme six heures par jour (*скоро Франціи будетъ мало для Бонапарте, естьли мы не отнимемъ у него часовъ шести въ сутокахъ*).

Крамеръ.

II.

Торжественное возстановленіе Католической Религіи во Франціи.

Сіе важное происшествіе достойно нѣкоторой подробности въ описаніи.

Законодательный Французскій Совѣтъ или Корпусъ, по избраніи 20 новыхъ Членовъ, собрался въ первый разъ 15 Жерминаля или 5 Апрѣля, при игранії военной музыки, въ присутствіи множества любопытныхъ и чужестранныхъ Министровъ. Шапталь, Министръ внутреннихъ дѣлъ, всходитъ на каѳедру и говоритъ, что Совѣтъ въ новыхъ своихъ засѣданіяхъ безъ сомнѣнія утвердитъ мудрыми законами славу Франціи, которою она обязана побѣдамъ своихъ Героевъ и щастливому миру, дарованному ими удивленной Европѣ. Онъ спѣшитъ

увѣдомить Правленіе, что Совѣтъ готовъ приступить къ важнымъ дѣламъ своимъ.

Избираютъ новаго Президента, который проситъ Членовъ имѣть всевозможное вниманіе къ законамъ, которые скоро будутъ имъ предложены. „Только мудро„сті́ю уставовъ, говоритъ онъ, народы „могутъ исчислять математически свое „долговременное и надежное бытіе. Герой „величіемъ и смѣлостію идей своихъ „умѣлъ остановить бурное стремленіе „Революціи и даровалъ миръ Европѣ сво„имъ мужествомъ: вамъ, товарищи мои, „вамъ должно образовать щастіе народа. „Природное чувство добра вѣрнѣе хлад„ныхъ умозрѣній Философіи.“

Снова гремитъ музыка, и входятъ три Консульскіе Совѣтника съ предложеніемъ Конкордата или Духовныхъ Учрежденій. Одинъ изъ нихъ, Порталисъ, всходитъ на каѳедру и говоритъ рѣчь, которая продолжается около двухъ часовъ, и въ которой онъ весьма основательно доказываетъ важность, необходимость Религіи для благоденствія народовъ. „Первое На„родное Собраніе (говоритъ Порталисъ), „отнявъ у Духовенства имѣніе, хотѣло „сохранить Католическую Религію и при„знала ее *государственною*; но требовала

„отъ Священниковъ клятвы, которая „многимъ изъ нихъ казалась противною „совѣсти. Умы волновались, и законы, „изданные по вдохновенїю личностей и „раздора, были гибельны какъ для Духов-„ныхъ, такъ и для Религїи. Нѣкоторые „дерзкїе безбожники вздумали ее совсѣмъ „испровергнуть: къ нимъ пристали дру-„гїе, пылавшїе злобою и местїю. Религїю „отвергнули; мораль народная ослабѣла, „и люди, ставъ развратнѣе, сдѣлались „нещастливѣе. И такъ Вѣра спасительна „для народа: не льзя сомнѣваться въ сей „великой истинѣ. Священныя понятїя „Религїи столь же необходимы для ум-„ственнаго мїра, какъ идея творенїя для „мїра физическаго. Мораль безъ церков-„наго ученїя есть тѣло безъ души и право-„судїе безъ судилищъ. Народъ уважаетъ „болѣе то, что велятъ ему именемъ Бога, „нежели то, что доказываютъ ему име-„немъ разсудка. Суевѣрїе и фанатизмъ бы-„ваютъ слѣдствїемъ невѣжества; но Рели-„гїя есть плодъ ума и просвѣщенїя. Полу-„философїя раждаетъ безбожниковъ, совер-„шенная Философїя ведетъ ко благочестїю.

„Основатели Имперїи всегда утвер-„ждали ихъ славу Религїею; но скоро исче-„зали Державы, основанныя на одномъ раз-„судкѣ. Нума сдѣлалъ Римъ священнымъ

„градомъ, чтобы сдѣлать его градомъ вѣч-
„нымъ. Французскій Конвентъ думалъ за-
„мѣнить Католическую Религїю другою,
„согласнѣйшею съ нашими нравами и сво-
„бодою; но сїи люди не знали, что новую
„Религїю ввести не такъ легко, какъ новое
„слово. И можно ли намъ стыдиться той
„Вѣры, которая была Декартовою и Нев-
„тоновою, которая образовала душу Фе-
„нелоновъ?

„Нѣкоторые думаютъ, что Католи-
„цизмъ не сообразенъ съ уставомъ Республи-
„ки; но онъ не предписываетъ никакого
„особеннаго правленїя, и есть новая за-
„щита для всякаго гражданина.

„Скажутъ ли, что Правленїе хочетъ
„быть тираномъ совѣсти? Нѣтъ, оно
„хочетъ только имѣть Религїю. *Терпи-*
„*мость* благоразумна, но *равнодушїе* ко
„всѣмъ Вѣрамъ есть презрѣнїе Религїи и
„всегда гибельно для власти.

„Для чего признавать Папу главою
„Вѣры? для чего не избрать въ Республи-
„ликѣ начальника духовнаго? Для того,
„что онъ во Францїи гораздо опаснѣе, неже-
„ли въ Римѣ; для того, что власть духов-
„ная могла бы тогда болѣе вмѣшиваться въ
„дѣла гражданской власти, и раздоръ ихъ
„имѣлъ бы вредныя слѣдствїя для госу-
„дарства. Католическая Религїя прежней

„Монархіи, вѣра отцевъ нашихъ, та, „которую исповѣдуетъ большая часть „Французскаго народа, должна быть „закономъ Республики; но всякому свободно избирать Религію по сердцу и „совѣсти. Что касается до трехъ Консуловъ, то они объявляютъ себя торжественно Католиками, обѣщая всякой „другой Религіи защиту и покровительство."

„Хотя бракъ не противенъ ученію и „морали Католицизма, однакожь церковный уставъ его запрещаетъ Духовнымъ „жениться: мы не можемъ перемѣнить его. „Сверхъ того должности священства столь „важны, что онѣ требуютъ нѣкоторой „чистоты тѣлесной (une certaine pureté „corporelle), и семейственныя заботы не „совмѣстны съ ихъ ревностнымъ исполненіемъ. Но Священники могутъ жениться, „естьли захотятъ отказаться отъ „своего сана; и въ такомъ случаѣ дѣлаются обыкновенными гражданами.

„Однимъ словомъ, Правленіе увѣрено, „что Католическая Религія согласна какъ „со нравами, такъ и съ вольностію народа Французскаго. Тамъ, граждане „законодатели, должно утвердить печатію закона условія, заключенныя Консулами съ Папою. Религія болѣе всего

„дѣйствуетъ на моральное бытїе народа. „Вся Францїя громогласно требуетъ возстановленїя ея правъ и торжественнаго „богослуженїя — чѣмъ Революцїя будетъ, „такъ сказать, примирена съ Небомъ.

„Ничто такъ не соединяетъ людей, „какъ Религїя; она всегда съ нами; всегда утѣшаетъ насъ въ неравенствѣ „судьбы, въ несправедливостяхъ, которыя „мы терпѣть должны въ обществѣ; самое „раскаянїе преступника находитъ въ ней „сладостную пищу.

„Всѣ истинные друзья свободы благословятъ васъ, граждане законодатели, „естьли вы утвердите великїя правила, „освященныя опытомъ вѣковъ и необходимыя для благоденствїя государствъ.“

Реньйо, другой членъ Консульскаго Совѣта, читаетъ Конкордатъ или условїя съ Папою. Важнѣйшїя статьи суть слѣдующїя:

„Католическая Религїя есть Религїя „большей части Французскаго народа и „особенно трехъ Консуловъ. Ея служенїе „должно быть торжественно. — Первый „Консулъ избираетъ Епископовъ: Его Святѣйшество даетъ имъ санъ духовный. — „Епископы присягаютъ въ вѣрности къ „Республикѣ и обязываются увѣдомлять „Правительство о всякомъ государствен-

„номъ злоумышленіи, которое дойдетъ до „ихъ свѣдѣнія. — Духовенство должно „молиться о Республикѣ и Консулахъ; „въ церквахъ будутъ пѣть: Domine, ſalvam „fac Rempublicam; Domine, ſalvos fac Conſu- „les (*Господи благослови Республику — „Господи благослови Консуловъ*). — Епископы „наименуютъ Священниковъ. — Всѣ цер- „кви неразрушенныя будутъ снова хра- „ми богослуженія. Повелѣнія Его Святѣй- „шества должны быть обнародованы един- „ственно съ дозволенія Консуловъ. — Епи- „скопы могутъ прибавлять къ своему „имени одно названіе *гражданина* или „Monſieur. — Епископу надобно имѣть 30 „лѣтъ отъ роду, быть природнымъ Фран- „цузомъ и человѣкомъ извѣстныхъ добро- „дѣтелей. Два Епископа должны испытать „его въ знаніяхъ. — Никто изъ нихъ, безъ „дозволенія Перваго Консула, не можетъ „выѣхать изъ своей Епархіи, которую дол- „жно имъ ежегодно осматривать. — Будетъ „одна литургія и одинъ катихизисъ для „всѣхъ церквей. — Священникомъ должно „имѣть 25 лѣтъ отъ роду и собствен- „ность съ ежегоднымъ доходомъ 500 фран- „ковъ. — Внѣ церкви они будутъ носить „черный Французскій кафтанъ. Епископы „могутъ носить фіолетовые чулки и „крестъ. — Священники даютъ благосло-

„венїе брачное единственно тѣмъ, которые „имѣютъ дозволенїе на бракъ отъ город- „скаго суда. — Воскресенье есть день от- „дыха для чиновниковъ Республики. — „Мѣсяцы будутъ называться по новому „Календарю, а дни по старому. — Архї- „епископамъ назначается ежегоднаго жало- „ванья 15000 ливровъ, Епископамъ 10000, „Священникамъ 1500 и 1000. — Будетъ „10 Архїепископствъ и 50 Епископствъ „во Францїи. — — Наконецъ Папа име- „немъ Духовенства отказывается отъ „всякаго требованїя на церковныя имѣнїя, „присвоенныя себѣ Французскимъ наро- „домъ. Въ случаѣ, естьли преемники Кон- „суловъ будутъ не Католики, Его Свя- „тѣйшество условится съ Республикою, „какъ избирать Епископовъ, и проч.“

Вмѣстѣ съ Конкордатомъ предлагают- ся органическїя статьи Лютеранскаго Духовенства, которое также будетъ на жалованьи Республики.

Законодательный Совѣтъ отсылаетъ сїи предложенїя въ Трибунатъ, который избираетъ особенную Коммиссїю для ихъ разсмотрѣнїя. Симеонъ, одинъ изъ ея Членовъ, 17 Жерминаля доноситъ Трибуна- ту, что Коммиссїя находитъ Конкор- датъ спасительнымъ для Францїи. Вотъ рѣчь его:

„Между разными трактатами, ко-„торые въ послѣднїе два года возвели „Республику на степень, ей принадле-„жащую, Конкордатъ достоинъ особен-„наго вниманїя. Дворъ Римскїй есть „врагъ опасный и другъ полезный; сла-„бый для явной вражды, онъ можетъ „вредить тайно, и болѣе другихъ силь-„нѣйшихъ властей. Говорятъ, что Римъ „не любитъ свободы; но онъ есть сто-„лица той Религїи, которая смягчила „нравы, и которой служители не рѣдко „спасали народъ отъ злоупотребленїй „неограниченной власти.

„Первый Конкордатъ былъ заключенъ „Францискомъ I съ Леономъ X, послѣ „Мариньянскаго сраженїя, которое, по „словамъ Фельдмаршала Тривюлса, ви-„дѣвшаго 18 сраженїй, могло назваться „битвою Гигантовъ; новый Конкордатъ „заключенъ послѣ Маренгской битвы, ко-„торая въ сравненїи съ Мариньянскою „должна назваться сраженїемъ Гигантовъ. „Теперь мы успокоимъ ревностныхъ Хри-„стїянъ Италїи и заслужимъ похвалу „всѣхъ народовъ, приведенныхъ въ ужасъ „нашими заблужденїями въ Политикѣ и „Религїи. Надлежало утвердить Пра-„вленїе Республики, ослабленное анархї-„ею; надлежало возвратиться къ Религїи,

„уничтоженной излишнею терпимостїю. „Пусть вольнодумцы не вѣрятъ ей: „для народа она столь же необходима, „какъ и законы. Дѣти, воспитанныя „въ ея правилахъ, узнаютъ, еще не имѣя „понятїя о гражданскихъ уставахъ, что „справедливо и несправедливо, что поз- „волено и запрещено. Симъ великимъ сред- „ствомъ, а не Метафизикою, первые „законодатели смирили народъ и бурныя „страсти. Мы видѣли, что суетныя „умозрѣнїя гибельны, и благоразумїе дол- „жно отдать справедливость древнимъ „обыкновенїямъ, уваженнымъ примѣрами „великихъ людей. Первое Народное Собра- „нїе хотѣло не уничтожить, а только под- „чинить Религїю Правительству и сдѣ- „лать Духовныхъ гражданами, соединивъ „богослуженїе съ новою Конституцїею. Оно „только въ одномъ ошиблось, и Консулы „воспользовались симъ опытомъ: ошиб- „лось въ томъ, что не условилось съ на- „чальникомъ Католическаго Духовенства. „Вотъ источникъ раздоровъ и войны „междоусобной! Среди семействъ отчаян- „ныхъ и полей опустошенныхъ, среди раз- „валинъ Вандейскихъ надлежало бы отвѣ- „чать тѣмъ, которые не хотятъ, чтобы „Правительство занималось Религїею. Чего „требовали вооруженные Вандейцы? отпа-

„рей и священниковъ. Одни ихъ честолю-
„бивые начальники хотѣли воздвигнуть
„тронъ вмѣстѣ съ олтаремъ; народъ
„думалъ только о Религіи.

„Мы отступаемъ назадъ, говорятъ
„нѣкоторые: впадаемъ опять въ варвар-
„ство. Но развѣ вѣкъ Арнольдовъ и Боссю-
„этовъ былъ хуже конца осьмаго-надце-
„сять вѣка? Люди совсѣмъ не-набожные
„думали, что общество атеистовъ не
„можетъ имѣть твердаго основанія. И
„такъ Религія необходима, а для нее
„также необходимо служеніе: ибо служе-
„ніе есть въ отношеніи къ Религіи то же,
„что дѣла въ отношеніи къ Морали. Нѣтъ,
„мы не отступаемъ назадъ. Начальники
„Революціи шли гигантскими шагами на
„пути разрушенія; народъ не хотѣлъ
„итти за ними, и остался далеко назади.
„Нынѣшнее Правленіе не хотѣло оста-
„вить народа и спѣшило исполнить его
„желаніе. Прежде онъ платилъ Республикѣ
„равнодушіемъ за равнодушіе ея къ Ре-
„лигіи: нынѣ, возвращая ему олтари,
„привязываемъ его къ отечеству; отни-
„маемъ предлоги у зломыслящихъ и лице-
„мѣровъ; миръ внутренній будетъ совер-
„шенъ подобно внѣшнему. Конкордатъ
„служитъ за насъ порукою другимъ на-
„родамъ, которые страшились нашихъ

„идей политическихъ и невѣрія; первый „слухъ о сихъ благодѣтельныхъ мѣрахъ „утвердилъ миръ, приготовленный герой- „ствомъ Французовъ, но весьма ненадеж- „ный безъ довѣренности къ государствен- „нымъ правиламъ.

„Католическое богослуженіе соеди- „нитъ тѣхъ, которые хотятъ ему слѣ- „довать, но другихъ оставитъ въ покоѣ. „Духовенство Католическое и Проте- „стантское зависитъ теперь отъ Пра- „вленія, которое даетъ ему жалованье. „Не льзя будетъ жаловаться; не льзя „страшиться богатства Духовныхъ: имъ „даютъ только нужное. Фенелонъ усту- „палъ домъ свой раненымъ Французамъ „и непріятелямъ, Католикамъ и Про- „тестантамъ; лечилъ и содержалъ ихъ. „Бельзенсъ въ Марсели ходилъ помогать „зараженнымъ язвою, утѣшать ихъ свя- „тымъ гласомъ Религіи. Новые пастыри „готовы слѣдовать такому примѣру; они, „искушенные долговременными бѣдстві- „ями, ожидаютъ только повелѣнія, что- „бы ревностію своею доказать благодѣ- „тельность принятыхъ мѣръ.

„Католики, Протестанты, гражда- „не одной Республики, ученики одной „Христіянской Вѣры! наслаждайтесь въ „мирѣ щастіемъ Религіи, признанной

„закономъ, подъ эгидою Правленія! Души „благочестивыя! радуйтесь: храмы от- „версты. Души твердыя и вольнодумцы! „вы также можете радоваться: васъ не „принуждаютъ вѣрить, и Правительство „хочетъ одного съ вами: терпимости!“

Собираютъ голоса и вынимаютъ шары: 78 бѣлыхъ и 7 черныхъ. Конкордатъ принятъ. Избираютъ двухъ Членовъ, Луціана Бонапарте (*) и Симеона, для донесенія о томъ Законодательному Совѣту.

18 Жерминаля собрался Законодательный Совѣтъ въ полдень. Ложи и самая зала наполнены множествомъ зрителей, между которыми замѣчаютъ Принца Оранскаго, Министровъ Россійскаго и Англійскаго.

Луціанъ Бонапарте, Ораторъ Трибуната, является на Каѳедрѣ. „Революціи, „говоритъ онъ, подобны страшнымъ земле- „трясеніямъ, которыя отверзаютъ зем- „ныя нѣдра: онѣ испровергаютъ государ- „ства, открываютъ взору ихъ внутреннее „зданіе и причину разрушенія. Наблюда- „тель видитъ въ развалинахъ, что над-

(*) Бывшаго Министра внутреннихъ дѣлъ и Посла въ Гишпаніи. Славный Карно, бывшій Директоръ, выбранъ также въ Члены Трибуната. Они, по республиканскому *смиренію*, не отказались отъ сей должности.

„лежало передѣлать, что сохранить и „что снова возстановить должно. Въ такомъ положенiи находится законодатель „Францiи. Чрезъ десять лѣтъ Революцiи, „которая была гробомъ для всѣхъ гражданскихъ учрежденiй, время возвратится „ся къ Религiи, безъ которой нѣтъ твердости въ государствахъ. Въ жару войны „и побѣдъ можно было не чувствовать „сихъ истинъ; но въ тишинѣ мира законодатель, успокоенный душею, разсуждаетъ и видитъ необходимость воздвигнуть вѣчное основанiе Религiи, утверждить ею всеобщее примиренiе и возобновить священный союзъ земли съ Небомъ, „который есть опора властей, душа „семейственнаго мира, ограда страстей „пылкой юности и защита изнемогающей „старости.

„Опровергнутъ ли сiю важную истину „картиною злоупотребленiй Религiи? Но „чего смертный во зло не обращаетъ? „Честь раждаетъ поединки, славолюбiе „войну, свобода необузданность. Устремивъ „взоръ на отдаленныя пустыни, видимъ „дикихъ людей идущихъ въ слѣдъ за „богами своими. Наблюденiе священныхъ „обрядовъ есть тамъ первая должность, и „Богъ вездѣ первое благо. Необходимая „для союза народнаго, Религiя нужна и для

„щастія людей въ особенности. Она только „можетъ ужасать тайныхъ злодѣевъ; „утѣшаетъ бѣднаго, и возноситъ при„тѣсняемаго выше притѣснителя, терзая „сильную злобу гласомъ совѣсти; и мудрый, „взирая на смертную чашу, восклицаетъ: „*есть Богъ мститель*! Исчезни убійствен„ная Метафизика, которая изсушаетъ „все, до чего касается! Нѣтъ, нѣтъ, „дерзкіе софисты! вы не можете поразить „Религіи; она живетъ на небесахъ — и „въ сердцѣ!

„Какъ мысль требуетъ знака или „слова, такъ Вѣра требуетъ Богослуженія. „Какой народъ имѣетъ отвлеченную „Религію? нужны обряды, торжествен„ныя дѣйствія; нужна самая чудесность. „Пусть нѣкоторые народы въ заблужде„ніи: оно священно, ибо благодѣтельно для „сердецъ и порядка.

„Политики говорятъ: *не имѣйте ни„какого вниманія къ Религіямъ, и тогда „не будетъ злоупотребленій*! правило лож„ное и опасное! оно раждаетъ только „неизвѣстность, безпокойство, новыя сек„ты и вражду. Правленіе должно сообра„жаться съ большимъ числомъ народа. О „сей горсти вольнодумцевъ можно сказать „то, что Писаніе говоритъ о нечести„вомъ: *былъ, и нѣтъ его*!

„Римъ отверзалъ Капитолій для „боговъ побѣжденнаго народа. Уже доказано „на сей каѳедрѣ, что всѣ мудрые законо- „датели звали къ себѣ на помощь Рели- „гію. Такъ думалъ Жанъ Жакъ Руссо, „говоря, что она должна быть любезна „государству. Самъ Мирабо, котораго „не льзя назвать невѣждою и суевѣромъ — „Мирабо, одинъ изъ первыхъ дѣйствова- „телей Революціи, сказалъ торжественно „въ Народномъ Собраніи: *утвердимъ предъ „лицемъ всѣхъ народовъ, что Религія и Бого- „служеніе столь же необходимы для Фран- „цузовъ, какъ свобода; поставимъ крестъ „на главѣ всѣхъ Департаментовъ, и дока- „жемъ, что мы не хотимъ истребить въ „сердцѣ послѣдней надежды нещастной „добродѣтели!* Англія, обожая свободу, „обожаетъ и Религію. Правительство и „Духовенство взаимно поддерживаютъ „другъ друга. Вольность и собствен- „ность священны — совѣсть также. Оста- „вить отечество безъ Религіи и олтарей, „есть явить свѣту примѣръ неслыханный „и неизвѣстный въ лѣтописяхъ.

„Тѣ, которые желали бы ввести но- „вую Религію, вмѣсто Католической, „забываютъ гибельное слѣдствіе расколовъ, „несогласій, фанатизма. Нѣтъ, нѣтъ! „Правительство должно было возстано-

„вить древнюю, общую вѣру народа, „отмѣнивъ нѣкоторыя злоупотребленія, „противныя святой чистотѣ ея.

„Граждане Законодатели! утвердите „зданіе Республики на основаніи Религіи, „и сдѣлайте общій миръ надежнымъ, „заключивъ миръ съ гражданами и съ „совѣстію. Вамъ должно слѣдовать волѣ „народной; а народъ требуетъ возстано-„вленія Религіи.“

Подаютъ голоса: 218 за Конкордатъ, и только 21 противъ. Онъ рѣшительно принятъ и утвержденъ.

На другой день Папскій Легатъ, Кардиналъ Капрара, имѣлъ торжественную аудіенцію у Бонапарте, и въ первый день Пасхи будетъ пѣть молебенъ въ соборной церкви Богоматери въ присутствіи Консуловъ, съ пушечною пальбою и съ колокольнымъ звономъ. Бывшій Архіепископъ Эсскій Боажелень и Членъ перваго Народнаго Собранія долженъ говорить проповѣдь. Легатъ, давъ клятву слѣдовать во всемъ законамъ Республики, посвятилъ уже трехъ новыхъ Епископовъ.

Такимъ образомъ Бонапарте представляетъ намъ великія явленія одно за другимъ. Торжественное возстановленіе Религіи есть безъ сомнѣнія одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ его: оно утверждаетъ

Французское Правленіе едва ли не болѣе побѣдъ и миритъ его съ Европою едва ли не болѣе Амьенскаго трактата.

III.

Извѣстія.

Изъ Англіи.

12 Апрѣля Г. Борденъ, Членъ Нижняго Англійскаго Парламента, требовалъ, чтобы особенный Комитетъ изслѣдовалъ дѣла прежнихъ Министровъ. — „Наконецъ, сказалъ онъ, пришло время, въ которое Министры должны отвѣтствовать народу за кровь, ими пролїянную, и за милліоны, ими расточенные. Я отдаюсь на судъ благоразумія и справедливости Членовъ. Мы найдемъ, что законы государства отмѣнены подъ ничтожными предлогами; что всѣ столпы Конституціи испровержены, и что одно злоупотребленіе съ корыстію господствуетъ въ Англіи. Мы найдемъ, что народъ обремененъ налогами, утѣсненъ со всѣхъ сторонъ; что главныя отношенія въ государствѣ, отъ трона до частнаго гражданина, измѣнились. Положеніе Короля, Принца Валлисскаго, Парламента, судей; состояніе законовъ, арміи, Банка, города

Лондона, обѣихъ Индїй, Ирландїи и Шотландїи — все, все является въ другомъ видѣ. Сїя перемѣна была истинною цѣлїю войны, а не истребленїе Якобинства; хотѣли уничтожить не врага, но свободу, собственность, нравы, законы, обыкновенїя Британцевъ. Францїя торжествуетъ, а мы лишились всего, что Патрїотамъ было драгоцѣнно. Уже нѣтъ въ Англїи свободнаго книгопечатанїя. Искреннее сообщенїе мыслей называется пасквилемъ, за который должно отвѣтствовать. Теперь я боюсь въ саду своемъ сдѣлать для птицъ пугалище, чтобы его не назвали сатирою на Англїйское Правленїе, и чтобы меня вмѣстѣ съ злодѣями не сослали въ Ботани-Бей! Нынѣ собранїе болѣе пятидесяти человѣкъ запрещено подъ смертною казнїю. Система бывшихъ Министровъ умерщвила Патрїотизмъ; они преступленїя свои называли благоразумною рѣшительностїю; выдумали новыя мѣста и чины для умноженїя своихъ рабовъ; построили тайныя, ужасныя темницы; набрали чужестранныхъ солдатъ, чтобы имѣть въ нихъ надежное орудїе тиранства. Нынѣшнїе Министры хотятъ защитить ихъ, можетъ быть ожидая отъ своихъ преемниковъ такой же услуги. Народъ долженъ возненавидѣть за то и

Министровъ и Парламентъ. Намъ безпрестанно твердятъ о благоденствіи Англіи; но въ чемъ состоитъ оно? развѣ въ долгѣ 550 милліоновъ? развѣ въ Правительствѣ, которое стращаетъ насъ Бастиллїями? развѣ въ уничтоженіи личной безопасности, въ армїи шпіоновъ и доносителей, въ Инквизиціи политическихъ мнѣній и собственности гражданъ, въ прибавкѣ жалованья судьямъ (чтобы заглушить ихъ совѣсть), въ обѣднѣвшемъ народѣ и легковѣрномъ Парламентѣ? Нынѣшнее состояніе Ирландіи горестно; а взоръ на прошедшее ужасенъ. При концѣ Американской войны почти вся Ирландская армїя сражалась за Англїю, не требуя отъ насъ денегъ на содержаніе. Скоро послѣ того ввели въ Парламентъ систему корысти; начали подкупать людей. Народъ желалъ тогда перемѣны, и краснорѣчіе Господина (Питта), противъ меня сидящаго, убѣдило насъ въ ея необходимости; но онъ, ставъ Министромъ, перемѣнилъ свои мысли. Для усмиренія Ирландцевъ послали армїю; начались пытки, истязанія, злодѣйства подъ именемъ законнаго наказанія. Народъ возсталъ противъ тиранства: тысячи пали въ сраженіяхъ, были казнены и терзаемы. До сего времени Министръ вмѣстѣ съ Пар-

ламентомъ дѣйствовалъ противъ народа: тутъ онъ вдругъ (о чудо ума!) навелъ пушки на Парламентъ, объявилъ его несвѣдущимъ, безсмысленнымъ, и принудилъ къ соединенію съ Англіею. Въ семъ случаѣ Министръ не только сравнялся, но еще превзошелъ Роперспьера. — Однимъ словомъ, бывшіе Министры причиною нашего опаснаго положенія въ разсужденіи Франціи и всей Европы. Должно изслѣдовать ихъ поступки." —

„Я слышалъ странную рѣчь (сказалъ Лордъ Темпель): одни пустыя слова, и болѣе ничего. Риторъ забылъ доказать намъ пользу своего предложенія; забылъ доказать все то, что онъ утверждаетъ. И свобода и собственность цѣлы въ Англіи. Что касается до налога на доходы, то онъ спасъ Великобританнію. Бывшему первому Министру обязаны мы нынѣшнимъ своимъ благоденствіемъ; его талантамъ обязаны тѣмъ, что живемъ подъ скипетромъ добродѣтельнаго Монарха, и не достались въ жертву чужестраннымъ завоевателямъ." — Господинъ Джонесъ говорилъ, что предложеніе Бордетово благоразумно. Лордъ Бельгревъ съ великимъ жаромъ хвалилъ бывшихъ Министровъ, и хотѣлъ, чтобы Парламентъ изъявилъ имъ благодарность отъ

имени народа. Господинъ Питтъ желалъ, чтобы почтенный другъ его не бралъ на себя труда оспоривать *грозное* предложенїе Господина Бордета. „Оно, можетъ быть, сдѣлано не во время, сказалъ Шериданъ: но естьли бывшїе Министры такъ мудры и добродѣтельны, какъ нѣкоторые утверждаютъ, то надобно спросить у Его Величества, для чего Онъ отставилъ ихъ?" — Собрали голоса: — предложенїе Бордетово отвергнуто 246 голосами противъ 59.

Министръ Аддингтонъ представилъ Парламенту картину доходовъ и расходовъ Англїи. Вмѣсто уничтоженнаго налога, столь ненавистнаго Англичанамъ подъ именемъ income-tax (*), онъ предложилъ налоги на портеръ, хмѣль, лошадей, слугъ, и проч., которые однакожь не могутъ замѣнить его. — Г. Аддингтонъ надѣется, что Англїя можетъ въ 45 лѣтъ выплатить долги свои, и доказываетъ сїю возможность разными вычисленїями, которыя не будутъ ясны для нашихъ Читателей.

Еще другїе предметы занимали Парламентъ: необходимость назначить новыя суммы для содержанїя Двора — права Наслѣднаго Принца на доходы съ Корн-

(*) Налогъ на доходы.

валисскаго Герцогства (то есть, Принцъ также имѣетъ нужду въ деньгахъ) — Банкъ и наконецъ торгъ невольниками. Фоксъ, разсуждая о потребностяхъ Двора, говорилъ, что ему нужна экономія еще болѣе новыхъ доходовъ; а требованія Принца Валисскаго находилъ справедливыми. — Г. Робсонъ сказалъ, что Банкъ не думаетъ платить наличными деньгами въ назначенное для того Парламентомъ время (*); что нація будетъ тѣмъ весьма недовольна, и что Министры должны показать, сколько они заплатили процентовъ Банку; что онъ конечно имѣетъ уже много золота, и могъ бы выдавать его; что безпрестанное умноженіе Англійскихъ ассигнацій напоминаетъ фабрику Французскихъ *ассиньятовъ*. Робсоново предложеніе отвергнуто. — Г. Каннинъ и Вильберфорсъ говорили противъ варварскаго обыкновенія торговать Неграми, думая, что пріобрѣтеніе острова Троицы еще умножитъ сей ненавистный торгъ. — Засѣданія Парламента будутъ гораздо любопытнѣе тогда, когда Министры предложатъ ему мирный трактатъ.

(*) Еще въ 1797 году Парламентъ далъ Банку дозволеніе не платить деньгами за ассигнаціи.

Изъ Палермы отъ 13 Марта.

Новѣйшія письма изъ Корфу увѣдомляютъ насъ, что Оттоманская Порта, считая Республику Семи Островов своею подданною, прислала въ Корфу Турецкаго Коммендантa съ малочисленною свитою.

Корфіоты, бывъ подъ начальствомъ благородныхъ, отняли у нихъ сію власть, уничтожили Сенатъ, распустили войско и хотѣли основать у себя Демократію; другіе острова слѣдовали ихъ примѣру.

Въ сію Республику отправленъ былъ Графъ д' Оріо, Дѣйствительный Штатскій Совѣтникъ и Мальтійскій Кавалеръ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ ея начальникомъ. Принцъ Теотоки, уважаемый и любимый жителями острова Корфу, свѣдавъ о прибытіи Графа д' Оріо въ Бриндизи, собралъ народъ и представилъ ему, что Республика не должна повиноваться сему Графу, иностранцу и бывшему Венеціянскому дворянину. Когда же д' Оріо пріѣхалъ въ Корфу, то народъ не велѣлъ оказывать ему никакихъ почестей, запретилъ гражданамъ имѣть съ нимъ сообщеніе и даже снимать передъ нимъ шляпу на улицѣ. Графъ, въѣхавъ въ городъ, хотѣлъ приложиться къ мо-

щамъ Святаго Спиридіона и тѣмъ изъявить ему благодарность за свое щастливое прибытіе; но его не впустили въ церковь. Графъ Метакса былъ взятъ подъ стражу за то, что онъ видѣлся съ Графомъ д' Оріо, и высланъ изъ Республики со всѣмъ его семействомъ.

Благородные жили въ страхѣ и не смѣли показываться. Пять братьевъ знатнѣйшей и богатѣйшей фамиліи Унгара, ложно обвиняемые въ заговорѣ, сидѣли въ темницѣ, и народъ грозился ихъ разстрѣлять.

Въ сіе время вошли въ гавань 3 Англійскіе фрегата, и въ нѣсколько дней все перемѣнилось. Жители острова Корфу получили грозный Фирманъ отъ Султана, не довольнаго ихъ новою Конституціею. Онъ ставитъ имъ въ примѣръ Францію, велитъ навсегда отказаться отъ ложныхъ идей равенства, и говоритъ, что скорѣе Республика Семи Острововъ будетъ пустынею, нежели Демократіею. Народъ, боясь Англійскихъ пушекъ, долженъ былъ повиноваться: всѣ новыя власти уничтожены, и прежнее начальство возстановлено на островѣ. Такимъ образомъ Турецкое Правительство, не умѣя хранить благоустройства въ своей Имперіи, хочетъ быть Менторомъ сей

Республики, столь щастливой своимъ положенїемъ и климатомъ!

Изъ Копенгагена отъ 16 Апрѣля.

Одинъ извѣстный своею добродѣтелїю поселянинъ, живущїй не далеко отъ Копенгагена, вздумалъ праздновать *золотую свадьбу*, то есть пятидесятый годъ своего щастливаго супружества, и звалъ къ себѣ на обѣдъ Наслѣднаго Принца. Его Высочество извинился, что дурная погода не дозволяетъ ему ѣхать *къ почтенному старцу, украшенному добродѣтелями древнихъ вѣковъ*; но послалъ къ нему самыхъ лучшихъ винъ и корзину съ плодами. Щастливая земля, гдѣ земледѣльцы могутъ звать къ себѣ въ гости Наслѣднныхъ Принцовъ!

П. П. Въ С. Доминго были упорныя сраженїя. Африканскїе Генералы дрались храбро, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ били Французовъ; но у Туссеня осталось только тысячи двѣ войска, и всѣ жители считаютъ его погибшимъ.

О Россійскихъ книгахъ.

У Содержателей Университетской Типографіи, *Любы, Гарія и Попова, по Комиссіи* въ ихъ лавкахъ, въ *первой* Университетской, что на Тверской; во *второй*, на Ильинкѣ, въ новомъ Гостиномъ дворѣ, противъ Хрустальнаго ряду на углу, подъ No 1; въ *третьей*, на Никольской улицѣ, подлѣ входа въ Управу Благочинія, подъ No 3, въ продажу вступили слѣдующія, вновь изъ печати вышедшія книги:

Августина Блаженнаго Богословія Таинственная, въ трехъ Книгахъ состоящая: первая, Богомысліе, въ 36 главахъ; вторая, разговоры уединенныя души съ Богомъ, въ 37 главахъ; третія, ручная книжица о прилѣжномъ еже о Христѣ, или Божіемъ словѣ въ умѣ своемъ поученіи, въ 40 главахъ; переведена съ Латинскаго языка, и на темныя мѣста краткія изъясненія приложены Протоіереемъ Роменскимъ Константиномъ Крижановскимъ. Спб. въ бум. 1 руб. 10 коп.

Августина Блаженнаго три книги: первая, о подвигѣ Христіянина, содержащая въ себѣ правило вѣры и наставленія жизни; вторая, Ручникъ о трехъ Евангельскихъ добродѣтеляхъ: Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви, гдѣ истинный образъ Богопочтенія и истинная премудрость человѣческая кратко изображены; третія, мысли, выбранныя изъ его же сочиненій Просперомъ Аквитанскимъ, содержащая въ себѣ 390 статей, а къ нимъ приложенъ разговоръ о Святѣй Троицѣ. — Тогожъ Б. А. Спб. въ бум. 1 руб. 60 коп.

Августина Блаженнаго Зеркало, изъ всего Священнаго Писанія, то есть изъ обоихъ Божественныхъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ составленное, содержащее въ себѣ какъ приказанія, такъ и запрещенія Божія къ поправленію житія человѣческаго служащія, дабы оныя всякъ читая могъ самого себя какъ бы въ зеркалѣ видѣть и познать, повинуется ли онъ Богу, или нѣтъ. Спб. въ бум. 1 руб. 60 коп.

Сочиненія Преосвященнаго Тихона Iго, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, три книги: первая, наставленіе Христіянское; вторая, краткія нравоучительныя Слова; третія, разныя проповѣди, съ приложеніемъ описанія жизни его. Спб. въ бум. 1 руб. 60 коп.

Размышленія о любви къ Богу, взятыя изъ сочиненій Идіота, мужа, прославившагося въ Ученомъ свѣтѣ. Перевелъ Московской Славено-Греколатинской Академіи Философіи Студентъ Ромадановскій. Издано иждивеніемъ одной благотворительной Особы, для поощренія учащихся въ Московской Академіи, къ подобнымъ душеспасительнымъ и богоугоднымъ переводамъ и упражненіямъ. Съ дозволенія Московской Цензуры. Москва, 1801 года, въ бумажкѣ 70 копѣекъ.

Слово о томъ, въ чемъ мы должны искать истинной нашей славы, и чѣмъ можемъ достойно прославлять Бога, проповѣданное Архимандритомъ, Московской Академіи Ректоромъ Владиміромъ. М. 1801 года, въ бумажкѣ 25 копѣекъ.

Иногородные — сіи и всякія книги могутъ получать изъ оныхъ лавокъ чрезъ Почту.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1802.

№ 10.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Путешествіе Аббата Бартелеми въ Италіи.

Желая, чтобы *Вѣстникъ Европы* былъ собраніемъ достопамятностей Европейской Литтературы и Политики, мы должны замѣчать важнѣйшее и любопытное какъ въ той, такъ и въ другой. Путешествіе Аббата Бартелеми, еще неизвѣстное въ Россіи (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ), есть самая любопытнѣйшая изъ новыхъ книгъ; и по тому считаемъ за обязанность дать объ немъ идею.

Бартелеми былъ въ Италіи съ Герцогомъ Шуазёлемъ и сообщалъ Графу Келюсу какъ описаніе видимыхъ имъ предметовъ, такъ и мысли свои объ оныхъ. Онъ писалъ не для публики, не думалъ

„нія его кабинета медалей, мнѣ ввѣрен-
„наго, считаю за долгъ искать знаком-
„ства первыхъ Италїянскихъ ученыхъ.
„Онъ снялъ колпакъ, удвоилъ вѣжливость
„свою, долго кашлялъ, и требовалъ у меня
„дозволенія представить мнѣ Синьйору
„Марію Лауру, его старинную прї-
„ятельницу, которая равно учена и доб-
„родѣтельна, знаетъ Латинской, Грече-
„ской, Еврейской языкъ, рисуетъ, пи-
„шетъ какъ Апеллъ, играетъ на лирѣ
„какъ Орфей и шьетъ какъ дочери Мине-
„евы. Хвала еще продолжалась, когда
„вошла къ намъ Синьйора, женщина лѣтъ
„въ 65; а ему будетъ, кажется, лѣтъ 70.

„Въ теченіе разговора Прелатъ увѣ-
„рялъ меня, что онъ происходитъ отъ
„Рыцаря Баярда, и не только родомъ,
„но и душею Французъ совершенный;
„жаловался на медленность работъ Гер-
„куланскихъ, на безпечность Министровъ
„въ разсужденіи древнихъ манускриптовъ,
„на досаду людей, завидующихъ его боль-
„шому жалованью. Не знаю, какъ я на-
„именовалъ Графа Келюса: онъ въ ту же
„секунду закричалъ: *какъ! вы знаете*
„*Графа Келюса? онъ другъ мнѣ. Послу-*
„*шайте, Синьйора Лаура: этотъ Графъ*
„*Келюсъ есть знатной господинъ во Фран-*
„*ціи, великой мужъ ученостію, душа всѣхъ*

„*Парижскихъ Академій, покровитель всѣхъ „Искусствъ, все знаетъ, обо всемъ пишетъ, „и плѣняетъ своими твореніями весь уче-„ный міръ.* И въ ту минуту, оборотясь „ко мнѣ, спросилъ по-Французски: Qu'a-„t-il fait, le Caylous? je n'ai jamais rien vou „de loui (*) (*о чемъ писалъ Келюсъ? я ни-„когда не видалъ его сочиненій*). Не дожи-„даясь моего отвѣта, онъ позвонилъ въ „колокольчикъ, велѣлъ принести большую „коробку, наполненную его Латинскими „стихами, и спросилъ, хочу ли слушать „ихъ? Съ великимъ удовольствіемъ, *Мон-„синьйоръ*, отвѣчалъ я: но вы кашляе-„те! *Нужды нѣтъ*, сказалъ онъ: *жертвую „всѣмъ вашему удовольствію* — и началъ „декламировать мнѣ *анатомическое описа-„ніе мозга.* Вопервыхъ матерія была мнѣ „не очень знакома; вовторыхъ Латин-„ское произношеніе Италіянцевъ такъ не „сходно съ нашимъ, что прелесть сти-„ховъ его совершенно укрывалась отъ мо-„его слабаго понятія. Синьйора Лаура „догадалась, и перервала чтеніе; сказа-„ла, что такое важное содержаніе тре-„буетъ отмѣннаго вниманія, и предло-„жила ему читать *Тревійской* его *исто-*

(*) Извѣстно, что Италіянцы произносятъ Французское *u* какъ *ou*.

„*Никъ.* Синьйора говоритъ правду, ска-„залъ онъ: вы были въ Римѣ и конечно „нѣсколько разъ удивлялись этому пре-„красному источнику. Его при мнѣ от-„крыли: огонь пїитическїй воспылалъ въ „моей головѣ, и рѣкою излился въ этой „пїесѣ. — Сколько разъ ни твердилъ я: „*Монсиньйоръ! вы кашляете!* слова мои „остались безъ дѣйствїя; надлежало слу-„шать" — и проч.

Всего любопытнѣе видѣть въ сей книгѣ первую идею великаго творенїя, которое прославило Бартелеми: идею *Анахарсиса.* Онъ хотѣлъ сперва описать путешествїе Француза по Италїи въ вѣкъ Медицисовъ. Вотъ планъ его, самимъ Бартелеми написанный. Онъ представляетъ намъ эпоху славную возрожденїемъ Искусствъ, Наукъ, и множествомъ великихъ людей, жившихъ въ одно время.

„Французъ переѣзжаетъ черезъ Аль-„пїйскїя горы, и видитъ въ Павїи Iеро-„ма Кардана, писавшаго о всѣхъ предме-„тахъ, Автора двѣнадцати большихъ „томовъ; въ Пармѣ Корреджїя, расписы-„вающаго куполъ соборной церкви; въ „Манту Графа Бальтазара Кастильйона, „сочинителя прекрасной книги Il cortigi-„ano (*придворнаго*); въ Веронѣ Фрака-„стора, Медика, Философа, Астронома,

„Математика, Литтератора, Космо-
„графа, славнаго всѣмъ, а особливо стихо-
„творствомъ: ибо тогдашнїе писатели
„старались отличиться во всѣхъ родахъ
„(что бываетъ во всякой землѣ при на-
„чалѣ Наукъ и Литтературы). Въ Па-
„дуѣ онъ слушаетъ лекцїи Филиппа Де-
„цїя, Доктора Правъ, славнаго талантами
„и знанїями. Сей городъ зависѣлъ тогда
„отъ Венецїи. Лудовикъ XII, завладѣвъ
„Миланомъ, хотѣлъ прославить сей го-
„родъ поселенїемъ въ его стѣнахъ Докто-
„ра Децїя; но Республика долго не хотѣ-
„ла съ нимъ разстаться, спорила — и
„двѣ сильныя Державы едва было не на-
„чали воевать за Юрисконсульта!

„Путешественникъ нашъ знакомит-
„ся въ Венецїи съ Данїиломъ Барбаро
„(наслѣдникомъ щастливаго для Наукъ
„имени, умножившимъ славу его примѣ-
„чанїями на Аристотелеву Реторику,
„переводомъ Витрувїя, трактатомъ о
„*Перспективѣ*) и Павла Мануче, славна-
„го ученаго и типографщика, у котораго
„находитъ онъ всѣ новыя Италїянскїя
„изданїя древнихъ Авторовъ. — Въ Фер-
„рарѣ видитъ Арїоста, въ Болоньи Про-
„фессора Ричи, въ Флоренцїи Макїавеля,
„Историковъ Гвикардина и Павла Джо-
„ве, цвѣтущїй Университетъ и Домъ

„Медицисовъ, нѣкогда купеческій, а то-„гда уже Владѣтельный, и въ свойствѣ „со многими Королевскими фамиліями: „Домъ, который въ первомъ состояніи „оказалъ великія добродѣтели, а во вто-„ромъ великіе пороки, но всегда славил-„ся, ибо всегда любилъ Искусства и Лит-„тературу. — Въ Римѣ видитъ онъ Ми-„кель-Анджело, сводящаго куполъ Свя-„щаго Петра; Рафаеля, расписывающаго „Ватиканскую галлерею; Садолета и „Бембо, тогдашнихъ Секретарей Леона X; „Триссино, отдающаго на театръ Софо-„низбу, первую трагедію, сочиненную „послѣ Древнихъ; Бероальда, Ватикан-„скаго Библіотекаря, занятаго изданіемъ „Тацитовыхъ лѣтописей, не давно найден-„ныхъ въ Вестфаліи и купленныхъ Лео-„номъ X за 500 червонцевъ. Сей Папа „предлагаетъ мѣста и знатное жалованье „ученымъ всѣхъ народовъ, желающимъ „поселиться въ его областяхъ, и боль-„шое награжденіе тѣмъ, которые прине-„сутъ ему неизвѣстные манускрипты.

„Въ Неаполѣ онъ находитъ Телезіо, „хотящаго воскресить систему Парме-„нидову (и бывшаго, по словамъ Бакона, „первымъ возстановителемъ Философіи), и „еще Бруно, котораго Натура избрала „быть изъяснителемъ ея, наградила

„великимъ разумомъ, но лишила таланта „управлять собою (*).

„До сего времени путешественникъ „летѣлъ, такъ сказать, съ одного конца „Италіи на другой, находя вездѣ чуде„сности, то есть, великіе монументы и „великихъ людей, удивляясь безпрестанно „и восхищаясь духомъ. Долговременное пре„бываніе въ Италіи и въ разныхъ ея зем„ляхъ откроетъ ему еще болѣе любопыт„наго. Какая богатая жатва для ума! какой „источникъ идей о началѣ Европейскаго „просвѣщенія! Означаю только нѣкоторыя; „но предметъ увлекаетъ меня, и требуетъ „еще дальнѣйшихъ изъясненій.

„Въ пятомъ и шестомъ вѣкѣ Италія „покорена была Герулями, Готами, Остро„готами и другими народами, до того „времени неизвѣстными: въ XV вѣкѣ она, „гораздо щастливѣе, покорилась Генію и „талантамъ, призваннымъ или, по край„ней мѣрѣ, принятымъ Домами Медициц„скимъ, Эстскимъ, Урбинскимъ, Гонзак„скимъ — Государями и Республиками. „Вездѣ явились великіе люди: одни, рож„денные въ самой Италіи; другіе, при„влеченные изъ другихъ земель, не столько

(*) За многія свои дерзкія сочиненія и за перемѣну вѣры онъ былъ сожженъ въ Римѣ.

„низкою корыстію, сколько лестнымъ „уваженіемъ; иные, вызванные изъ Ита„ліи въ другія государства, чтобы распро„страняти тамъ свѣдѣнія, образовать „воспитаніе юности и хранить здравіе „Государей.

„Вездѣ учреждались Коллегіи, Уни„верситеты, типографіи для всѣхъ язы„ковъ и наукъ, библіотеки, ежедневно „обогащаемыя напечатанными въ Италіи „книгами, и новыми манускриптами, „привозимыми изъ тѣхъ земель, въ кото„рыхъ еще царствовало невѣжество. Ака„деміи такъ умножились, что въ одной „Феррарѣ было ихъ 12, въ Болоньи 14, „въ Сіеннѣ 16. Онѣ имѣли предметомъ „своимъ Науки, Словесность, языки, „Исторію, Искусства. Одна изъ сихъ „Академій слѣдовала Платону, а другая „ученику его Аристотелю: въ обѣихъ „толковали мнѣнія древней Философіи и „даже *угадывали* мнѣнія новой. Въ Болоньи „и въ Венеціи Академія имѣла попече„ніе о типографіи, о хорошей бумагѣ, о „литерахъ, корректурахъ и вообще о совер„шенствѣ новыхъ изданій.

„Быстрые успѣхи Наукъ въ Италіи „были слѣдствіемъ соревнованія между ея „разными Правительствами и самаго кли„мата ея. Всякая столица и малѣйшіе

„города славились любовїю къ просвѣщенїю, „и заводили Обсерваторїи для Астроно- „мовъ, Амфитеатры для Анатомиковъ, „сады для Натуралистовъ, библїотеки „для всѣхъ Литтераторовъ, кабинеты „древностей для Антикварїевъ, и всякаго „рода талантамъ наперерывъ изъявляли „почтенїе и благодарность. — Что касает- „ся до климата, то въ сей землѣ не „рѣдко находимъ людей съ пылкимъ воо- „раженїемъ, съ умомъ проницательнымъ, „способныхъ къ глубокомыслїю, къ вели- „кимъ предпрїятїямъ, и неспособныхъ „оставить ихъ, когда они размыслили и „твердо рѣшились. Симъ выгодамъ и свой- „ствамъ Италїя обязана была тѣмъ бо- „гатствомъ Наукъ и талантовъ, которое „въ нѣсколько лѣтъ возвело ее, въ срав- „ненїи съ другими землями, на степень „удивительнаго просвѣщенїя.

„Я полагаю Арїоста современникомъ „Леона X, но могъ-бы и Петрарка и „Тасса представить въ семъ вѣкѣ, хотя „одинъ жилъ за 150 лѣтъ прежде, а „другой родился 11 лѣтъ послѣ: ибо „Петрарковы Италїянскїя стихотворенїя, „забытыя въ свое время, только при „Леонѣ X сдѣлались славны; а Тассъ обра- „зовалъ себя по Арїосту. Такъ называ- „ютъ именемъ Нила источникъ и устье

„сей рѣки. — Всѣ роды стихотворства „были тогда въ цвѣтущемъ состояніи, и „каждый оставилъ великіе образцы. Кромѣ „Аріоста, въ Италіянской Поэзіи отли„чались Бернардъ Тассо, отецъ славнаго „Торквата, Бентеволіо, Аннибалъ Каро, „Берни; а въ Латинской Поэзіи Санна„зарь, Политиціанъ, Вида, Бероальдъ; и „между тѣми, которые, не будучи соб„ственно Поэтами, писали стихи, можно „наименовать Леона X, Макіавеля, Ми„кель-Анджело, Бенвенуто Челлини, „славнаго ваятеля, гравёра и золотыхъ „дѣлъ мастера.

„Успѣхи Архитектуры доказываются „въ семъ вѣкѣ съ одной стороны тво„реніями Серліо, Виньйоля, Палладія, и „многими примѣчаніями на трактатъ „Витрувія; а съ другой стороны народ„ными и частными зданіями, которыя „и теперь удивляютъ знатоковъ.

„Въ разсужденіи живописи я наиме„новалъ Микель-Анджело, Рафаеля, „Корреджіо: къ нимъ надобно прибавить „Юлія Романа, Тиціана, Андрея дель„Сарте и множество другихъ великихъ „Артистовъ, образованныхъ ихъ произве„деніями.

„Ежедневно выходили новые трактаты о системахъ Платона, Аристотеля

„и древнихъ Философовъ. Трудолюбивые „Критики занимались Римскими древно„стями, и всѣ города собирали свои лѣто„писи. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые „Писатели, изъясняя Исторїю человѣка, „проницали умомъ въ самую глубокую „древность, смѣлые мореплаватели пре„зирали всѣ опасности, чтобы открыть „отдаленные и неизвѣстные народы, кото„рыхъ бытїе начинало казаться вѣроят„нымъ. Имена Христофора Колумба, Аме„рика Веспуцїя, Себастїана Кабота, укра„шаютъ сей блестящїй списокъ, скоро „умноженный именами другихъ Италїян„цевъ, которыхъ извѣстїя были обнародо„ваны Рамузїемъ.

„Взятїе Константинополя Турками „въ 1453 году и щедрость Леона X за„ставили переселиться въ Италїю мно„гихъ Грековъ, которые привезли съ собою „всѣ главныя Математическїя книги. „Старались узнать языкъ ихъ; Гре„ческїя творенїя были изданы, переве„дены, изъясняемы, и охота къ Геометрїи „сдѣлалась общею. Нѣкоторые посвятили „себя ей одной: на примѣръ Тарталїа, „Коммандонъ; другїе присоединили ее къ „своимъ упражненїямъ, на примѣръ Мавро„лико, который писалъ объ Ариѳметикѣ, „Механикѣ, Астрономїи, Оптикѣ, Музыкѣ,

„Исторіи, Грамматикѣ, чудесахъ и стра-
„даніяхъ Римскихъ Святыхъ, и сверхъ
„того сочинялъ Италіянскіе стихи.

„Анатомія обогатилась наблюденіями
„Фаллопа Моденскаго, Болоньини, Виго,
„и проч.

„Альдрованди, бывъ 48 лѣтъ Про-
„фессоромъ Ботаники и Философіи въ
„Болонскомъ Университетѣ, оставилъ
„потомству 17 огромныхъ томовъ о Есте-
„ственной Исторіи. Не говорю о множе-
„ствѣ богословскихъ книгъ и трактатовъ
„о Юриспруденціи.

„Успѣхи Искусствъ питали любовь
„къ спектаклямъ и пышности. Исторія,
„вмѣстѣ съ монументами Грековъ и Рим-
„лянъ, вселяла въ душу идеи благопри-
„стойности, величія и гармоніи, кото-
„рыхъ не знали прежде. Когда Юліанъ
„Медицисъ, братъ Леона X, былъ объяв-
„ленъ Римскимъ гражданиномъ, Папа
„давалъ городу великолѣпные праздники,
„соединенные съ народными играми въ
„Греческомъ вкусѣ; на обширномъ театрѣ,
„построенномъ близъ Капитолія, пред-
„ставляли два дни Плавтову комедію;
„ея музыка и пышныя декораціи были
„предметомъ всеобщаго удивленія. Леонъ X
„при семъ случаѣ уничтожилъ нѣкоторые
„налоги и далъ справедливости видъ благо-

„дѣянія; а народъ соорудилъ ему ста-
„тую.

„Время, въ которое Натура открыла
„людямъ столько таинствъ, Философія
„столько истинъ, промышленность столь-
„ко новыхъ способовъ, и въ которое къ на-
„шему міру прибавился еще цѣлой міръ (*),
„кажется наблюдателю рожденіемъ новаго
„человѣческаго рода; но изумленіе его
„уменшится, когда онъ увидитъ достоин-
„ство и таланты наравнѣ съ первыми
„титлами знатности, страстныхъ люби-
„телей Наукъ въ пурпурѣ Римскомъ,
„Ученыхъ въ совѣтѣ Царей, на важнѣй-
„шихъ мѣстахъ Правленія — тогда ему
„ясно откроется причина.

„Чтобы еще возвысить любопыт-
„ность сего путешествія, надлежало бы
„прибавить къ блестящимъ дѣйствіямъ
„благороднаго, общаго славолюбія, всѣ
„новыя идеи, которыя способствовали
„сей чудесной революціи, и всѣ знаки
„тогдашняго волненія Европейскихъ наро-
„довъ, и всѣ отношенія къ древнему Ри-
„му, которыя безпрестанно являются
„уму, и все, что настоящее пригото-
„вило для будущаго; ибо вѣкъ Леона X
„былъ утреннею зарею слѣдующихъ, и

(*) То есть, Америка.

„многіе Геніи Европы, блиставшіе въ „XVII и XVIII вѣкѣ, обязаны большею „частію славы своей Геніямъ Италіи пя- „паго- и шестаго- надесять вѣка. Сей „предметъ такъ богатъ картинами, раз- „нообразными и полезными для ума, „что я хотѣлъ имъ заняться; но ско- „ро увидѣлъ, что онъ требуетъ отъ „меня совсѣмъ новыхъ упражненій и тру- „довъ. Вообразивъ тогда же, что путе- „шествіе въ Греціи, около Филиппова „времени, представляетъ мнѣ способъ „заключить въ маломъ пространствѣ все „любопытное Греческой Исторіи и множе- „ство подробностей въ разсужденіи на- „укъ, искусствъ, Религіи и нравовъ, „обыкновеній и другаго, что не можетъ „быть описано Историками, я обрадовал- „ся сей мысли, долго занимался планомъ „и началъ работать въ 1757 году, по „возвращеніи моемъ изъ Италіи."

Мы безъ сомнѣнія не можемъ пенять Аббату Бартелеми, что онъ предпочелъ Грецію Италіи; но жаль, что и первое намѣреніе осталось только мыслію. Хорошо, естьли бы сыскался какой нибудь второй Бартелеми, который могъ бы ею воспользоваться и произвести въ дѣйство сей щастливый и великій планъ; но ученость съ талантомъ, талантъ съ тер-

пѣнїемъ, охота съ возможностїю рѣдко бываютъ вмѣстѣ.

II.

Воздушные шары.

. . . Веревки обрѣзали: шаръ поднялся величественно; знамя вѣяло въ раскрашенной лодкѣ; смѣльчакъ махалъ шляпою; десять тысячь ртовъ было разинуто, двадцать тысячь глазъ устремлено вверхъ и столько же рукъ хлопало изо всей силы. Я стоялъ въ толпѣ, и восхищаясь славнымъ зрѣлищемъ, плакалъ отъ радости. Шаръ терялся въ облакахъ, а я въ размышленїяхъ о величїи духа человѣческаго.

Странной предметъ вывелъ меня изъ задумчивости. Передо мною стоялъ маленькой, сѣдой старикъ, которой не могъ уже держать на себѣ огромнаго воздушнаго столпа, гнетущаго всѣхъ людей, какъ говорятъ Физики: то есть, голова его склонялась къ брюху, а спина торчала назади холмомъ. Трудно было рѣшить, къ какому народу принадлежалъ сей карла. Длинною сѣдою бородою онъ походилъ на Турка, цвѣтомъ лица на

Брамина Малабарскаго, а платьемъ на Грека, современника Аполлонія Тіанскаго. Маленькіе сѣрые глаза его, устремленные вверхъ, бѣгали съ одного облака на другое; ротъ изображалъ злую насмѣшку; плѣшивая голова безпрестанно между плечъ шевелилась.

Сіи двусмысленные знаки, столь не согласные съ моими чувствами, разсердили меня. Я сказалъ ему: старой карла! благодари Судьбу, что она дозволила тебѣ прежде смерти видѣть такое щастливое открытіе.

„Щастливое?" отвѣчалъ онъ съ презрительною усмѣшкою: „бѣдной сынъ слѣпаго вѣка! жалѣю о тебѣ, и молчу."

Жалѣй, сколько хочешь; но за чѣмъ молчать? Старость всегда болтлива.

„Что называешь ты старостію?"

То, чтобы, подобно тебѣ, гнуться подъ ношею трехъ четвертей вѣка.

„Трехъ четвертей вѣка! ха! ха! ха! Мнѣ не приходило еще на мысль, чтобы я могъ казаться такимъ ребенкомъ!"

Ребенкомъ въ 75 лѣтъ? Ты шутишь.

„Юноша! большой сынъ мой былъ задавленъ огромнымъ камнемъ при строеніи Вавилона. Зеркало мое не такой льстецъ, какъ ты: оно показываетъ мнѣ не болѣе двухъ тысячь лѣтъ; но въ са-

момъ дѣлѣ я прожилъ ихъ шесть тысячь, и обязанъ тѣмъ Философскому камню, оставленному мнѣ въ наслѣдство другомъ моимъ Маракарамаромъ, которой (что вамъ извѣстно по Исторіи) отъ скуки улетѣлъ на небо. У меня не много было учениковъ; но нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ Скиѳъ Абарисъ, Египтянинъ Гермесъ и Графъ Сенъ-Жермень дѣлаютъ мнѣ не малую честь. Я столько видѣлъ и слышалъ въ свѣтѣ, что перестсалъ уже заниматься людми, и спалъ духомъ; но этотъ воздушной шаръ разбудилъ меня. Жаль мнѣ, что вы, бѣдные люди, радуетесь и веселитесь, не зная, чему! Вамъ всякая новость кажется щастьемъ, а мнѣ бѣдою. Вашъ Иванъ Яковъ Руссо бранитъ науки — и за дѣло!

„Первой вѣкъ, которой помню, назывался золотымъ. Тогда Природа водила людей на помочахъ, и мы всѣ весело бѣгали на четвереньках. Черезъ тысячу лѣтъ увидѣлъ я страшную революцію. Одинъ смѣльчакъ прибилъ на всѣхъ улицахъ объявленіе, что онъ намѣренъ итти на двухъ ногахъ съ помощію шеста; а скоро надѣется и безъ него обойтися.

„Ты можешь себѣ вообразить, какъ публика должна была удивиться. „Это обманщикъ!“ кричали всѣ дамы и кава-

леры: „онъ не ступитъ ни шагу на двухъ ногахъ; а естьли пойдетъ, такъ разобьетъ себѣ носъ!“

„Между тѣмъ назначенъ былъ день. Собралось множество людей, и нашихъ и чужестранцевъ. Мы сѣли всѣ на кресла и съ великимъ нетерпѣнїемъ ожидали чудесника. Онъ явился съ покойнымъ видомъ человѣка, увѣреннаго въ своемъ дѣлѣ. Успѣхъ увѣнчалъ его дерзость. Извѣстно, какое страшное зло изъ того вышло. Люди на двухъ ногахъ забѣгались до смерти изъ одной части свѣта въ другую, и скоро насталъ серебряный вѣкъ.

„Черезъ тысячу лѣтъ опять великая революцїя! Другой смѣльчакъ объявилъ, что онъ сядетъ на бочку, и привязавъ ее веревкою къ берегу, поплыветъ вдоль рѣки; а наконецъ и веревку обрѣжетъ, и съ однимъ шестомъ переправится съ одной стороны на другую. Публика изумилась. Опять всѣ закричали: „невозможно! онъ не сядетъ на бочку; а естьли сядетъ, такъ утонетъ!“ Смѣльчакъ сдержалъ слово, и не утонулъ. Въ присутствїи знатныхъ людей и всѣхъ гражданъ онъ отплылъ саженъ десять отъ берега и возвратился. Народъ встрѣтилъ его съ рукоплесканїемъ, снялъ съ бочки, увѣнчалъ лаврами и въ трїумфѣ понесъ на

рукахъ въ городъ. — Такимъ образомъ люди научились управлять новою стихїею, выдумали новыя нужды и при благополучномъ вѣтрѣ поплыли изъ серебрянаго вѣка въ свинцовый.

„Черезъ тысячу лѣтъ послѣ того дожилъ я до *героическихъ временъ* Грецїи. Мальчишка Геркулесъ выплылъ на лодкѣ въ Средиземное море. Гордясь своею дерзостїю, хотѣлъ онъ предать вѣкамъ память ея, и поставилъ два столба въ саду Гесперидъ, съ хвастливою надписью: nec plus ultra! думая, что никто уже не осмѣлится итти далѣе!.. Новое волненїе въ духѣ людей! Кораблеплаванїе произвело торговлю; народы стали мѣняться прїятностями жизни и роскоши — а люди, украшенные пурпуромъ и золотомъ, перешли въ желѣзный вѣкъ.

„Черезъ три тысячи лѣтъ одному Генуэзцу показалось стыдно плавать всегда вокругъ береговъ извѣстныхъ частей мїра: онъ вздумалъ пуститься въ отдаленности Океана. Новое изумленїе и невѣрїе! Всѣ говорили: „онъ не сдержитъ слова; а естьли поплыветъ, такъ не возвратится!“

„Колумбъ поплылъ, и возвратился, открывъ новый свѣтъ. Корабль его уподобился Пандориной коробкѣ: золото и

болѣзни разлились по Европѣ. Выдумай, о молодой человѣкъ! выдумай имя для нынѣшняго вѣка! Признайся, что все идетъ отъ худаго къ худшему. Могу ли быть спокойнымъ, видя, что дерзкой Бланшаръ открываетъ новое поле для ума человѣческаго?"

Коцебу.

III.

Нѣкоторыя любопытныя черты характера Лудовика XVI и Королевы Маріи Антуанеты (*).

Лудовикъ XVI былъ въ дѣтствѣ своемъ холоденъ и скрытенъ. Имѣя большаго брата, онъ не могъ надѣяться быть Королемъ; и придворные не думали искать его благосклонности. Не смотря на свою наружную нечувствительность, Лудовикъ огорчался симъ неуваженіемъ. Однажды спросили у него, кто ему всѣхъ любезнѣе? Онъ долго не хотѣлъ отвѣчать; наконецъ сказалъ съ горестію: „могу ли любить кого нибудь, когда меня никто не любитъ?"

(*) Изъ новой Французской книги: Maximes de Louis XVI &c.

Но Герцогъ Берри, неуважаемый придворными, съ именемъ Дофина сдѣлался предметомъ живѣйшей любви народа. Однажды въ трагедіи *Осада Кале* актеръ, оборотясь къ его ложѣ, сказалъ:

Кто сынъ отечества, тотъ будетъ на престолѣ
Отечества отцомъ и другомъ согражданъ.

Всѣ зрители, смотря на Лудовика, начали хлопать въ ладоши. Онъ поклономъ изъявилъ имъ свою благодарность, и самъ захлопалъ при слѣдующемъ стихѣ:

Какъ сладостно друзей щастливыми творить!

Въ минуту его восшествія на престолъ, когда объявили ему смерть Лудовика XV, онъ воскликнулъ со слезами: „Боже мой! Боже мой! помоги моей слабости!“

Придворные желали вселить въ него любовь къ женщинамъ, чтобы посредствомъ ихъ управлять имъ. Съ такимъ намѣреніемъ поставили они прекраснѣйшую женщину Версаліи въ большой алеѣ парка, гдѣ Королю надлежало увидѣть ее. Придворные начали ему хвалить красавицу. — „Да, она въ самомъ дѣлѣ хороша,“ сказалъ Король равнодушно: „а кто она?“ - Жена одного лавошника. — „Такъ ей лучшебъ было сидѣть въ лавкѣ;“

и съ сими словами оборотился къ ней спиной.

Примѣръ строгой его нравственности и бережливости не дѣйствовалъ на его домашнихъ. Королевѣ представляли, что большія издержки на Тріанонъ и Сенъ-Клу производятъ ропотъ въ жителяхъ Парижскихъ. Она съ усмѣшкою отвѣчала: „это лягушки, которымъ надобно квакать.“ Мадамъ Аделаида была другаго мнѣнія. Въ Октябрѣ 1787 года она писала къ Лудовику: „Я страшусь будущаго: всѣ недовольны. Королева называетъ жителей Парижскихъ лягушками, которыя любятъ только квакать; но мнѣ кажется, что лягушки могутъ превратиться въ змѣй.“

Марія Антуанета любила балы и хорошихъ танцовщиковъ. Два молодые Офицера, имѣвшіе сей талантъ, должны были къ сроку возвратиться въ полкъ. Королева уговорила ихъ написать къ Королю прозьбу объ отсрочкѣ, и сама взялась подать ее. Лудовикъ, узнавъ отъ Королевы содержаніе бумаги, отдалъ ее назадъ, говоря: „я не хочу знать имени Офицеровъ, предпочитающихъ удовольствіе славѣ.“ — Въ другой разъ онъ спросилъ у нее, для чего она никогда не зоветъ къ себѣ на балы одного знатнаго

Лорда? — — „Онъ дурно танцуетъ," отвѣчала Королева. — „Когда такъ, сказалъ Король, то я самъ отказываюсь навсегда отъ вашихъ баловъ, потому что танцую еще хуже его."

Лучшіе Министры назывались при Дворѣ всегда шуточными именами. Королева называла Тюрго *отрицательнымъ Министромъ*, а Неккера *господиномъ конторщикомъ*. О Калонѣ говорила она: „знаю, что онъ думаетъ о своихъ выгодахъ болѣе, нежели о чемъ нибудь; но знаю и то, что Калонь всегда уважитъ мое слово и не похожъ на своихъ предмѣстниковъ, которые любили мнѣ отказывать."

Король, не смотря на добродушіе свое, выходилъ иногда изъ себя, и говорилъ грубыя слова, не сообразныя съ величіемъ Монарха. Депутатамъ Парламента, который нѣсколько разъ представлялъ ему объ одномъ дѣлѣ, сказалъ онъ въ сердцѣ: *подите къ чорту!*... Прикажете ли, Ваше Величество, Парламенту записать этотъ отвѣтъ въ журналъ свой?" спросилъ Президентъ. Король опомнился, и съ терпѣніемъ выслушалъ дѣло.

Онъ много читалъ и весьма справедливо судилъ о древнихъ и новыхъ Авторахъ, говоря о Сенекѣ: „Я любилъ бы

его, естьли бы онъ исполнялъ свои правила; но жизнь его несогласна съ его предписаніями. Это обманщикъ подъ личиною Философа. — О Титѣ Ливіѣ: „Я не думаю, чтобы военачальники могли передъ сраженіемъ говорить рѣчи его; онѣ слишкомъ длинны.“ — О Тацитѣ: „Онъ былъ смѣлъ; я люблю его и душевно удивляюсь ему.“ — О Реналѣ: „Этотъ Педантъ предписываетъ всѣмъ законы, и въ противность Доктору Панглосу утверждаетъ, что все дурно.“ — О Руссо: „Естьли бы онъ предвидѣлъ нѣкоторыя слѣдствія твореній своихъ, то никогда бы не издалъ ихъ въ свѣтъ. Но Вольтеръ сказалъ бы мысли свои и тогда, когда бы увѣренъ былъ, что онѣ разрушатъ благоденствіе Государства. Онъ имѣлъ еще болѣе гордости, нежели ума.“

Смерть перваго Дофина весьма огорчила его. Чтобы предаться совершенно горести своей, онъ заперся въ кабинетѣ, и не велѣлъ никого впускать къ себѣ. Президентъ Средняго Состоянія, имѣя до него дѣло, хотѣлъ непремѣнно войти къ нему. „И такъ въ собраніи Средняго Состоянія нѣтъ отцовъ!“ воскликнулъ Король, и велѣлъ впустить Депутатовъ.

Согласившись на собраніе Государственныхъ Чиновъ, онъ не хотѣлъ уже

слушать никакихъ возраженій, и подобно Лудовику XI отвѣчалъ: „я вѣрю гражданамъ болѣе, нежели знатнымъ; они скажутъ мнѣ истину, которую придворные скрываютъ отъ меня.“

Послѣ неудачнаго Королевскаго засѣданія и торжественной клятвы Депутатовъ Народнаго Собранія противиться всякому насилію, весь Дворъ ужаснулся; одинъ Король былъ спокоенъ, и отвѣчалъ вельможѣ, который дѣйствіе Депутатовъ называлъ преступленіемъ: „Они правы; вы всему злу причиною, думая только о самихъ себѣ, гордясь своею пустою знатностію, и не имѣя отечества въ сердцѣ.“

Когда онъ, на другой день послѣ взятья Бастиліи, шелъ во дворецъ съ народными Депутатами, одна женщина бросилась къ нему въ ноги и сказала: „Ваше Величество! ради Бога будьте прямодушны; не обманите насъ въ другой разъ!“ Король поднялъ ее милостиво и отвѣчалъ ей: „не бойся, добрая Француженка! нѣтъ, я никогда уже не перемѣню мыслей своихъ; никогда!“

Ему говорили, что Народное Собраніе присвоиваетъ себѣ всю власть, оставляя ему одно пустое имя. „Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ: пусть Народное Собраніе вмѣсто меня господствуетъ. Дай Богъ только,

чтобы оно употребило власть свою въ пользу народа. Сердцу моему больно единственно то, что не могу уже сказать: *любовь моего народа*, а долженъ говорить: *Французскаго*; однакожь, не смотря на всѣ строгія опредѣленія Депутатовъ, я не перемѣнюсь въ чувствахъ, и буду воображать Французовъ дѣтми моими."

Рыцари Мальтійскаго Ордена положили въ торжественномъ собраніи, что никто изъ нихъ не возметъ участія въ Революціи. Кавалеръ Вирьё донесъ Королю о семъ рѣшеніи. „Я зналъ, отвѣчалъ онъ, что Французская Корона не должна полагаться на усердіе Мальтійскихъ Кавалеровъ."

Мирабо продалъ себя Двору за 600,000 ливровъ, которыя надлежало ему получить въ годъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Король имѣлъ должную, однакожь не излишнюю власть. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы предложить Собранію строгій Декретъ противъ Священниковъ, и черезъ то возмутить народъ противъ Депутатовъ, въ надеждѣ, что мѣста ихъ заняты будутъ другими, болѣе преданными Королю. Но видя, что сей безразсудный Декретъ произвелъ только одно слабое роптаніе, онъ признался, что едва ли можетъ успѣть въ своемъ дѣлѣ. Въ тайномъ свиданіи съ Королемъ и Королевою,

Мирабо читалъ имъ Конституцїю и замѣчалъ статьи, которыя можно перемѣнить. Король соглашался; но Марїя Антуанета вырвала у него Конституцїю изъ рукъ, бросила на полъ и сказала: „этотъ планъ не годится, государь мой; все или ничего!“ Мирабо поднялъ тетрадь и отвѣчалъ ей: „когда это не угодно Вашему Величеству, то я покажу вамъ планъ Республики, который у меня въ карманѣ.“ Сей отвѣтъ сильно подѣйствовалъ. Королева одумалась, и просила Мирабо сдѣлать все, что онъ разсудитъ за благо.

Человѣкъ, видѣвшїй, какъ фамилїю Королевскую остановили въ Варенѣ, разсказываетъ, что Лудовикъ отвѣчалъ на вопросы городскихъ начальниковъ: „такъ, я вашъ Король. Въ столицѣ грозили мнѣ кинжалами и штыками. Я ищу безопасности въ провинцїяхъ, среди моихъ вѣрныхъ подданныхъ, и той свободы, которою вы всѣ наслаждаетесь. Естьли буду жить въ Парижѣ, то меня рано или поздно убьютъ со всѣмъ моимъ семействомъ.“

Изъ Варена до Парижа везли Королевскую Фамилїю, какъ извѣстно, три Депутата Народнаго Собранїя: Латуръ-Мобуръ, Барнавъ и Петїонъ. Они дорогою

разговаривали съ Лудовикомъ и съ Марїею о разныхъ предметахъ: объ людяхъ, случаяхъ и мнѣнїяхъ. Король обороипился къ Петїону и сказалъ ему прямо: „вы, Господинъ Петїонъ, хотите Республики.“ Это могло привести его въ замѣшательство; но онъ съ улыбкою отвѣчалъ: „на каѳедрѣ я хотѣлъ ее, Ваше Величество; а здѣсь чувствую, что мнѣнїе мое перемѣняется.“ — Королева всего болѣе занималась Барнавомъ, надѣясь его тронуть жалкою судьбою своею (въ чемъ, какъ извѣстно, она совершенно успѣла). Будучи слишкомъ растроганъ, онъ выставлялъ голову изъ кареты, какъ будто бы желая смотрѣть на мѣста вокругъ дороги; но Королева старалась снова ввести его въ разговоръ, и видя, что онъ не хочетъ того, говорила его товарищамъ: „пожалуйте скажите Господину Барнаву, чтобы онъ пересталъ смотрѣть на дорогу, и отвѣчалъ на вопросы мои!“

Королева хотѣла втораго Народнаго Собранїя, и часто твердила: „Дай Богъ намъ скорѣе избавиться отъ этихъ Авторовъ Конституцїи! Я надѣюсь на ихъ послѣдователей.“ Нещастная Королева жестоко обманулась!

Когда Биго де Ст. Круа долго отговаривался принять мѣсто Министра,

Лудовикъ сказалъ наконецъ съ досадою: „Боже мой! къ чему такія отговорки, когда не только Министру, но и самому Королю остается властвовать двѣ недѣли?“ — Одному человѣку, который просилъ Лудовика отдать его бумагу Министру, онъ сказалъ: „отдайте сами; естьли вступлюсь за васъ, то испорчу все дѣло.“

Когда, послѣ 20 Іюня, многіе добрые Французы пришли изъявить Королю сожалѣніе, что онъ долженъ былъ сносить такія наглыя оскорбленія отъ черни, Лудовикъ отвѣчалъ: „Я боялся не за себя, а только за Королеву и сестру мою, хотя и видѣлъ, что они хотѣли убить меня. Не понимаю, какъ мы спаслись; но рано или поздно я вѣрно буду жертвою — слѣдственно это все одно, и смерть не страшитъ меня.“ — На другой день послѣ сей ужасной сцены маленькая Принцесса, слыша на дворѣ шумъ, спросила: „разъѣ вчерашній день еще не прошелъ?“

IV.

Письмо одного изъ Французскихъ ученыхъ, бывшихъ въ Египтѣ.

Правленїе желаетъ соединить всѣ наши Египетскїя открытїя въ одномъ сочиненїи, и напечатать его со всею возможною типографическою пышностїю, достойною великой Республики. Сїе творенїе останется, къ нещастїю, единственнымъ памятникомъ нашего пребыванїя въ Африкѣ; но Европа узнаетъ послѣ того Египетъ, какъ мы знаемъ свое отечество.

Путешественники, которыхъ любопытство приводило издавна въ сїю славную часть Африки, должны были всегда сражаться съ трудностями и препятствїями, чтобы мимоходомъ или украдкою взглянуть на ея монументы. Подозрительность и вѣроломство жителей, невозможность брать съ собою книги и нужныя орудїя, и страхъ быть жертвою разбойниковъ, не дозволяли имъ видѣть и половины любопытныхъ вещей; а что видѣли мелькомъ, то могли изображать единственно на память, и часто описывали только по невѣрнымъ словамъ переводчиковъ и жителей. Ни которое изъ сихъ препятствїй не останавливало Французскихъ ученыхъ и художниковъ,

которые болѣе двухъ лѣтъ жили въ Египтѣ; и описанія ихъ должны быть вѣрны. Вообразите тридцать человѣкъ, свѣдущихъ въ разныхъ родахъ искусствъ и наукъ, и путешествующихъ въ землѣ покоренной, подъ защитою войскъ, расположенныхъ во всѣхъ главныхъ частяхъ ея, и особенныхъ отрядовъ, которые провожали ихъ въ самую глубину пустынь. Они могли все видѣть на досугѣ и въ каждомъ мѣстѣ быть, сколько надобно для осмотрѣнія всего любопытнаго, дѣлясь работою между собою, сообщая другъ другу свѣдѣнія, догадки, мысли, и описывая на мѣстѣ, смотря на предметъ, сличая съ нимъ описаніе. Будучи почти всѣ искусны въ рисованьи, они изображали монументы съ разныхъ сторонъ, не рѣдко повѣряя другъ друга. Гіероглифы Верхняго Египта срисованы съ величайшею точностію; и естьли великолѣпіе, огромность и твердость сихъ зданій были для Европы доказательствомъ силы и могущества Египтянъ, то рѣзные камни, позолота и цвѣты, которые украшаютъ гробы мумій — драгоцѣнныя ткани, въ которыхъ онѣ завернуты — орудія, чаши, колесницы и домашніе приборы, изображенные въ пещерахъ и въ храмахъ, дадутъ самое ясное понятіе

объ ихъ искусствахъ, обыкновенїяхъ и нравахъ: понятїе совершенно удовлетворительное и новое!

Самое важнѣйшее открытїе есть открытїе Зодїаковъ. Они, кажется, совсѣмъ были неизвѣстны Гиппарху, Птоломею и Александрїйскимъ Астрономамъ; и ни который изъ новыхъ путешественниковъ не видалъ ихъ въ Египтѣ. Генералъ Дезе, отряженный военачальникомъ Бонапарте для покоренїя Верхняго Египта, первый замѣтилъ сїи астрономическїя таблицы. Послѣ того въ разныхъ мѣстахъ нашли ихъ шесть. Граждане Жолле и Девилье, чувствуя важность такихъ памятниковъ, срисовали ихъ со всею возможною точностїю; а одинъ искусный рѣщикъ слѣпилъ воскомъ. Гражданинъ Фуррье основываетъ на семъ открытїи новую, несомнительную систему Исторїи и Хронологїи. Чтобы дать вамъ о томъ понятїе, я означу только нѣкоторыя главныя слѣдствїя.

До сего времени Исторїя людей, Искусствъ и Наукъ не имѣла вѣрныхъ эпохъ, кромѣ самыхъ близкихъ къ нашему времени, и мы не знали, какому лѣтосчисленїю вѣрить. Дїогенъ Лаэрцїй говоритъ, что Египтяне начали оное за 4000 лѣтъ до Августова вѣка; а Нев-

тонъ утверждаетъ, что оно началось только за 1000 лѣтъ до Рождества Христова. Новое открытіе сихъ Астрономическихъ монументовъ рѣшитъ всѣ недоумѣнія и оправдываетъ Геродотову Хронологію; оно доказываетъ, что раздѣленіе Зодіака, намъ извѣстное, было сдѣлано въ Египтѣ за 15,000 лѣтъ до Христіянскаго лѣтосчисленія, и безъ всякой перемѣны сохранилось до нашихъ временъ.

Сей Зодіакъ есть ничто иное, какъ первоначальный мѣсяцословъ или календарь Египта. Въ то время весеннее равноденствіе было въ знакѣ Вѣсовъ; хлѣбъ сѣяли подъ знакомъ Тельца, а жали подъ знакомъ Дѣвы. Разсматривая Зодіаки, найденные въ храмахъ, всякой увѣрится, что образъ Водолея, увѣнчаннаго лотоновымъ листомъ, былъ для Египтянъ астрономическимъ изображеніемъ наводненія; изъ чего слѣдуетъ, что лѣтнее равноденствіе было въ семъ созвѣздіи. Такимъ образомъ мы находимъ положеніе сферы, въ которомъ имя всякаго знака представляетъ часть и дѣйствіе года; чѣмъ утверждается мнѣніе гражданина Дюпюи, который давно сказалъ, что созвѣздія Зодіака должны относиться къ ежегодному дѣйствію Египетскаго климата.

Все доказываетъ, что Египетскіе храмы, еще не совсѣмъ разрушенные, были построены тогда, когда небо находилось въ изображенномъ на ихъ Зодіакахъ состояніи; сіи доказательства многочисленны и всѣ между собою согласны. Такимъ образомъ можно опредѣлить вѣкъ сихъ монументовъ. Храмъ Эснейской, по означенію Зодіака, построенъ за 6000 лѣтъ до Рождества Христова; а прекрасный храмъ Деидераской, можетъ быть новѣйшій изъ всѣхъ Египетскихъ, за 1000 лѣтъ до осады Трои. Цвѣтущая эпоха Ѳивъ древнѣе баснословныхъ вѣковъ Греціи. Гомеръ описываетъ ихъ великолѣпіе прежде взятія Иліона; а когда Мемфисъ начиналъ процвѣтать, тогда уже Ѳивы клонились къ паденію. Мемфисскіе Цари безъ всякаго сомнѣнія соорудили пирамиды для своего кладбища. Вообразивъ, что сіи храмы построены еще изъ остатковъ другихъ монументовъ (ибо многіе ихъ камни, покрытые гіероглифами и живописью, были явно перетесаны и сохранили слѣды еще древнѣйшихъ рѣзныхъ изображеній), умъ теряется въ древности Египетскихъ Искусствъ и Наукъ, которая дѣлаетъ еще драгоцѣннѣе сіи развалины, сами по себѣ важнѣйшія и огромнѣйшія на земномъ шарѣ! —

Изъ Монитёра.

V.

Руская честность.

„Честность всегда болѣе славится тамъ, гдѣ она рѣдка,“ сказалъ одинъ Французскій Сатирикъ. Жаль, естьли это правда. Что въ такомъ случаѣ должно заключить объ Англіи и Франціи, гдѣ Журналисты, Адъютанты Славы, *трубятъ* о всякомъ, для насъ Рускихъ людей обыкновенномъ дѣлѣ честности? Одна бѣдная женщина въ Лондонѣ, получивъ вмѣсто шиллинга гинею, возвратила ее — и всѣ Англійскія Вѣдомости говорили о томъ съ удивленіемъ! Но у насъ сколько важнѣйшихъ доказательствъ честности остается безъ всякаго замѣчанія? Тѣмъ лучше, по мнѣнію Сатирика; однакожъ мы не обманемъ ни другихъ, ни себя, естьли скажемъ, что у насъ добродѣтель *бѣгаетъ по улицамъ*, какъ говорятъ Французы. Не будемъ безъ памяти хвалить человѣка за то, что онъ только не воръ; однакожъ должно и полезно имѣть вниманіе къ хорошимъ дѣламъ, происходящимъ отъ нѣжнаго моральнаго чувства: сердце Патріота радуется ими, и перо его изображаетъ ихъ какъ для примѣра, такъ и для общаго удовольствія подобныхъ ему друзей отечественной добродѣ-

тели. Не странно ли видѣть въ Рускихъ моральныхъ книгахъ, издаваемыхъ для дѣтей, всѣ примѣры честности и безкорыстія выбранные изъ иностранныхъ Вѣдомостей и Журналовъ, а не Рускіе? Что заключитъ иностранецъ? Онъ безъ сомнѣнія ошибется; но и мы виноваты въ томъ, что по сіе время не имѣемъ собранія истинныхъ анекдотовъ Руской народной добродѣтели, которое могло бы обезоружить мизантроповъ. Я не принялъ бы въ такое собраніе ничего вымышленнаго, невѣрнаго — ничего даже украшеннаго: одна истина прелестна, и сама собою.

Слѣдующій анекдотъ извѣстенъ всѣмъ жителямъ города Т*.

Московскій купецъ на пути въ Астрахань остановился на нѣсколько дней въ Т*. Окончивъ дѣла свои, онъ поѣхалъ съ пріятелями за городъ, гулять, наслаждаться тихимъ лѣтнимъ вечеромъ и пить чай на свѣжемъ воздухѣ. Время за самоваромъ текло непримѣтно: Рускіе любятъ бесѣду; говорили о всякой всячинѣ, и возвратились въ городъ при захожденіи солнца. Купцу для расплаты понадобились деньги; онъ хватился сафьянной книжки своей — и не нашелъ, потерявъ ее за городомъ — вездѣ искали, и

напрасно. Въ ней было 2700 рублей ассигнаціями и нѣсколько векселей.

Объявили въ Полиціи; но купецъ легъ спать съ тѣми мыслями, что ему не видать своей книжки. „Находка 2700 рублей (философствовалъ онъ по-своему) есть опасное искушеніе не только для бѣднаго, но и для нашего брата. Кто потерялъ, тотъ груститъ и всѣмъ жалуется на свое нещастье; кто нашелъ, тотъ радуется — и молчитъ. Всякой жалѣетъ и говоритъ: *ахъ! естьли бы мнѣ удалось найти!* . . но Богъ знаетъ, съ какими мыслями!“

Четыре мальчика гнали стадо по лугу: одинъ изъ нихъ увидѣлъ въ травѣ красную сафьянную книжку, схватилъ, и боясь своихъ товарищей, въ ту же минуту спряталъ ее въ ближнемъ кустарникѣ. Дома онъ сказываетъ о томъ своему отцу, бѣдному мѣщанину, который едва могъ жить и питать семейство тяжкими, всегдашними трудами. Ѳ* П* идетъ на лугъ съ сыномъ, беретъ книжку, развертываетъ, видитъ деньги, считаетъ, велитъ сыну молчать, возвращается домой и не говоритъ ни слова о находкѣ.

Сей мѣщанинъ былъ до сего времени добрымъ человѣкомъ, добрымъ мужемъ,

отцомъ; никого не обманывалъ, ни съ кѣмъ не бранился; въ будни усердно работалъ, въ праздники усердно молился... но какъ поступитъ теперь? 2700 рублей дѣлали его Крезомъ на всю жизнь. Они не украдены, а найдены: ему легко вздумать, что самъ Богъ посылаетъ ему сей даръ въ награду за трудолюбіе и честность. Онъ могъ успокоить себя всякими софисмами, и на другой день купить новую избу (ибо его уже крайне стара), добрую лошадь, женѣ платье, дѣтямъ игрушки, зажить домомъ, лечь на дубовую лавку и наконецъ, положивъ въ головы сафьянную книжку, отдыхать, сколько душѣ угодно.

Нѣтъ!.. на другой день, вмѣстѣ съ восходящимъ солнцемъ, онъ идетъ въ Полицію, и Московскій купецъ, получая въ цѣлости свои деньги и векселя, смотритъ съ удивленіемъ на бѣднаго мѣщанина, который отдаетъ такую богатую находку съ видомъ искренняго удовольствія, съ чувствомъ необходимой должности, безъ всякаго требованія и хвастовства! Купецъ обнялъ его, и далъ ему сто рублей. Мѣщанинъ принялъ ихъ съ низкимъ поклономъ, съ смиренною благодарностію — половину оставилъ у себя, а другую — роздалъ бѣднымъ!

Такой поступокъ кажется мнѣ достойнымъ замѣчанія, хотя я не хотѣлъ изъяснять добродѣтельному Ѳ* П*, что онъ рѣдкой человѣкъ!

(*Сообщено изъ Т*.*)

VI.

Критика.

Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи. Переводъ съ Французскаго. Москва 1802. — Сію книгу назвали во Франціи l'Anacharsis des Boudoirs. Авторъ, Господинъ или (какъ нынѣ говорить надобно) Гражданинъ Лантье, описывая тѣ же самыя мѣста и тѣхъ же людей, которые описаны Аббатомъ Бартелеми, не хочетъ спорить съ нимъ въ учености, и совѣтуется болѣе съ воображеніемъ, нежели съ Исторіею и Хронологіею; но пишетъ остроумно, съ живостію — съ талантомъ и вкусомъ. Нѣкотораго роду читатели найдутъ въ Антенорѣ еще болѣе пріятности, нежели въ Анахарсисѣ — тѣ, которые читаютъ для забавы, не разбирая, что Исторія и что романъ. Вкусъ Автора предохранилъ его отъ *ученаго хвастовства*; онъ не показываетъ, а скрываетъ знанія, почерпнутыя имъ въ древнихъ Класси-

кахъ. Между тѣмъ многія историческія и мѣстныя изображенія въ Антенорѣ заслужили вниманіе и похвалу свѣдущихъ людей: такъ, на примѣръ, Лантье описалъ Египетское озеро Мерисъ лучше и вѣрнѣе всѣхъ другихъ Авторовъ. Французскій Генералъ Андреосси, *бывъ на мѣстѣ*, съ удивленіемъ отдаетъ ему сію справедливость. Слѣдственно Авторъ много читалъ и сравнивалъ; но желаетъ только забавлять, и по скромности своей не требуетъ ученаго лавра, довольствуясь вѣнкомъ Грацій. Въ книгѣ его много сладострастной живописи; однакожъ законъ политической благопристойности едва ли гдѣ нибудь нарушенъ — по крайней мѣрѣ не такъ грубо, какъ во многихъ другихъ книгахъ сего роду (не исключая Виландова Агатона и даже Аристиппа, писаннаго семидесятилѣтнимъ старикомъ). Сверхъ того въ Антенорѣ есть какая-то веселость ума, любезная не только веселымъ читателямъ, но и самымъ меланхоликамъ.

Рускіе любители чтенія будутъ конечно довольны сею книгою, тѣмъ болѣе, что она и переводомъ не испорчена. Возьмемъ нѣчто для примѣра, и дозволимъ себѣ замѣтить нѣкоторыя легкія ошибки противъ языка или вкуса, естьли — найдемъ ихъ. Господинъ Переводчикъ не

сказываетъ имени своего: такая скромность заставляетъ насъ думать, что онъ не есть врагъ Критики; а Критика съ своей стороны не будетъ его врагомъ.

Портретъ Аристиппа.

„Въ Аѳинахъ не было человѣка ни „любезнѣе, ни ученѣе Аристиппа. Свѣдѣ„нія его простирались даже до поварен„наго искусства: повара часто требовали „отъ него совѣта. Онъ любилъ вкусный „столъ, и обыкновенно говаривалъ, что „ежели бы лакомство было предосуди„тельно, то не давали бы великолѣпныхъ „пиршествъ въ честь богамъ. Въ бесѣдѣ „съ нѣжнымъ поломъ онъ *прикрывалъ* свою „ученость *покровомъ веселости*; а когда и „обнаруживалъ, то всегда пріятнымъ „образомъ или забавною шуткою; любилъ „нравиться женщинамъ и находилъ удо„вольствіе приводить ихъ въ замѣшатель„ство; обладая собою совершенно, разсти„лалъ сѣти свои такъ искусно, что „рѣдкимъ удавалось избѣгнуть ихъ. Домъ „его былъ собраніемъ лучшихъ людей; „его кроткая, легкая Философія, весе„лость, *наполненный остротою* и пріяп„ностями разумъ, даръ льстить очень „тонко и одолжать каждымъ словомъ,

„дѣлали бесѣду его любезною. Онъ имѣлъ „удивительную прозорливость; поговорривъ однажды съ человѣкомъ, узнавалъ „его свойства. Обыкновеннымъ словомъ его „было: *говори, что хочешь; только говори: „для меня довольно.* — — Онъ говорилъ „съ равною *ловкостію* о политикѣ, о любви, о нравахъ, религіи, забавахъ и „смерти.“

Фабрика Рускихъ переводовъ не имѣла бы такой дурной славы, естьли бы у насъ по большей части такъ переводили. Здѣсь замѣтимъ только, что *покровъ* слишкомъ грубъ *для веселости*; что *острота* не можетъ *наполнять ума*; что *ловкость* имѣетъ въ Рускомъ языкѣ только физическій смыслъ и относится къ наружнымъ движеніямъ. Но такая Критика не похожа ли на привязку? Мы не виноваты, естьли не нашли въ семъ мѣстѣ никакихъ важнѣйшихъ пороковъ; и думая по сему неудачному опыту Критики, что Г. Переводчикъ взялъ свои мѣры не боятся суда, закрываемъ Рускаго Антенора.

Р.

ПОЛИТИКА.

I.

Нѣчто о Венеціи при ея паденіи.

Венеціянская Республика оставалась независимою и спокойною въ то время, когда Европа казалась въ огнѣ и пламени отъ Французской Революціи. Императоръ требовалъ отъ нее дѣятельнаго участія въ общемъ союзѣ; но она видѣла опасность такого предпріятія, и рѣшилась хранить миръ, надѣясь сею же самою эгидою защитить себя отъ вредныхъ правилъ, которыя распространялись тогда друзьями революціи. Казалось, что сія Республика поступала и въ новыя времена сообразно съ древнею своею мудростію и славою. Она въ самомъ дѣлѣ умѣла соблюсти совершенное равновѣсіе до самого того дня, когда торжествующія Французскія арміи вступили въ ея области и сдѣлали ихъ театромъ войны, которую хотѣла удалить ея политика. Тутъ началось замѣшательство. Партіи, дѣйствовавъ прежде въ тишинѣ и сокровенности, вдругъ подняли голову. Разныя мнѣнія, которыя таились въ сердцахъ, обна-

ружились и произвели сильныя потрясенія. Въ сіе время начальники Венеціянскіе забыли по видимому и власть и опытность свою. Они не могли ни на что рѣшиться, и погибелію своею должны были способствовать миру. Ихъ примѣръ доказываетъ, сколь опасно въ политическомъ раздорѣ не брать ни чьей стороны, когда по своему положенію и силамъ не возможно противиться ни той, ни другой. Вѣроятно, что Венеція, приставъ сначала къ Императору, или къ Французамъ, когда они приближались къ ея владѣнію, сохранила бы донынѣ бытіе свое; ибо Императоръ конечно не оставилъ бы своихъ союзниковъ, а Французское Правленіе не могло бы уничтожить Республики, которая, соединивъ участь свою съ его жребіемъ, пріобрѣла бы святое право на его защиту.

Венеціянское Правленіе, передъ своимъ паденіемъ, раздѣлялось на двѣ части: на правленіе города и земли; второе зависѣло отъ перваго. 1500 Дворянскихъ фамилій составляли Аристократическую Венеціянскую Республику. Между сими фамиліями было около пятидесяти, которыя издревле владѣли первыми мѣстами. Богатство и преимущества всякаго роду основали ихъ власть на без-

силїи другихъ благородныхъ фамилїй, извѣстныхъ подъ именемъ *Барнаботтовъ*, происшедшимъ отъ названїя той части города, гдѣ живутъ бѣдные люди. Сїи Барнаботты получали жалованье отъ Правительства, которое заключалось въ Верховномъ Совѣтѣ, и которому начальники другихъ Венецїянскихъ областей давали отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

Сїя Конституцїя, удаляя всѣхъ провинцїяльныхъ дворянъ и большую часть городскихъ отъ дѣлъ и политическаго влїянїя, питала всегдашнюю зависть и злобу, которыя ждали только случая обнаружиться.

Кажется также, что судьба предзнаменуетъ конецъ Правленїй какою-то слабостїю и утомленїемъ, происходящимъ отъ ихъ долговременности. Благо народамъ, которые въ сїе опасное время совершаютъ переходъ свой тихо и безъ всякихъ ужасныхъ изступленїй! Венецїяне имѣли сїю выгоду. Давно уже потеряла силу свою та страшная политическая Инквизицїя, которая, скрываясь въ непроницаемомъ мракѣ глубокой тайны, уподоблялась Провидѣнїю, все видѣла не будучи видимою, и разила рукою неизвѣстною. Чѣмъ болѣе она обнаруживалась, тѣмъ болѣе ужасала своею жестокостїю,

и сила ея вдругъ исчезла, какъ скоро совершенно открылась. Одна память древняго ея могущества давала ей видъ нѣкоторой власти. И другія части правленія мало по малу слабѣли. Роскошь безпрестанно умножаясь, усиливала вліяніе купцовъ и богачей на Сенатъ Республики: ибо Сенаторы прибѣгали къ нимъ въ нуждахъ своихъ, и частныя дѣла превращались черезъ то въ государственныя. Паденіе изготовилось. Первый ударъ все разрушилъ — и въ Политикѣ совершилось самое то, что разсказываютъ о Геркуланскихъ тѣлахъ, которыя въ землѣ лежали цѣлыя, а отъ перваго воздушнаго прикосновенія обратились въ тлѣнъ и пыль.

Кампо-Формійской трактатъ рѣшилъ судьбу Венеціянской Республики; она была замѣною потерянныхъ Императоромъ областей и залогомъ мира. Провинціи, которыя достались Австріи, выиграли сею перемѣною. Она удовлетворила частнымъ страстямъ, не стняла никакой власти у жителей, и новый Государь не обременилъ ихъ излишними податями. Бергамская и Брешіанская провинціи, отданныя Чизальпинской Республикѣ, возвратились подъ зависимость истинной ихъ столицы; онѣ имѣли всегда

болѣе связи съ Миланомъ, нежели съ Венецїею, и жители ихъ составляли уже одинъ народъ съ Миланцами. И такъ сей раздѣлъ былъ нещастїемъ только для Венецїи. Кромѣ уничтоженїя древней славы ея, она почувствовала и перемѣну въ своихъ нравахъ, которая была необходимымъ слѣдствїемъ паденїя Республики. Ея Правленїе, сильное таинствами, прїучило жителей обращать ночь въ день; во мракѣ питалась его дѣятельность и прозорливость, для которыхъ Аргусовы глаза будутъ только слабымъ подобїемъ; во мракѣ ночи давало оно знакъ для открытїя всенароднаго увеселенїя, и въ то время, когда граждане въ радостномъ изступленїи предавались всякаго рода разсѣянїямъ, тайный, неутомимый духъ сего Правленїя испытывалъ, подъ крыломъ шумныхъ удовольствїй, всѣ сердца и наблюдалъ всѣ шаги. Ночью собирались граждане въ кофейныхъ домахъ, которые уподоблялись Аѳинскимъ Портикамъ, и гдѣ всѣ состоянїя смѣшивались. Въ частныхъ же домахъ не было почти никогда собранїй, можетъ быть отъ страха возбудить вниманїе Инквизицїи. Въ *Казинахъ* сходились только для чтенїя или для любовныхъ свиданїй. Обыкновенїе ѣздить въ гондолахъ питало

множество бѣдныхъ людей, которые жили перевозомъ, и сверхъ того, черезъ свой промыселъ, узнавали тайну государственныхъ дѣлъ и шпїонства. Они были связїю между дворянствомъ и народомъ. Купцы и судьи соединялись въ общемъ средоточїи дѣлъ. Выгоды частныхъ людей входили въ пользу Правленїя. Его паденїе разрушило сїю важную связь.

Правленїе Императорское не можетъ замѣнить прежнихъ выгодъ. Оно, имѣя видъ воинской строгости, несогласно съ старинною, природною вольностїю Венецїянъ. Покоренная Венецїя скоро почувствуетъ свое сиротство и увидитъ запустѣнїе въ ея пристаняхъ.

Венецїянскїя области суть важное прїобрѣтенїе для Императора, даютъ ему господство надъ Адрїатическимъ моремъ, и включаютъ его державу въ число морскихъ державъ. Трїестъ не боится уже совмѣстницы, и можетъ, имѣя болѣе удобности въ своемъ положенїи, скоро превзойти Венецїю; хотя гавань его не совсѣмъ выгодна, но Капо д' Истрїа замѣнитъ недостатокъ и послужитъ хорошею пристанью. Императоръ обратитъ конечно все свое вниманїе на сїи берега.

Не излишно будетъ заключить сїе легкое начертанїе портретами нѣкоторыхъ людей, игравшихъ важныя роли при паденїи Венецїянской Республики.

Лудовиго Манини, послѣднїй Венецїянской Дожъ, еще живъ. Сей человѣкъ не значилъ ничего, какъ въ Политикѣ, такъ и въ свѣтскомъ обхожденїи. Одно безмѣрное богатство доставило ему санъ его; не смотря на свою должность, онъ жилъ въ праздности.

Томасъ Кондальмери былъ начальникомъ морскихъ силъ; имѣетъ пылкой характеръ, и еще молодъ; но онъ не могъ удержать тлѣннаго зданїя, которое обрушилось надъ его головою.

Бернардино Ренїери, молодой человѣкъ двадцати лѣтъ, изъ фамилїи прежняго Дожа, имѣлъ большее влїянїе въ послѣднее время Республики; разумъ его украшенъ политическими и философскими знанїями; душа его благородна и чувствительна. Онъ былъ одной системы съ Кондальмери. Въ послѣднее Венецїянское возмущенїе хотѣли избрать его въ Диктаторы. Въ сїе время твердость его спасла городъ отъ общаго грабежа. При новомъ правленїи онъ не жилъ въ Венецїи, ѣздилъ по Италїи, и не давно возвратился въ отечество.

Франческо Пезаро, которой былъ душею стараго правленія и Питтомъ Венеціи, не имѣя его дарованій, не давно умеръ. Онъ предлагалъ всѣ послѣднія мѣры для спасенія Республики, но безъ успѣха. — Пезаро былъ въ Вѣнѣ, согласился въ правилахъ съ Министрами и возвратился въ Венецію съ чиномъ Императорскаго Комиссара; управлялъ своевольно, слѣдуя дурной, строгой системѣ, и умеръ скоропостижно. Думаютъ, что недовольные окормили его ядомъ.

Иронимо Джустиніани, изъ первой Венеціянской фамиліи, въ старое правленіе занималъ важнѣйшія мѣста; человѣкъ умной и хитрой; хорошій Политикъ, и знаетъ людей.

Джіованни Корнари, молодой человѣкъ, знатной фамиліи, былъ въ дипломатическомъ Совѣтѣ, и въ послѣднее время Республики пріобрѣлъ много опытности.

Франческо Питти былъ всегда любителемъ Словесности и непріятелемъ старыхъ злоупотребленій; онъ занималъ важное мѣсто во временномъ правленіи, которое смѣнило древній Сенатъ.

Аббатъ Чезаротти есть нынѣ первый Авторъ въ Италіи, Членъ Падуанскаго Университета, и выдалъ уже болѣе

двадцати томовъ. *Опытъ Философіи языковъ*, переводъ Демосѳена, *обозрѣніе Греческой Литтературы*, Новая Иліяда, или смерть Гектора, которая на старую похожа только содержаніемъ и многими красотами — переводъ Оссіана, живѣе всѣхъ другихъ изображающій дикую Поэзію Шотландскаго Барда — суть важнѣйшія творенія Аббата Чезаротти, по справедливости славнаго въ Республикѣ Ученыхъ. Онъ живетъ въ Падуѣ, но часто пріѣзжаетъ въ Венецію. Политическая его система была всегда умѣренна и благоразумна.

II.

Первое торжественное молебствіе Французскаго народа въ присутствіи Консуловъ и всѣхъ Властей.

(Изъ Gazette de France.)

Религія сіяла во всей своей пышности, во всемъ великолѣпіи, въ первый день Пасхи, во храмѣ Богоматери. Герой-миротворецъ *величественно* преклонялъ чело свое предъ Тѣмъ, Который возстановляетъ и разрушаетъ Имперіи; благодарилъ

Господа воинствъ, Который всегда благословлялъ его оружіе, и Который наконецъ увѣнчалъ его побѣды миромъ Европы.

Съ шести часовъ утра пушечный громъ былъ уже знакомъ всеобщей радости, возвѣщая утвержденіе Конкордата; въ восемь часовъ Префектъ Полиціи обнародовалъ его во всемъ Парижѣ.

Но въ соборной церкви Богоматери надлежало быть августѣйшему торжеству сего великаго дня. Еще прежде разсвѣта народъ со всѣхъ сторонъ стремился къ ней толпами. Въ 9 часовъ храмъ былъ уже наполненъ гражданами, которые въ глубокой тишинѣ ожидали начала служенія. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Кардиналъ-Легатъ, сопровождаемый отрядомъ конницы. Передъ нимъ несли золотый крестъ; за нимъ шли Италіянскіе Прелаты.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ новые Епископы, собравшіеся въ Архіепископскомъ домѣ, вмѣстѣ вошли въ храмъ. Между ими увидѣли граждане многихъ прежнихъ Епископовъ, многихъ Проповѣдниковъ, нѣкогда славныхъ своимъ краснорѣчіемъ на каѳедрѣ и въ собраніяхъ Духовенства. Бывъ десять лѣтъ гонимы, страдавъ въ темницахъ, въ неволѣ, въ изгнаніи, они казались возставшими изъ гроба; чувствительное сердце удивлялось,

что они могли перенести столько бѣдствій; любопытный взоръ замѣчалъ преждевременныя глубокія черты десятилѣтняго страданія на челѣ ихъ; всякой видѣлъ съ душевнымъ умиленіемъ сіяніе радости на сихъ горестію изнуренныхъ лицахъ; всякой воспоминалъ таланты, добродѣтели, услуги сихъ почтенныхъ мужей. О святость Религіи Іисуса! самыя ихъ бѣдствія сдѣлались вѣрнымъ залогомъ ихъ будущихъ благотвореній!

Старецъ 94 лѣтъ шелъ позади другихъ, опираясь на двухъ священниковъ — (Архіепископъ Парижскій). Силы его возвратились для новаго торжества Религіи, которой онъ служилъ цѣлый вѣкъ ревностію и добродѣтелями своими. Кто могъ бы не почувствовать священнаго умиленія, видя сего старца, дрожащею рукою дающаго народу благословеніе? казалось, что оно по его молитвѣ снисходило съ неба!

Въ полдень колокольный звонъ и пушечная стрѣльба возвѣстили прибытіе перваго Консула. Архіепископъ и всѣ Духовные встрѣтили его у вратъ церковныхъ. Онъ вошелъ въ храмъ подъ балдахиномъ; передъ нимъ шли Государственные Совѣтники, за нимъ два Консула.

Возвышенное мѣсто подъ великолѣпнымъ куполомъ было приготовлено для

Перваго Консула: онъ сталъ на немъ съ своими товарищами, и Кардиналъ-Легатъ началъ совершать литургію. Послѣ Евангелія всѣ Епископы дали Консулу присягу вѣрности. Какое великое зрѣлище представляли сіи ревностные служители олтарей, съ радостію обѣщая употребить все вліяніе, всю силу Религіи, для истребленія золъ, ненависти, вражды, для соединенія сердецъ и для произведенія любви къ законному Начальству!

Потомъ Епископъ Боажеленъ говорилъ рѣчь. Литургія продолжалась. Глубокая тишина прерывалась только священными звуками

Органовъ, въ храмѣ семъ торжественно гремящихъ,
И тихій гласъ сердецъ на небо возносящихъ.

Во время посвященія Епископовъ военная музыка и барабаны, соединяясь съ звукомъ органовъ, еще умножили торжественность сего дѣйствія.

Послѣ литургіи пѣли благодарный молебенъ, съ блестящею и гармоническою музыкою Паизіелло, который въ ней превзошелъ самого себя. Лучшіе Артисты Парижа составляли оркестръ. Меюль и Керубини управляли имъ.

Наконецъ сїе святое служенїе заключилось благословенїемъ Кардинала-Легата.

Первый Консулъ возвратился въ Тюльери съ своею свитою. Безчисленное множество людей наполняло улицы. Вездѣ были зрители: въ воротахъ, подъ окнами, на самыхъ кровляхъ. Но не одно любопытство влекло ихъ: всякой, желая видѣть Героя-миротворца, желалъ также присоединить и рукоплесканїе свое къ общимъ, чтобы симъ изъявленїемъ благодарности заплатить долгъ священный. Никогда радость не была искреннѣе, и восторгъ живѣе; никогда Первый Консулъ не казался величественнѣе.

Что причиною сей общей ревности и восторга? Побѣда льстила народной гордости, миръ обѣщалъ благоденствїе, но Конкордатъ утвердилъ навсегда благодѣянїя побѣды и мира.

III.

Собранїе Государственныхъ Чиновъ въ Сицилїи.

Письмо изъ Палермы отъ 22 Марта.

Уже давно не видали мы собранїя Государственныхъ Чиновъ Сицилїи въ при-

сутствіи Монарха. Нынѣ Фердинандъ явилъ намъ сіе великое зрѣлище, собравъ Парламентъ вѣрнаго ему Сицилїянскаго народа. Онъ открылся 8 числа сего мѣсяца, въ огромной залѣ, гдѣ поставленъ великолѣпный тронъ для Короля, съ креслами для Священнаго Совѣта, начальниковъ судилищъ, Министровъ, придворныхъ; вокругъ залы сдѣланы мѣста для Членовъ Парламента, Духовныхъ, Баронсвъ и проч.; а для Дамъ и зрителей особенныя ложи. Въ полдень вошли въ залу начальники трехъ состоянїй, а за ними Король со всѣмъ Дворомъ. Его Величество, сѣвъ на тронъ, повелѣлъ Принцу Вальдинѣ, первому Нотарїусу Королевства, читать слѣдующїй указъ:

„Добрые и вѣрные Сицилїянцы! не „гласъ моего намѣстника, не слѣдствїе и „не страхъ народнаго бѣдствїя призы„ваетъ васъ въ сїе собранїе. Нынѣ все „велико, все для васъ чрезвычайно. Вы „стоите предъ трономъ, котораго при„сутствїе искони было желанїемъ отцевъ „вашихъ. Окруженные величествомъ ски„петра, Богомъ мнѣ ввѣреннаго, среди „сїянїя верховной власти, здѣсь царству„ющей, и пышности Двора, вы внимаете „гласу Короля вашего, и призваны ис„полнить двѣ должности, равно утѣши-

„тельныя и важныя. Первая изъ нихъ „есть благодарить Небо за всѣ Его къ „вамъ милости. Десять лѣтъ вы видѣ- „ли ужасы и смятенїе въ Европѣ. Подъ „сѣнїю моей власти и вашей вѣрности „вы покойно взирали на кораблекрушенїя „Государствъ, и грозныя волны разбива- „лись у ногъ вашихъ. Вторая должность „есть усердно способствовать дѣйствїю „щастливыхъ намѣренїй, которыя суть „источникъ вашего будущаго величїя. „Въ нѣдрахъ всемїрнаго бѣдствїя воз- „сїяла для васъ заря благоденствїя. Мое „присутствїе возвратило вамъ древнїй „блескъ славнаго вѣка Рогеровъ и Виль- „гельмовъ. Разцвѣтетъ торговля, право- „судїе и законы получатъ новую силу, „земледѣлїе и промышленность будутъ „ободряемы. Высочайшая степень народ- „наго могущества соединится съ малѣй- „шими жертвами для частныхъ людей, „и Королевскїй Дворъ, присутствуя въ „Сицилїи, будетъ залогомъ, источни- „комъ и украшенїемъ всѣхъ такихъ благо- „дѣянїй. Сему-то великому дѣлу дол- „жны вы способствовать. Нынѣ уже не „требуютъ отъ васъ мужества слѣдовать „за Королемъ въ огонь сраженїй и частїю „своего имѣнїя спасти другую. Наслаж- „дайтесь избыткомъ своимъ, умножайте

„его, обогащайтесь. Дни яснѣйшіе, дни „веселые ожидаютъ васъ, и Природа, ко„торая никогда не бываетъ долго скупа „на благодѣянія, возвратитъ изобиліе и „радость полямъ вашимъ. Но *помогите „истощенію казны*; возвратите ей, чего „она лишилась отъ уменшенія торговли, „и что истратила на защиту Государ„ства. Сохраните блескъ и достоинство „трона. Дайте за умноженіе граждан„скихъ и политическихъ выгодъ своихъ „то, что вы даете землѣ за будущіе „дары ея. Достойные служители Религіи, „вѣрные подданные моей короны, мудрые „Депутаты моего Государства! я самъ „измѣрялъ ваши пользы и силы, и рукою „своею начертаю вамъ блестящій путь, „который долженъ вести васъ ко благо„денствію. Вы безъ сомнѣнія сдѣлаете „честь имени Сициліянскому; безъ со„мнѣнія исполните намѣренія Короля, „желающаго вамъ всѣхъ истинныхъ благъ. „Вы явитесь достойными покоя, кото„рымъ наслаждались — щастія, которое „для васъ готовится — благодѣяній Неба „и благословеній потомства.“

Послѣ сей рѣчи Начальникъ Духовенства изъявилъ Его Величеству какъ благодарность народа за его отеческія попеченія, такъ и ревность всѣхъ поддан-

ныхъ къ исполненію Монаршей воли. — Король вышелъ изъ залы, и Парламентъ будетъ теперь заниматься предложеніями Его Величества.

IV.

Новый планъ народнаго ученія во Франціи, предложенный Консулами Законодательному Совѣту.

Три Оратора Правленія входятъ въ Законодательный Совѣтъ: Фуркруа, Редереръ и Реньйо. Фуркруа говоритъ на каѳедрѣ:

„Когда Имперіи, послѣ сильнаго волненія и великихъ разрушеній, начинаютъ успокоиваться, тогда люди, долженствующіе снова образовать ихъ, сближаютъ остатки разрушеннаго и хотятъ сдѣлать нѣчто совершеннѣйшее; но для сего потребны время, размышленіе и многіе опыты. Политическое волненіе, которое не можетъ скоро утишиться, долго мѣшаетъ ихъ надежнымъ успѣхамъ. Надобно, чтобы всѣ раздоры кончились; чтобы миръ утвердилъ новый порядокъ вещей — и тогда единственно новыя творенія могутъ быть непоколебимы. Сія

истина, доказанная Исторіею и нашею Революціею, относится между прочимъ и къ образованію народнаго ученія, которое занимаетъ главное мѣсто въ экономіи политической, будучи основаніемъ идей и познаній, нужныхъ для государственнаго благоденствія.

„Нынѣшнее Правленіе, находясь въ самыхъ щастливыхъ обстоятельствахъ для благодѣтельныхъ учрежденій, искало новыхъ способовъ ученія, сообразныхъ съ духомъ времени и народа Французскаго. Оно не могло избрать пути обыкновеннаго, и наученное опытомъ, отвергнуло старинныя формы Университетовъ, которыхъ перемѣны давно уже требовали Философія и просвѣщеніе вѣка, и которые не отвѣтствовали новымъ успѣхамъ разума. Центральныя школы, учрежденныя Народнымъ Конвентомъ, вопервыхъ слишкомъ малочисленны для Франціи, вовторыхъ не сообразны съ мѣстными обстоятельствами Департаментовъ. Однакожъ Правленіе сохранило въ сихъ старыхъ и новыхъ учрежденіяхъ то, что казалось ему полезнымъ, но отмѣнило неудобности и злоупотребленія. Не теряя изъ виду искусства и способности учителей, оно всего болѣе старалось умножить число учениковъ, необходимое для успѣха

такихъ заведенiй; и для того основанiемъ всѣхъ школъ сдѣлало пансiоны, откуда питомцы со временемъ перейдутъ въ Лицеи. Вотъ главный характеръ сей новой системы, достойной народа Французскаго и одобренiя всѣхъ благоразумныхъ людей, знающихъ обстоятельства времени! Многочисленныя семейства, которыхъ отцы ревностно служили Республикѣ, увидятъ для дѣтей своихъ новый блестящiй путь и получатъ награду за свои жертвы. Такъ, защитники отечества будутъ тѣмъ награждены за ихъ мужество и долговременныя услуги. Ученiе и талантъ поведутъ молодыхъ людей къ состоянiю вѣрному и почтенному. Въ сихъ школахъ юноши завоеванныхъ земель, присоединенныхъ ко Францiи, научатся любить отечество и сдѣлаются истинными Французами. Какая надежда для слѣдующихъ временъ! Тамъ будутъ образовать и просвѣщать людей для всѣхъ состоянiй и степеней общества!

„Нѣкоторые скажутъ о семъ планѣ, что онъ не содержитъ въ себѣ особенныхъ *правилъ воспитанiя*, и есть только планъ одного *ученiя*. Но всякая благоустроенная школа есть уже способъ хорошаго воспитанiя, когда Правительство изберетъ достойныхъ учителей и надзирателей.

Хорошее употребленіе времени, мудрая система ученія, безпрестанное занятіе и добрые примѣры начальниковъ составятъ истинную систему Морали, которая обратитъ юныя страсти ко щастію людей и государства.

„Правленіе надѣется, граждане законодатели, что вы отдадите справедливость его ревности къ общему благу. Надобно рѣшить, отвѣтствуетъ ли сей планъ ученія потребностямъ и привычкамъ народа Французскаго, сообразенъ ли съ нынѣшними идеями и съ надеждами Философіи, съ надеждами Патріотизма и друзей человѣчества; но для такого важнаго изслѣдованія должно забыть всѣ частныя системы и теоріи, въ которыхъ теряется умъ человѣческой, и которыя могутъ служить предметомъ вѣчныхъ, безполезныхъ споровъ. Нужно ли замѣтить, что сей планъ заслужилъ одобреніе многихъ знаменитыхъ Философовъ, которыхъ умозрѣнія просвѣщаютъ Европу въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ? Однимъ словомъ, Правительство думаетъ, что вы, обративъ въ законъ его предложеніе, окажете новую услугу народу, и тѣмъ утвердите главное основаніе общаго благоденствія.“

Ораторъ читаетъ планъ, состоящій изъ 44 статей.

1. Народныя училища суть школы первостепенныя и второстепенныя, Лицеи, частныя или вышнія школы.

2. Первостепенныя школы находятся подъ надзираніемъ Помощниковъ Префекта. Меры и Городскіе Совѣты избираютъ учителей и назначаютъ содержаніе. Тамъ будутъ сообщать первыя основанія человѣческихъ знаній.

3. Второстепенныя школы, заступающія мѣсто прежнихъ Коллегій, суть училища начальныхъ основаній Литтературы и наукъ. Ихъ будетъ по крайней мѣрѣ 250.

4. Лицеи заступятъ мѣсто центральныхъ школъ. Въ каждомъ будетъ не менѣе осьми Профессоровъ. Предметъ ученія есть древняя и новая Литтература во всѣхъ степеняхъ, Математика, Реторика, Логика. Сверхъ главнаго начальника, именуемаго Провизоромъ, будетъ два Ценсора, одинъ для ученья, а другой для экономіи.

5. Предметъ частныхъ или вышнихъ школъ есть Натуральная Исторія, Физика, Химія, Медицина, Юриспруденція, вышняя Математика, Техническія Науки, Тактика и живые языки, *которымъ Французы должны учиться изъ уваженія къ просвѣщеннымъ народамъ, насъ окружающимъ.* Земледѣліе не можетъ быть пред-

метомъ ученія въ сихъ школахъ: владѣльцы земель должны сами стараться о его успѣхахъ.

6. Военныя школы будутъ непосредственно подъ надзираніемъ Консуловъ.

Слѣдующія статьи служатъ только изъясненіемъ сихъ главныхъ. — Пятая часть учениковъ каждаго Лицея черезъ *шесть* лѣтъ переходитъ въ вышнія школы. Лицеи будутъ учреждены въ теченіе тринадцатонадесять Республиканскаго лѣта. Въ каждой округѣ Вышняго Трибунала долженъ быть по крайней мѣрѣ одинъ Лицей. Нація беретъ на свое содержаніе 6400 питомцевъ. — На все сіе потребно въ годъ не болѣе семи милліоновъ ливровъ.

Такимъ образомъ Франція подаетъ наконецъ примѣры Державамъ, вводя народное ученіе въ систему государственнаго законодательства, и Бонапарте, утверждая одною рукою святую Религію, необходимую для сердца, другою открываетъ уму человѣческому необозримый путь знаній, который ведетъ и человѣка и народъ къ возможному на землѣ благоденствію. Мы видѣли время разрушеній: теперь начинается эпоха великихъ политическихъ образованій, и только одинъ невнимательный или грубый умъ не чувствуетъ ея важности.

V.

О Голландіи.

Письмо изъ Гаги.

Эпоха Люневильскаго и Амьенскаго мира есть безъ сомнѣнія щастливая для Голландіи. Сравнивая ея теперешнія надежды съ печальнымъ состояніемъ, въ которомъ она была за два года передъ симъ, всякой согласится, что Голландцы имѣютъ основательную причину радоваться. Но естьли они вспомнятъ, что была ихъ Республика прежде Революціи, то могутъ скорѣе тужить, нежели веселиться: едва ли когда нибудь ея тогдашнее цвѣтущее состояніе возвратится. Богатство Голландіи было жертвою Анти-Штатгальтерской войны и Революціи. Франція отняла часть его. Почти весь флотъ достался Англичанамъ. Открытіе Шельды весьма вредно для Голландской торговли. Во время споровъ Голландіи съ Іосифомъ II, ея Правительство утверждало, что открытіе Шельды будетъ гробомъ политическаго бытія Республики.

Но горестное воспоминаніе такихъ великихъ жертвъ уступило на сей разъ мѣсто всеобщей дѣятельности, которая есть слѣдствіе мира. Торговля, усыплен-

ная семилѣтнею войною, пробудилась; купечество старается возобновить прежнія коммерческія связи, особливо съ Англіею и съ Колоніями; гавани оживились, и флаги на многочисленныхъ корабляхъ развѣваются.

Правительство ревностно занимается новымъ образованіемъ своихъ владѣній въ обѣихъ Индіяхъ, и отправило туда разныя эскадры. Имѣя для сего нужду въ деньгахъ, оно заняло 30 милліоновъ, и заимодавцы предлагали еще 15. Это можетъ показаться удивительнымъ; но сей феноменъ изъясняется вопервыхъ общею довѣренностію къ нынѣшнему порядку вещей, утвержденною миромъ и возвращеніемъ Колоній, а вовторыхъ и выгодными для заимодавцевъ условіями: они получили 7 и 8 процентовъ, въ то самое время, когда Англійское Правительство заняло болѣе 100 милліоновъ по три и четыре процента. Такимъ образомъ Голландское Правленіе имѣетъ наконецъ изобиліе въ наличныхъ деньгахъ, но со вредомъ для общества, которое чувствуетъ въ нихъ недостатокъ.

Новый заемъ есть временное лекарство; но экономическія обстоятельства Республики вообще весьма не утѣшительны, и бремя долговъ для нее тягостно. Она

платитъ теперь ежегодныхъ процентовъ болѣе 28 милліоновъ гульденовъ. Было время, когда Голландія могла всякой годъ сберегать часть своихъ доходовъ; но теперь она стоитъ наряду съ другими Правительствами, которыя имѣютъ нужду въ кредитѣ.

Французскаго войска осталось здѣсь только 2500 человѣкъ. Голландское также уменьшено. И то и другое полезно для экономіи Республики, которая однакожь должна еще заплатить Франціи нѣсколько милліоновъ по старымъ *дружескимъ счетамъ*.

VI.

Письмо изъ Парижа.

- - - - - - - - - - - - - -

- - - - - - - - - - - - - -

Бонапарте сердечно любитъ дѣтей жены своей. Говорятъ, что одинъ Министръ предлагалъ ему развестить съ нею, и жениться на Принцессѣ, но что Консулъ, какъ должно, съ презрѣніемъ отвергнулъ такой совѣтъ. Одна злая Политика могла бы отнять у Госпожи Бонапарте сію награду судьбы за тѣ слезы, которыя она пролила о бѣдственной кон-

чинѣ своего перваго мужа, Генерала Боарне, невинно казненнаго при Робеспьерѣ.

Утверждаютъ, что Консулъ вообще не имѣетъ нѣжной чувствительности, и что онъ ни одною слезою не почтилъ смерти друзей своихъ; что послѣ Маренгскаго сраженія всѣ Генералы оплакивали храбраго Дезе, всѣ, кромѣ Бонапарте, который ему обязанъ былъ своею рѣшительною побѣдою (*).

Вѣра въ Фатализмъ, которую показывалъ онъ въ разныхъ случаяхъ, можетъ быть причиною сего равнодушія; но мудрено ли, что Бонапарте вѣритъ предопредѣленію, послѣ всѣхъ неизъяснимо-щастливыхъ феноменовъ жизни его? Не говоря о первомъ завоеваніи Италіи и Египта, вспомнимъ, какъ щастливо онъ возвратился изъ Африки по морю, усѣянному Англійскими кораблями; какъ щастливо сдѣлалъ революцію въ Парижѣ; какъ всѣ военные планы его исполнялись вѣрно; какимъ ослѣпленіемъ поражены были Австрійскіе Генералы; какъ хитро умудрился Меласъ, чтобы въ одинъ день потерять всю Италію! Наконецъ вспомнимъ, какъ Бонапарте все

(*) Однакожъ Герой, узнавъ о смерти Генерала Дезе, воскликнулъ въ самомъ жару сраженія: „для чего не позволено мнѣ плакать?“ К.

настроилъ противъ Англичанъ, какъ вѣрно приготовилъ ихъ гибель, и какъ одна минута все перемѣнила! Такіе случаи могли утвердить вѣру Фатализма въ душѣ, которая, не имѣя божественнаго Провидѣнія, возносится выше земли и людей. Бонапарте долженъ былъ признать дѣйствіе сей Небесной власти, Которая невидимо управляетъ міромъ, и всякому смертному назначаетъ путь его — Бонапарте, который въ 1795 году искалъ себѣ въ Парижѣ мѣста при Константинопольскомъ Посольствѣ, а черезъ три года стоялъ уже побѣдителемъ передъ воротами Вѣны, и вдругъ очутился съ арміею въ пустыняхъ Африканскихъ, чтобы привести въ ужасъ Оттоманскую Имперію!

Самая неудача его при Акрѣ была, кажется, дѣйствіемъ его благотворнаго Генія, заставивъ Бонапарте скорѣе возвратиться во Францію, которая была жертвою безумія Директоровъ, и которую могла спасти одна великая душа, одна твердая рѣшительность Наполеона. Онъ во всѣхъ обстоятельствахъ показывалъ *непоколебимую волю*, сей главный характеръ Героевъ. Говоря однажды о худомъ успѣхѣ нѣкоторыхъ воинскихъ дѣйствій своихъ, которыя едва не заста-

вили его выпти изъ Италіи, Бонапарте примолвилъ: mais je ne le voulois pas, et lorfqu'on ne veut pas, tout eft dit! (*но я не хотѣлъ того; а когда не хочешь, такъ и довольно!*) Сія непоколебимость есть великая добродѣтель, соединяясь однакожь съ благоразуміемъ и выборомъ лучшихъ средствъ. Директоры также не хотѣли оставить Италіи; но они грабили ее, возмутили народъ, и все потеряли. Путешественникъ, который видѣлъ въ Италіи Французскую армію во время Бонапарте и послѣ его, изобразилъ тогдашнихъ Французскихъ военачальниковъ сими словами: Généraux fous Alexandre et Rois après fa mort (*Генералы при Александрѣ и Цари послѣ его смерти*). Бонапарте былъ въ Италіи также расточителенъ, также дозволялъ Генераламъ наживаться, но только *не всѣми* средствами, и сохранялъ строгую подчиненность. Однажды казначей его арміи, имѣвъ крайнюю нужду въ деньгахъ, и свѣдавъ, что Генералъ N. взялъ съ одного города 100 тысячь франковъ, потребовалъ ихъ для арміи; но Генералъ не хотѣлъ отдать, и тогда казначей написалъ къ нему: Général, ou bien vous porterez dans le jour les cent mille livres, ou je vous ferai fufiller par ordre du Général en

chef. Salut républicain (*Генералъ! или вы въ сей же день отдадите* 100 *тысячь ливровъ, или я по приказанію военачальника велю васъ разстрѣлять. Кланяюсь республикански*). Генералъ тотчасъ прислалъ деньги.

Теперь Бонапарте смягчилъ систему свою, и хотя умѣетъ повелѣвать, однакожъ не хочетъ рабскаго безмолвія. На примѣръ, въ самомъ Консульскомъ Совѣтѣ ему смѣло противорѣчатъ; онъ слушаетъ, доказываетъ, и дѣлаетъ по своему, когда увѣренъ, что лучше другихъ видитъ. Сенатъ также не есть слѣпое орудіе его воли: тамъ бываютъ споры, хотя не такіе жаркіе, какъ прежде въ Трибунатѣ, но умъ пользуется своими правами. Всякой благоразумной увѣренъ въ необходимости Консульской власти, которая должна все соглашать и все устремлять къ одной цѣли. Бонапарте пользуется талантами людей, не принимая никакихъ внушеній личной вражды, и не думая о ихъ частномъ образѣ мыслей. Таллеранъ не любитъ Фуше, Фуше не терпитъ Таллерана; но они оба Министры. Любопытно видѣть на сценѣ сихъ двухъ бывшихъ священниковъ, изъ которыхъ одинъ прославился во время перваго Народнаго Собранія, а другой во время Конвента. Старались

свергнуть ихъ обоихъ, но тщетно; каждый хорошъ на своемъ мѣстѣ и служитъ полезнымъ орудїемъ въ рукѣ Перваго Консула. Хитрость, неусыпная дѣятельность и знанїе *революцїонныхъ таинствъ* дѣлаютъ Фуше рѣдкимъ Министромъ Полицїи; а Таллеранъ созданъ быть первымъ Дипломатомъ Францїи въ нынѣшнихъ ея обстоятельствахъ. Читая изданные имъ Eclaircissemens (donnés par le citoyen Talleyrand à ses concitoyens), и Республиканцы и Роялисты довольны. Онъ не имѣетъ въ слогѣ никакого жара, но богатъ *летучими огнями*, которые заводятъ странниковъ въ болота; а это великой талантъ въ Дипломатикѣ. „Мы были глупцами (говорятъ „Французы), вѣря всемїрной Республикѣ „и Космополитизму; оставимъ химеры, „и возобновимъ мудрую систему Кардинала Ришельё, то есть, будемъ думать „только о своемъ величїи; составимъ изъ „30 миллїоновъ дружную Македонскую „фалангу среди раздѣленной Европы; назовемся посредниками, а будемъ въ самомъ „дѣлѣ властелинами, первымъ народомъ „Европы и мїра!“ — Но великая душа Консула, желая блага Французамъ, желаетъ его конечно и всему человѣчеству: вотъ розница между Бонапартїевою и Таллерановою Политикою! Таллеранъ

извивается умомъ своимъ какъ змѣя, а Бонапарте — какъ молнія!

VI.

Извѣстія и замѣчанія.

Швейцарія.

Мы угадали, что новая Швейцарская Конституція будетъ не долговѣчна. Ее уже нѣтъ! Сенатъ уничтоженъ, и славный Ландманъ уѣхалъ изъ Берна въ свое отечество, въ Кантонъ Швицской. Слѣдственно напрасно величали его спасителемъ Гельвеціи, вторымъ Телемъ и Бонапарте! Теперь изъ всѣхъ Кантоновъ сзываютъ въ Бернъ новыхъ Депутатовъ; но мало вѣроятности, чтобы они умѣли непоколебимо основать благо отечества. Послушаемъ, что одинъ Швейцаръ говоритъ о Гельвеціи: „Трудно описать нынѣшнее внутреннее состояніе Швейцаріи, „и опредѣлить ея народное мнѣніе. Всякая „новая перемѣна нашихъ властей была „дѣйствіемъ личностей, которыя не дозволяютъ видѣть общей пользы и думать о лучшихъ средствахъ народнаго „спасенія. Всякой слѣдуетъ движенію „особенной страсти своей; всякой судитъ

„только въ отношенїи къ себѣ, и мнѣнїя „удивительнымъ образомъ не согласны. „Главное бѣдствїе наше состоитъ не въ „частыхъ политическихъ перемѣнахъ, но „въ тайномъ, внутреннемъ измѣненїи „нашихъ нравовъ и всѣхъ важнѣйшихъ „отношенїй гражданской жизни. Полагая „даже, что моральный развратъ не уве„личился съ 1798 году, всякой согла„сится по крайней мѣрѣ, что безстыд„ство, гнусное корыстолюбїе и презрѣ„нїе законовъ дошли до высочайшей сте„пени. Сверхъ то истинная Религїя „ослабѣла, а Фанатизмъ усилился. Не „должно относить сего зла ни къ преж„нему, ни къ нынѣшнему Начальству „Швейцарїи; но, кромѣ моральнаго влї„янїя чужестранныхъ армїй и гибель„ныхъ слѣдствїй войны, уничтоженїе „древняго Правленїя, освященнаго вѣками, „и введенїе новаго, столь не согласнаго „съ древнимъ, безъ сомнѣнїя тому спо„собствовали. Обѣщанїе уничтожить всѣ „налоги, возглашенїе неограниченной сво„боды и равенства, еще отзываются въ „слухѣ земледѣльцевъ. Что видимъ ны„нѣ? Каждая деревня есть особенная Де„мократїя: жители собираются и раз„суждаютъ, какой законъ принять, ка„кой отвергнуть, или ограничить въ ис-

„полненіи; а начальникамъ, избираемымъ „вышнею властію, не повинуются. Даже „многіе изъ самыхъ начальниковъ не хо„тятъ исполнять законовъ.“ — — Горестно видѣть паденіе народовъ; горестно видѣть Телевыхъ потомковъ жертвою безумныхъ раздоровъ. Что теперь остается желать Швейцарскимъ патріотамъ? Чтобы Бонапарте на Французскихъ штыкахъ прислалъ имъ Конституцію! Тогда единственно будетъ порядокъ въ Гельвеціи, и время обратитъ его въ законную привычку. Новая пальма для Консула, и новый стыдъ для Швейцаровъ, нѣкогда гордыхъ подобно своимъ Альпамъ!

Изъ Лондона пишутъ, что Принцъ Валлисской болѣе всѣхъ способствовалъ заключенію мира; что онъ имѣлъ нѣсколько особенныхъ конференцій съ Аддингтономъ, и что на послѣднюю былъ призванъ и Гражданинъ Отто; что они во всемъ согласились между собою въ 11 часовъ вечера, и тогда послали уже за другими Министрами, Лордами Гакесбури и Пеламомъ. Въ сіе время Г. Питтъ былъ въ деревнѣ. Валлисскій Принцъ отмѣнно уважаетъ Перваго Консула, и говоритъ съ немъ съ великимъ почтеніемъ. — Г. Питтъ и друзья его (какъ

увѣряютъ) съ величайшею ревностїю занимаются планомъ новыхъ выборовъ, и назначаютъ, кому быть Членами Парламента; а Г. Аддингтонъ по довѣренности даетъ имъ въ томъ совершенную волю. Естьли это правда, то Г. Питтъ можетъ скоро быть опять Министромъ, приготовляя себѣ заранѣе большинство голосовъ въ Парламентѣ. Англїйскїй народъ, не смотря на крикъ нѣкоторыхъ Ораторовъ, весьма уважаетъ его.

„Замѣчая скорое умноженїе народа, промышленности, торговли и богатства въ Соединенныхъ Американскихъ Областяхъ (говоритъ Издатель *Французской Газеты*), всякой можетъ предвидѣть, что сїя Республика со временемъ овладѣетъ Новымъ Мїромъ и всѣми Американскими Колонїями. Не должна ли Европа всячески удалять сїю эпоху, и здравая Политика не требуетъ ли того, чтобы какъ можно скорѣе поставить въ Америкѣ предѣлъ для властолюбїя сей Республики, которой Натура обѣщаетъ господство надъ половиною земнаго шара? — Мысль присоединить Луизїану къ Французскимъ владѣнїямъ есть, важнѣйшая и мудрая политическая идея. Сама Англїя должна радоваться

утвержденію въ Америкѣ Французскаго могущества, сего единственнаго оплота для силы Соединенныхъ Областей; иначе власть ихъ можетъ разлиться отъ сѣвера до юга, захватить Мексику, Западную Индію, Канаду, и затворить для Европы Атлантическое море. Ослабленная Гишпанія, занимаясь храненіемъ весьма отдаленныхъ владѣній, не въ состояніи удерживать Американскую Республику въ надлежащихъ границахъ. Самая Англія не можетъ на твердой землѣ имѣть достаточной воинской силы для защиты правъ Европы на сію часть міра. Хотя Американское Правленіе обѣщало навсегда остаться въ нынѣшнихъ своихъ границахъ; но развѣ не извѣстно, что въ Политикѣ не надобно вѣрить никакимъ обѣщаніямъ, и что *право сильнаго* найдетъ всегда *оправданіе*? Положимъ, что Американская Республика въ самомъ дѣлѣ на цѣлый вѣкъ откажется отъ пріобрѣтеній; но развѣ мало имѣть столько земли, чтобы помѣстить и питать 100 милліоновъ жителей? развѣ мало владѣть морскими берегами на 500 миль, господствовать на Атлантическомъ морѣ и отдѣляться отъ моря Южнаго одними дикими народами, готовыми покориться всякой вооруженной власти? Что зна-

чить намѣренїе просвѣщать Индѣйцевъ? Не должны ли сїи народы принадлежать тому, который вводитъ ихъ въ состоянїе гражданственности, и который, находясь въ средоточїи Новаго Мїра, не имѣетъ совмѣстника? — И такъ Францїя для пользы Европы желаетъ владѣть Луизїаною." — — Вотъ прекрасная Логика нынѣшней Французской Политики! Вѣроятно, что неблагодарный Англїйскїй Кабинетъ не изъявитъ Францїи ни малѣйшей признательности за то, что она утвердитъ свою руку и въ Америкѣ.

Одинъ изъ Секретарей Французскаго Посольства въ Берлинѣ описываетъ такимъ образомъ бывшїй при тамошнемъ Дворѣ праздникъ на случай выздоровленїя Принца Фердинанда: „Огромная зала во дворцѣ представляла работную „храмину Дедала, изобрѣтателя ваянїя. „Въ два ряда стояли его прекрасныя „статуи, въ самомъ дѣлѣ прекрасныя, „и всякой зритель съ чувствительно„стїю имъ удивлялся. Минерва, испол„няя желанїе художника, оживила ихъ. „Тогда онѣ составили живописныя груп„пы вокругъ благодѣтельной богини, и „при звукахъ то нѣжной, то воинской „музыки образовали разныя прїятныя

„картины. Ея Величество, Королева, пред-„ставляла Минерву; другими актерами „были Принцы, Принцессы и знатнѣйшіе „придворные. Великолѣпная Греческая оде-„жда, выразительная музыка, картины, „прекрасная нѣмая игра и наконецъ боже-„ственный видъ Минервы — все доказы-„вало, что вкусъ можетъ царствовать и „въ Германіи, и что для его совершенства „недостаетъ въ ней одной общей столи-„цы, гдѣ могли бы соединяться всѣ Ге-„ніи, которыхъ Природа дѣлаетъ законо-„дателями вкуса. — Изобрѣтателемъ „сего праздника былъ Г. Гиртъ, Членъ „Академіи и великій знатокъ древ-„ностей."

Изъ Штокгольма отъ 15 Апрѣля.

Король нашъ поручилъ Секретарю своему, Г. Дешо, переводить на Французской языкъ сочиненія Густава III. Онъ уже читалъ Его Величеству разныя піесы, какъ-то похвальное слово Торстенсону и Драму Сири-Браге, которой содержаніе взято изъ Шведской Исторіи. Сіи творенія будутъ любопытны не только для Шведовъ, но и для самыхъ иностранцевъ, доказывая остроту, дѣятельность и плодовитость Густавова

разума. Сердце сего Короля было предметомъ злословія: переписка его докажетъ, что онъ любилъ добро. Она составитъ нѣсколько томовъ: ибо Густавъ III писалъ къ людямъ всякаго состоянія и всѣхъ націй: о Политикѣ, военныхъ планахъ, и даже о подробностяхъ театра, который служилъ ему забавою отдохновенія, но о которомъ онъ говоритъ какъ Артистъ совершенный.

Наконецъ и Сенъ-Маринская Республика, малѣйшая въ свѣтѣ, перемѣнила свою Конституцію! Большой Совѣтъ ея состоитъ теперь, вмѣсто 160, изъ 300 Членовъ, а Малый Совѣтъ изъ 12, вмѣсто девяти. Гонфалоньере (или Прапорщикъ) остается главою Правленія, но избирается только — на три мѣсяца!

Миланъ отъ 12 Апрѣля.

Новое Правленіе Италіянской Республики нашло все въ безпорядкѣ, казну и доходы только на бумагѣ, народное имѣніе разграбленное, дѣла Министровъ въ запущеніи, вездѣ беззаконіе, несправедливость, утѣсненіе. Въ нѣсколько мѣсяцевъ оно привело хозяйство Республики въ самую лучшую систему, нашло способъ вѣрно собирать подати, пресѣкло грабительства,

удалило людей, ознаменованныхъ общею ненавистїю, и во всѣхъ частяхъ ускорило теченїе дѣлъ. Но Республика далека еще отъ цвѣтущаго состоянїя. Такъ на примѣръ потребности ея несравненно превышаютъ доходы. Многїя честныя семейства терпятъ нужду, отъ того, что Республика, будучи имъ должна, не можетъ платить процентовъ. Одно время, *уменьшенїе издержекъ*, воля и мудрость нашего Генїя могутъ вывести насъ изъ сихъ непрїятныхъ обстоятельствъ. Между тѣмъ Вице-Президентъ старается всячески ограничивать расходы. На примѣръ, печатанїе объявленїй и законовъ стоило Республикѣ ежегодно полтора милїона; но теперь оно ничего не стоитъ, и Правительство будетъ имѣть 6000 экземпляровъ всякаго объявленїя и закона, давъ за то одному типографщику исключительное право торговать оными.

Парижъ отъ 25 Апрѣля.

Во вчерашнемъ засѣданїи Трибуната разсуждали о планѣ народнаго ученїя; возраженїя были слабы, и не достойны примѣчанїя — но вотъ что любопытно: Нѣкто Карїонъ-Низасъ, членъ Трибуната, какъ бѣшеный вспрыгнулъ на каѳедру,

чтобы ругать Жанъ - Жака Руссо, говоря, что онъ причиною всего зла въ свѣтѣ; что всѣ воры, убійцы его ученики; что у всякаго злодѣя, идущаго на эшафотъ, надобно поискать въ карманѣ Эмиля!! Сего еще не довольно: гражданинъ Карїонъ - Низасъ утверждалъ, что проклятая Философїя ввела въ моду супружество; что его начали безъ мѣры хвалить съ того времени, какъ читаютъ Философовъ; что напрасно мы дурно мыслимъ о Тартюфахъ; что Оргоны гораздо хуже ихъ, и проч. и проч. Къ чести Трибуната надобно замѣтить, что онъ не велѣлъ печатать сей галиматьи. Извѣстный Жирарденъ (бывшій Маркизъ, хозяинъ Эрменонвиля, гдѣ умеръ Руссо) сказалъ въ отвѣтъ Карїону: „Естьли бы Руссо былъ живъ, то онъ не захотѣлъ бы унизить себя отвѣтомъ на такую нелѣпую брань. Я также не скажу ни слова въ оправданїе сего великаго человѣка, имѣвъ щастїе и славу быть ученикомъ его. Но требую, чтобы Трибунатъ объявилъ рѣчь Карїона недостойною печати.“ — Планъ народнаго ученїя принятъ.

Парижъ отъ 27 Апрѣля.

Вчерашній день Консулы предложили Сенату объявить *амнистію для всѣхъ Эмигрантовъ*, кромѣ тѣхъ, которые находятся въ службѣ бывшихъ Французскихъ Принцовъ, или служили въ непріятельскихъ арміяхъ, предводительствовали бунтовщиками, были Агентами внутренней или внѣшней войны. Еще исключаются Генералы и Депутаты, которые измѣнили Республикѣ, и Епископы, не хотѣвшіе повиноваться Папѣ и признать Конкордата. Эмигранты, возвратясь во Францію, получаютъ назадъ свое имѣніе, *естьли оно еще не продано.* — Сенатъ обратилъ въ законъ сіе предложеніе Консуловъ. — Правленіе, уважаемое внѣ и внутри, можетъ смѣло быть великодушнымъ; и сія амнистія есть доказательство его непоколебимой твердости.

Вчера Консусы предложили еще Законодательному Совѣту 8 новыхъ экономическихъ плановъ. Правительство требуетъ на сей годъ 500 милліоновъ ливровъ.

VII.

Свиданіе Туссеня Лувертюра съ дѣтми его.

Письмо гражданина Коанона къ Французскому Министру морскихъ силъ, изъ С. Доминго отъ 1 Вантоза.

18 Плювіоза. дѣти Туссеневы вмѣстѣ со мною отправились въ 8 часовъ вечера изъ Капа въ Эрикуръ. Генералъ Леклеръ думалъ, что мы найдемъ тамъ ихъ виновнаго отца. Въ Эрикурѣ сказали намъ, что Туссень въ Мармеладѣ, но тамъ онъ ночевалъ на канунѣ, вѣроятно для того, чтобы отдать повелѣнія Кристофу. Оттуда послали насъ въ Эннери, мѣсто его обыкновеннаго пребыванія. Тамъ нашли мы Туссеневу жену; сія добродушная женщина изъявила при свиданіи съ дѣтми всѣ чувства нѣжной матери, и въ ту же минуту послала въ разныя стороны искать своего мужа, и сказать ему, что мы привезли къ нему письмо отъ Бонапарте, которымъ онъ будетъ доволенъ. На другой день пріѣхалъ Гражданинъ Гранвиль съ третьимъ Туссеневымъ сыномъ, который былъ у него въ пансіонѣ, и который хотѣлъ обнять своихъ братьевъ.

Туссень явился ночью: насъ разбудили. Я опишу вамъ, Гражданинъ Министръ, всѣ подробности сего свиданія. Отецъ и два сына бросились обнимать другъ друга; слезы катились изъ глазъ ихъ. Желая воспользоваться симъ расположеніемъ чувствительности, и въ самую ту минуту, какъ онъ хотѣлъ обнять меня, я спросилъ: „Кого вижу въ Туссенѣ? друга ли Франціи?“ — *Можете ли въ томъ сомнѣваться?* отвѣчалъ онъ и бросился ко мнѣ на шею. — Генералъ! сказалъ я: послушайте дѣтей своихъ; теперь будутъ они для васъ вѣрными изъяснителями мыслей Перваго Консула и Начальника Колоніи; повѣрьте ихъ невинности и нѣжной любви къ вамъ; они объявятъ вамъ совершенную истину.

Тутъ Исаакъ началъ говорить и пересказалъ ему все то, что слышалъ отъ Перваго Консула въ Парижѣ и Генерала Леклера, какъ въ Брестѣ, такъ и въ Капѣ. Туссень слушалъ съ великимъ вниманіемъ и не отвѣчалъ ни слова. Я подалъ ему коробочку съ письмомъ Бонапарте; онъ вынулъ его, прочиталъ и казался весьма довольнымъ. Я уговаривалъ Туссеня ѣхать къ Генералу Леклеру и быть его первымъ помощникомъ, увѣряя,

что онъ желаетъ считать его во всемъ невиннымъ. Чтобы возбудить въ немъ болѣе довѣренности къ миролюбію Генерала Леклера и Французской честности, я вызвался остаться у него аманатомъ. Туссенъ отвѣчалъ, что ему невозможно ѣхать въ нашъ лагерь; что онъ получилъ письма отъ своихъ Генераловъ, которые грозятся все истребить огнемъ и мечемъ. Туссенъ просилъ меня написать къ Генералу Леклеру, чтобы онъ остановилъ непріятельскія дѣйствія, обѣщая съ своей стороны сдѣлать то же. Я написалъ при немъ, а онъ взялся доставить мое письмо, и въ четыре часа ушелъ отъ насъ. Свиданіе наше продолжалось два часа.

Видя, что Туссенъ никакъ не соглашается ѣхать въ Капъ, я уговорилъ его написать по крайней мѣрѣ къ Генералу Леклеру и отправить письмо съ какимъ нибудь вѣрнымъ для него человѣкомъ, на примѣръ съ гражданиномъ Гранвилемъ, котораго усердіе къ Республикѣ казалось мнѣ несомнительнымъ. Туссенъ далъ мнѣ слово и сдержалъ его. На другой день явился Гранвиль и получилъ отъ него депеши.

Мы немедленно отправились въ Капъ съ Туссеневыми сыновьями, и пріѣхали

пуда въ 8 часовъ вечера. Дорогою Г. Гранвиль утвердилъ меня въ моемъ мнѣніи о поступкахъ и характерѣ Туссеня. Я и теперь ужасаюсь, воображая, что слышалъ отъ него за тайну, и чего онъ не могъ сказать мнѣ въ домѣ у Туссеня, не подвергнувъ опасности жизнь свою. Сей старецъ не знаетъ теперь, что будетъ съ его семействомъ, которое осталось во власти Африканскаго варвара.

Генералъ Леклеръ тотчасъ написалъ отвѣтъ Туссеню; послалъ къ нему назадъ дѣтей, и велѣлъ имъ увѣрить его, что онъ готовъ забыть прошедшее, и клянется честїю сдѣлать его первымъ своимъ Генераломъ; что онъ желаетъ вмѣстѣ съ нимъ взять мѣры для пресѣченїя всѣхъ безпорядковъ, и даетъ ему сроку на четыре дни, въ которое время должно ему непремѣнно прїѣхать въ Капъ.

Въ 10 часовъ молодые Туссени отправились къ отцу, съ симъ важнымъ порученїемъ отъ Генерала Леклера.

Между тѣмъ надобно замѣтить. Гражданинъ Министръ, что Туссень, не смотря на перемирїе, не переставалъ жечь селенїй и казнить друзей Республики.

Что касается до его дѣтей, то поведенїе ихъ до самаго того дня, въ который отецъ оставилъ ихъ у себя, отвѣтствовало совершенно благодарности, которую они чувствуютъ къ Французскому Правленїю.

Генералъ Леклеръ, употребивъ всѣ способы миролюбїя, поражаетъ теперь разбойниковъ, и скоро ихъ злобные начальники будутъ наказаны.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1802.

№ 11.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Волѣнодушество и набожность.

(Переводъ изъ *Новой Французской Библіотеки.*)

Не далеко отъ Эклюзской крѣпости, на пути изъ Ліона въ Женеву, молодой и нещастной Дельривъ сидѣлъ печально на скалѣ и смотрѣлъ съ ужасомъ на небо, усѣянное звѣздами. Бурное стремленіе горнаго потока, который съ шумомъ и пѣною свергался въ Рону, образовалъ въ семъ мѣстѣ величественный каскадъ, именуемый *паденіемъ бездны* (la chute de l'abyme). Ночь была ясная и тихая. Дельривъ, вздохнувъ изъ глубины сердца, дикими глазами посмотрѣлъ вокругъ себя. „У меня бездна подъ ногами, сказалъ онъ, а въ душѣ адъ! Совѣсть моя чиста; но я видѣлъ ужасы, злобу людей, торже-

ніво порока, и наконецъ не вѣрю Провидѣнію. Да, безбожники правы; тѣ, которыми я всегда гнушался. Нѣтъ, говорю, Провидѣнія въ семъ нещастномъ мірѣ! Все есть дѣло случая; все исчезаетъ съ нами: и такъ будемъ жить только для удовольствія! Не могу проливать крови: сердцу моему ненавистны убійства. Но не хочу удерживать страстей; забуду старинныя предразсужденія и трудныя правила. Дѣйствіе жаркаго воображенія и души боязливой, священный, но обманчивый идолъ легковѣрныхъ жертвъ всякаго вѣка — о добродѣтель! разрываю узы твои, и навсегда оставляю тебя!"

Такъ злословилъ нещастный Дельривъ, и самъ горько плакалъ. Вдругъ слезы его остановились: онъ взглянулъ на пропасть. Свѣтъ луны сыпался на кипящую пѣну и проницалъ, казалось, въ самую глубину воды. Дельривъ затрепеталъ!.. „Вотъ мирная обитель смерти! думалъ онъ: что мнѣ въ жизни? Я всего лишился, и самой надежды! Страшныя мои воспоминанія исчезнутъ въ этой спасительной безднѣ, и душа моя успокоится. Ничтожество исцѣляетъ отъ муки. Ничтожество!" ... Тутъ онъ невольно вздрогнулъ и снова посмотрѣлъ на небо. Предметы на землѣ соглашались съ его чувствами: шумныя

воды, которыя свергались съ утеса; кипящая пропасть, грозныя скалы — все, все изображало ужасное волненіе сердца его! Но поднявъ глаза вверхъ, онъ видитъ образъ небеснаго мира: тамъ все тихо, неподвижно, прекрасно. Дельривъ изумляется, какъ будто бы въ первый разъ видя сіе великое зрѣлище. Растерзанное сердце его само собою возвышается; онъ еще устами порицаетъ Небо, но въ совѣсти обожаетъ Его и снова лѣтъ слезы. „О непонятное дѣйствіе привычки!“ восклицаетъ юноша, встаетъ поспѣшно, и сходитъ съ утеса на дорогу.

Дельривъ пришелъ въ Лозану въ концѣ весны 1795 году, и поселился тамъ въ одномъ домѣ съ Гм. Орсленемъ, старымъ Эмигрантомъ, его свойственникомъ, человѣкомъ умнымъ, который прежде Революціи былъ страстнымъ другомъ ложной Философіи, но уже три года ненавидѣлъ ее, ибо онъ лишился ста двадцати тысячь ежегоднаго дохода, прекраснаго сельскаго замка и великолѣпнаго дому въ Парижѣ. Однакожь ему казалось стыдно перемѣнить свое мнѣніе; и сверхъ того набожность есть трудное дѣло для стараго Эпикурейца. Уже онъ не говорилъ, что *общество атеистовъ можетъ быть мирно и щастливо, ибо разумъ обрѣзываетъ у стра-*

стей когти; не говорилъ, что *ничтожество есть не совѣмъ худое дѣло*, и что *не глупые люди намъ его обѣщаютъ*; не говорилъ, что *вольнодумцевъ укоряютъ тѣмъ же, чѣмъ Лафонтеновъ волкъ укоряетъ ягненка* (*): однакожь не думалъ исправляться, боялся вѣрить совершенно и системy атеиста промѣнялъ только на систему Скептика. Онъ прежде смѣялся надъ Христіянскимъ воспитаніемъ Дельрива, и внутренно обрадовался, нашедши въ немъ перемѣну. Будучи эгоистомъ, Г. Орслень сдѣлался великимъ скупцемъ, и не имѣя возможности блистать пышностію, показывался бѣднымъ; жилъ смиренно, и не хотѣлъ держать слугъ, кромѣ одной дѣвки. Скука и горестное одиначество вселили въ него желаніе привязать къ себѣ Дельрива, который былъ одинъ, имѣлъ деньги, и слѣдственно не могъ стоить ему дорого. Онъ предложилъ ему комнату подлѣ своей. Дельривъ, молодой человѣкъ двадцати пяти лѣтъ, прекрасный собою и воспитанный очень хорошо, былъ для всякаго любезнымъ товарищемъ: тѣмъ болѣе для старика, угнетеннаго болѣзнями и внутренними горе-

(*) Изъ уваженія ко славѣ Автора, который можетъ быть въ шутку написалъ такія нелѣпости, мы не хотимъ наименовать его.

стями. Онъ всякое утро приглашалъ къ себѣ Дельрива завтракать, и говоря съ нимъ однажды о причинѣ его меланхолїи, убѣдилъ молодаго человѣка разсказать ему свою исторїю.

„Вы оставили Францїю на другой годъ Революцїи, сказалъ Дельривъ: отецъ мой уѣхалъ тогда въ провинцїю вмѣстѣ со мною; послѣ того я служилъ въ армїи; наконецъ въ Февралѣ 1795 году взялъ отпускъ, жилъ нѣсколько времени съ батюшкою и поѣхалъ въ Парижъ за однимъ важнымъ для него дѣломъ. Тамъ я всегда останавливался у госпожи Мартень, доброй женщины и нашей старинной знакомки. Она сказала мнѣ, что у нее всѣ комнаты заняты, кромѣ маленькаго кабинета въ третьемъ этажѣ, отдѣленнаго одною тонкою перегородкою отъ горницы, въ которой живетъ больная женщина съ осьмнадцатилѣтнею дочерью, милою и прекрасною. Я разспросилъ объ нихъ, и узналъ, что мать, госпожа д' Армалосъ, жена Гишпанскаго банкира, не давно казненнаго, осталась въ крайней бѣдности и умираетъ чахоткою. „У нихъ все отняли, говорила моя хозяйка: бѣдная дочь, играя очень хорошо на клавесинѣ, взялась учить двухъ богатыхъ дѣвушекъ за два луидора въ мѣ-

сяцъ: вотъ единственный доходъ ихъ; но я рада вѣрить имъ въ долгъ, пока могу." — А сколько онѣ вамъ должны? спросилъ я. — „За квартеру и за столъ 150 ливровъ." — Вотъ они: давайте имъ все, что надобно, и сохраните нашу тайну. — „Съ радостїю; иначе онѣ не приняли бы вашего подарка; бѣдность не отучила ихъ отъ благородной гордости." — Есть ли у нихъ слуга? — „Ахъ нѣтъ; моя дѣвка служитъ имъ. Однакожь мать не терпитъ нужды: дѣвица д' Арнаудъ всего лишаетъ себя для нее. Вчера больная захотѣла Мальтїйскихъ апельсиновъ: дочь тихонько продала свою мантелью, чтобы купить ихъ; а нынѣ пошла со двора въ одномъ кисейномъ платьѣ, не смотря на холодъ. Это не человѣкъ, а небесной Ангелъ." — — Я повѣрилъ госпожѣ Мартенъ, зная ея добродушїе и нелживость; всходилъ на лѣсницу съ неизъяснимымъ сердечнымъ движенїемъ, съ великою осторожностїю отперъ свою дверь, и тихонько приближился къ стѣнѣ другой комнаты. Тамъ читали; Ангельской голосъ повторялъ слѣдующїя Боссюэтовы слова: „Добродѣтель „сходна съ вѣчностїю тѣмъ, что она „также заключается въ одной точкѣ. „Мїръ ничто; все, измѣряемое временемъ,

„должно погибнуть. Что теряемъ мы „съ жизнїю? безпокойное сновидѣнїе!“ Тутъ перестали читать. Сладкое чувство благоговѣнїя разлилося въ сердцѣ моемъ (иногда я вѣрилъ еще добродѣтели!). Черезъ нѣсколько минутъ тотъ же голосъ произнесъ усердную молитву. Я вмѣстѣ съ нимъ мысленно повторялъ каждое слово съ живѣйшею вѣрою, и думалъ, что молюсь съ Ангелами, въ присутствїи всѣхъ добродѣтелей, Религїи, любви, кроткой невинности, святаго терпѣнїя. Послѣ молитвы я слышалъ, какъ мать поцѣловала дочь; слышалъ еще нѣсколько сердечныхъ вздоховъ, и наконецъ глубокое молчанїе было для меня знакомъ, что двѣ жертвы бѣдствїя уснули. Я радовался мыслїю, что онѣ перестали мучиться; сидѣлъ неподвижно, боясь тронуться, и считая варварствомъ разбудить нещастнаго, который, можетъ быть, наслаждается утѣшительнымъ сновидѣнїемъ или, по крайней мѣрѣ, забылъ тоску и горесть свою. Одинъ прїятель ждалъ меня къ себѣ ужинать; но я не могъ выйти изъ своей комнаты. Мнѣ казалось, что, оставаясь въ ней, берегу злощастныхъ во время ихъ кратковременнаго успокоенїя; эта мысль услаждала мою душу.

Я легъ поздно и всталъ рано; спѣшилъ со двора; купилъ Мальтійскихъ апельсиновъ, и принесъ ихъ хозяйкѣ, чтобы она подарила ихъ отъ себя госпожѣ д' Армалосъ, взявъ всѣ нужныя осторожности. Апельсины были приняты съ живѣйшею благодарностїю, особливо со стороны Калисты, дочери: потому что мать ея не могла ѣсть со вкусомъ ничего, кромѣ ихъ.

Я не забылъ, что Калиста продала свою теплую мантелью; думалъ, какъ исполнить свое намѣренїе; наконецъ, узнавъ, что одна дама, которую она учила на пїано-форте, уѣхала изъ Парижа, не заплативъ ей ничего, я купилъ атласную шубу, простую, но теплую и покойную, завернулъ ее въ клеенку вмѣстѣ съ деньгами за уроки; надписалъ: *отъ госпожи* N. N., и велѣлъ отдать Калистѣ; она повѣрила и взяла.

Госпожа Мартенъ, зная меня давно, не могла бояться дурныхъ намѣренїй съ моей стороны; но чтобы не дать ей и тѣни подозрѣнїя, я съ самаго начала объявилъ, что не хочу мѣшать ихъ уединенїю и знакомиться съ ними; не хочу даже, чтобы она говорила имъ обо мнѣ, и просилъ ее увѣдомлять меня только объ ихъ нуждахъ, не желая знать ничего

болѣе. Что принадлежитъ до Калисты, то госпожа Мартенъ, по нѣжному своему чувству, сама не хотѣла упоминать объ ней безъ необходимости.

Калиста очень хорошо списывала музыку, но не находила работы: скоро госпожа Мартенъ принесла ей множество дѣла. Сыскался искусный Докторъ для ея матери, который ходилъ всякой день по два раза и сказалъ, что не возьметъ денегъ до ея выздоровленія. Калиста никакъ не могла считать меня причиною такихъ благодѣяній: я не старался видѣть ее, и не думалъ ничѣмъ заслуживать ея вниманія. Она знала только, что подлѣ нихъ живетъ молодой человѣкъ; но не слыхала никогда шуму въ моей комнатѣ, и не знала моего голоса. Иногда я слушалъ ее часа три, а Калиста думала, что меня еще не было дома. Мнѣ случилось два раза встрѣтиться съ нею на лѣсницѣ: я прошелъ мимо, не сказавъ ни слова; не могъ видѣть ея лица, потому что она всегда носила покрывало, и не имѣлъ даже никакого любопытства. Вы удивитесь: но такова была въ это время моя сердечная набожность! Воспитаніе, примѣръ родителя, любовь моя къ нему, злодѣйства атеистовъ; вѣра и героическая твер-

дость мучениковъ и добродѣтельныхъ пастырей Религіи; гоненіе, нѣжнѣйшія чувства моего сердца — все, все пипало во мнѣ пламенную ревность Христіяни-на. Въ самой арміи я нашелъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей однихъ правилъ со мною; только съ ними дружился, а всѣхъ болѣе любилъ Вилара, товарища моего дѣтства. Онъ всегда увѣрялъ меня въ дружбѣ своей! . . Боже мой! каковы люди! . . "

Дельривъ остановился. Горестное воспоминаніе терзало его сердце; онъ закрылъ глаза рукою, и молчалъ нѣсколько минутъ.

„Такъ (продолжалъ Дельривъ), дерзкая необузданность и гоненіе Христіянства еще болѣе привязывали меня къ Религіи. Одна измѣна и вѣроломство любезныхъ мнѣ людей произвели въ душѣ моей ту перемѣну, которая васъ удивляетъ. . . Вы думаете, можетъ быть, что романическая страсть заставляла меня сидѣть неподвижно въ моей комнатѣ и слушать Калисту? Нѣтъ, въ это время я занимался только чистымъ удовольствіемъ благодѣянія; одна Христіянская добродѣтель нещастной матери и дочери трогала мое сердце. Мнѣ сладко было находить въ ихъ разговорахъ дока-

зательства блаженной Вѣры, которыя питали мою собственную. Правда, что воображеніе представляло мнѣ Калисту милою и плѣнительною; но въ этой мысли не было ничего земнаго: такъ воображаютъ Ангеловъ. Всякой вечеръ я тихонько входилъ въ свою горницу, слушалъ молитву Калисты и вмѣстѣ съ нею молился.

„Однажды хозяйка сказала мнѣ за тайну, что госпожа д' Армалосъ хочетъ непремѣнно собраться съ силами и черезъ два дни итти къ обѣднѣ, которую служатъ всякое Воскресенье, въ шесть часовъ утра, въ погребѣ ея сосѣдки. Госпожа Мартенъ хотѣла сама итти туда и взялась выпросить позволеніе для меня. На другой день госпожа д' Армалосъ хотѣла испытать силы, и пошла къ одной своей родственницѣ, которая жила не далеко. Растворивъ окно, я увидѣлъ Калисту опять въ покрывалѣ; она надѣла шубу свою на мать и вела ее за руку. Тутъ захотѣлось мнѣ видѣть ихъ комнату: двери ея были растворены въ коридоръ, и служанка прибирала ее. Я вошелъ туда и нарочно сталъ говорить съ служанкою, но между тѣмъ съ сердечнымъ умиленіемъ осматривалъ горестное убѣжище добродѣтели. Двѣ кровати съ ситцовымъ за-

навѣсомъ стояли рядомъ; большія кресла, три соломенные стула, маленькой столъ (гдѣ лежали ноты) и дубовой шкапъ составляли все убранство комнаты. На окнѣ лежали Евангеліе, молитвенникъ и Боссюэтовы проповѣди; между ими стояли маленькіе песочные часы, сдѣланные (какъ сказала мнѣ служанка) самою Калистою, чтобы во-время давать лекарство матери. Я смотрѣлъ съ сердечнымъ удовольствіемъ на это милое произведеніе дочерней любви, которое никогда не показывало часовъ свѣтскаго разсѣянія и дѣлило время на однѣ святыя должности уединеннаго благочестія и добродѣтельнаго трудолюбія!.. Думая уже выйти изъ комнаты, я увидѣлъ за шкапомъ картину, покрытую зеленымъ стамедомъ, и спросилъ объ ней. Служанка открыла ее, говоря: *это портретъ дѣвицы д'Армалосъ.* Не могу описать вамъ моего сердечнаго движенія въ эту минуту! Я самъ никогда бы не открылъ портрета дѣвицы, которая всегда закрывала флеромъ лице свое, была предметомъ моего душевнаго почтенія и тайныхъ благодѣяній моихъ!.. Разсматривая съ живѣйшимъ любопытствомъ милыя черты, я внутренно укорялъ себя опасною нескромностію, чувствовалъ волненіе въ сердцѣ, и выходя,

запретилъ служанкѣ сказывать даже и госпожѣ Мартенъ, что я былъ тамъ. Съ этой минуты участіе мое въ судьбѣ Калисты сдѣлалось еще живѣе, но не имѣло уже прежней невинности, столь пріятной и милой, что мнѣ въ самомъ очарованіи любви было жаль ее.

„Я спѣшилъ купить столовые часы съ звонкимъ боемъ, и поставилъ ихъ у самой перегородки. Мнѣ не хотѣлось сдѣлать песочныхъ часовъ ея безполезными; но они, измѣряя время, не показывали его дневнаго раздѣленія. Я сидѣлъ *тайно* въ своей комнатѣ, когда часы въ первый разъ стали бить и съ восторгомъ услышалъ восклицаніе матери и дочери, обрадованныхъ этою новостію; Калиста нѣжнымъ своимъ голосомъ считала ихъ!

„На другой день въ шестомъ часу я пришелъ къ хозяйкѣ, чтобы итти вмѣстѣ къ обѣднѣ: госпожа д'Армалосъ съ дочерью сидѣли уже въ ея комнатѣ, гдѣ горѣла одна свѣча (потому что на дворѣ было еще темно). Калиста, сидя въ покрывалѣ, снята только перчатки: глаза мои устремились на ея руки, отмѣнно бѣлыя и нѣжныя. Мать, не смотря на лѣта и жестокую болѣзнь свою, казалась еще прекрасною. Находя великое сходство между ею и портретомъ дочери, я смот-

рѣлъ на нее съ сердечнымъ удовольствіемъ. Она встала, опираясь на Калисту: я подалъ ей руку. Домъ былъ не далеко: тамъ приняла насъ служанка съ видомъ тайности. Мы сошли внизъ по лѣсницѣ въ глубокой погребъ. Сердце мое наполнилось чувствами благоговѣнія въ этой мрачной темницѣ, гдѣ гонимая добродѣтель скрывалась отъ развратныхъ людей и бесѣдовала съ Богомъ, какъ въ небесномъ храмѣ и послѣднемъ святилищѣ надежды. Тамъ человѣкъ двадцать стояли на колѣнахъ передъ маленькимъ олтаремъ, освѣщеннымъ только двумя лампадами. Усердіе, ревность изображались на лицахъ. Ахъ! какъ величественна казалась мнѣ угнетенная Религія, безъ всякаго внѣшняго велѣпія, безъ всякой тѣни лицемѣрства! Подлѣ олтаря, на деревянномъ стулѣ, сидѣлъ священникъ и говорилъ проповѣдь на текстѣ: *братья мои! радуйтесь горестями, утверждающими вѣру вашу!*

„Никогда проповѣди самыхъ краснорѣчивѣйшихъ Христіянскихъ Ораторовъ не дѣлали такого сильнаго впечатлѣнія; мы обливались слезами, слушая ревностнаго священника, который всякой день жертвовалъ Религіи и свободою и жизнію. Хотя онъ единственно повторялъ то, что тысячу разъ говорено было другими; но намъ

казалось, что мы еще въ первый разъ слышимъ истинное Евангельское ученіе. Всякое слово заключало для насъ великій смыслъ, и святая Мораль въ устахъ добродѣтельнаго старца имѣла всю ту силу, которая одушевляла церковное ученіе въ началѣ Христіянства.

„Послѣ обѣдни всѣ мы по внутреннему движенію сошлись вмѣстѣ; мущины и женщины обнимали и безмолвно поздравляли другъ друга съ сердечнымъ утѣшеніемъ, которымъ они наслаждались вопреки тиранству. Я проводилъ госпожу д' Армалосъ и дочь ея до ихъ комнаты; цѣлый день не былъ дома, и возвратясь, узналъ отъ хозяйки, что больная, укрѣпленная на нѣсколько часовъ пламеннымъ Христіянскимъ усердіемъ, вдругъ ослабѣла, и что Докторъ не могъ скрыть своего страха. Я вошелъ къ себѣ въ комнату и сѣлъ, какъ обыкновенно, подлѣ самой стѣны. Мать говорила съ дочерью. „Какъ спокойна теперь душа моя! сказала она: я исполнила святую должность Религіи, и довольна. Ты слышала нынѣ святое ученіе церкви, что Христіянину должно не только терпѣть, но еще радоваться горестями, и считать ихъ въ сей опасной, кратковременной жизни благодѣяніемъ Провидѣнія. Не горесть ли,

о другѣ мой! воспитала въ сердцѣ твоемъ добродѣтель? Я лишилась супруга, но скоро увижусь съ нимъ; оставляю тебя беззащитною, но Богъ есть покровитель невинныхъ: вѣрю Ему, и не дерзаю о тебѣ безпокоиться" . . . . Тутъ Калиста зарыдала; слезы мои текли вмѣстѣ съ ея слезами. Госпожа д'Армалосъ съ непонятною твердостію приготовляла дочь свою къ вѣчной разлукѣ съ нею. Въ девять часовъ Калиста слабымъ голосомъ прочитала молитву. Мать сказала, чтобы она помогла ей стать на колѣни. Развѣ вы такъ слабы? съ ужасомъ спросила Калиста. *Нынѣ было у меня довольно силъ*, отвѣчала больная, и твердымъ голосомъ произнесла: *Господи! благослови ее!* . . . Тутъ Калиста страшнымъ голосомъ закричала. Я узналъ, что она лишилась матери . . . въ горести, съ ужасомъ вскочилъ съ мѣста, ударилъ въ стѣну и громко сказалъ: „я тотчасъ пришлю къ вамъ людей и бѣгу за Докторомъ!" . . *Ахъ, Господинъ Дельривъ!* отвѣчала Калиста трогательнымъ голосомъ. . . Я бросился въ коридоръ, звалъ къ ней служанокъ, поскакалъ за лекаремъ, привезъ его, и самъ остался въ своей комнатѣ. Калиста еще надѣялась, что мать ея только въ обморокѣ. Медикъ

сбѣявилъ ей страшную истину. Вопль ея раздиралъ мое сердце. Госпожа Мартень напрасно звала ее къ себѣ: она хотѣла провести ночь съ мертвымъ тѣломъ. „Мы не можемъ найти священника, сказала Калиста: я вмѣсто его буду здѣсь молиться до утра.“ Служанка осталась съ нею.

„Черезъ часъ я услышалъ, что она будитъ ее, и снова застучавъ въ стѣну, сказалъ ей: „вы не однѣ; всю ночь буду молиться съ вами.“ *Ангелъ утѣшитель!* отвѣчала Калиста, и не могла говорить отъ рыданія. Въ самомъ дѣлѣ я не ложился спать, и эта меланхолическая ночь имѣла для меня такую прелесть, которой не могу теперь изъяснить для самого себя. Вмѣсто обыкновенной моей осторожности и тишины, я ходилъ, стучалъ и всячески давалъ знать Калистѣ, что не сплю и раздѣляю съ нею горесть, будучи единственнымъ ея свидѣтелемъ и повѣреннымъ. Вздохи наши соединялись, и мы, не говоря и не видя другъ друга, были вмѣстѣ. Среди ночи и размышленій о смерти, трогательная симпатія сердецъ нашихъ, независимая отъ чувствъ, походила на чистый союзъ духовъ, освобожденныхъ отъ узъ и мечтаній жизни.

„Калиста три дни не отходила отъ умершей, а я не выходилъ изъ своей комнаты. Когда наконецъ погребли тѣло, госпожа Мартень, исполняя мое желаніе, предложила ей помѣняться со мною комнатами, чтобы удалиться нѣкоторымъ образомъ отъ ужасныхъ воспоминаній. Она съ величайшею благодарностію согласилась на то, и велѣла сказать, что надѣется лично изъявить мнѣ свою признательность у госпожи Мартень, какъ скоро соберется съ силами. Я душевно радовался мыслію, что наконецъ увижу ту, которая была мнѣ уже столь извѣстна и мила; поставилъ въ своей горницѣ клавесинъ, разные хорошіе мёбли, и вошелъ въ ея комнату съ живѣйшимъ чувствомъ умиленія. Въ ней была уже только одна постеля — Калистина! Она взяла съ собою портретъ, но глаза мои на пустомъ его мѣстѣ видѣли еще изображеніе милой красоты. Я снова разсматривалъ тамъ всѣ вещи, и выдвигалъ всѣ ящики, въ надеждѣ найти нѣсколько строкъ руки ея — и съ какою неописанною радостію увидѣлъ на окнѣ маленькіе песочные часы, забытые или, лучше сказать, оставленные! Я схватилъ ихъ; клялся, что они будутъ измѣрять для меня одно добродѣтели и любви посвящае-

мое время. Я сдержалъ слово, и хотя не могу теперь дорожить ими, однакожъ сберегъ ихъ... На другой день ввечеру сердце мое насладилось живымъ удовольствіемъ. Калиста играла на клавесинѣ, слѣдуя своимъ мыслямъ; выражала не музыкальныя ноты, а чувства своей души, и для меня; выражала горесть, признательность и довѣренность къ моей чувствительности. Она играла до одиннадцати часовъ; встала и подошла къ перегородкѣ. Сердце мое затрепетало: Калиста была подлѣ меня; я слышалъ ея дыханіе!.. Она стала на колѣни — и мы заключили день по обыкновенному: общею молитвою.

„На другой день меня увѣдомили, что Виларъ подъ судомъ въ Шартрѣ. Хотя мнѣ горестно было разстаться съ Калистою на нѣсколько дней, однакожъ, слѣдуя закону дружбы, я немедленно поскакалъ туда и нашелъ способъ спасти Вилара отъ великой опасности; открылъ ему свои чувства къ Калистѣ и намѣреніе увѣдомить о томъ моего отца, какъ скоро увижусь съ нею; наконецъ летѣлъ въ Парижъ... Но тамъ ужасная перемѣна ожидала меня. Калисты не было уже въ домѣ госпожи Маршень. На другой день по моемъ отъѣздѣ пришли къ ней револю-

ционные Коммиссары; одинъ изъ нихъ, видя Калисту, сорвалъ съ нее покрывало, и тронутый ея красотою, желалъ быть ея супругомъ. Она съ гордостїю отвергнула его предложенїе, и такъ раздражила сего злодѣя, что онъ взялъ ее подъ стражу какъ *заговорщицу* и *суевѣрку*, доказывая свое обвиненїе тѣмъ, что у нее на столѣ лежалъ крестъ. Невинная Калиста сидѣла въ темницѣ. Я спѣшилъ туда; но она была въ *тайной*, и никому не позволяли входить къ ней. Одинъ извѣстный мнѣ человѣкъ сидѣлъ въ другой комнатѣ рядомъ съ нею; его обвиняли не въ такомъ важномъ преступленїи, какъ нещастную Калисту: я вздумалъ требовать свиданїя съ нимъ; получилъ дозволенїе; вошелъ къ заключенному, обѣщалъ ему всячески быть полезнымъ, открылъ свою тайну, и ставъ подлѣ стѣны, отдѣлявшей меня отъ Калисты, сказалъ громко: *я опять съ вами!*

„Боже мой! воскликнула она; вы заключены въ темницѣ!“ — Нѣтъ, отвѣчалъ я: но пришелъ сказать вамъ о моемъ возвращенїи, слѣдственно о старанїи вывести васъ отсюда; но знаю только одно вѣрное средство: назваться вашимъ супругомъ. Согласны ли вы на то? — „Можете ли располагать сердцемъ своимъ?“ — Я не

женатъ. — „Хотите ли въ самомъ дѣлѣ руки моей?“ — Ахъ! клянусь Небомъ любить васъ до гроба! — „Я на колѣняхъ даю Богу такую же клятву.“ — О Калиста! супруга моего сердца!..., „Любезный Дельривъ! я твоя навѣки.“ — Завтра, можетъ быть черезъ часъ ты будешь свободна!.....

„Сказавъ, я хотѣлъ бѣжать; но заключенный (именемъ Дюранъ) остановилъ меня и сказалъ: „постойте, государь мой! объявляю вамъ, что естьли вы не освободите меня прежде милой вамъ дѣвицы, то я открою обманъ.“ Это было для меня громовымъ ударомъ; я остолбенѣлъ отъ изумленія и досады; но чувствовалъ, что мнѣ надобно скрыть свое негодованіе на эгоиста, и отвѣчалъ ему съ ласкою: „любезный Дюранъ! можешь ли ты сомнѣваться въ моемъ усердіи? можешь ли предлагать мнѣ такое жестокое условіе? — „Могу и долженъ, сказалъ онъ холодно: у тебя много такихъ пріятелей, какъ я; имѣя прекрасный случай, хочу имъ воспользоваться.“ — Могу ли по крайней мѣрѣ надѣяться на твою скромность? — „Я никогда не любилъ дѣлать зла. Выведи меня только изъ тюрмы, и буду увѣрять всѣхъ, что ты при мнѣ женился.“ — Хорошо, естьли бы ты имѣлъ велико-

душіе вѣрить одной моей благодарности. — „Еще лучше соединить мою пользу съ твоею.“

„Нечего было дѣлать, и мнѣ надлежало узнать отъ этова несноснаго человѣка всѣ обстоятельства его дѣла, чтобы просить объ немъ. Я внутренно проклиналъ его, но рѣшился или умереть или возвратить ему свободу; бѣгалъ ко всѣмъ моимъ друзьямъ и знакомымъ, просилъ, кланялся, и удивлялъ ихъ моею ревностію; на другой день возвратился въ темницу, и притворяясь ласковымъ, сказалъ Дюрану, что надѣюсь успѣть въ его дѣлѣ. Онъ проницалъ въ мою душу, и съ коварною усмѣшкою отвѣчалъ мнѣ: о! я не сомнѣваюсь въ твоей дружбѣ и совершенно покоенъ; а желая наградить тебя за труды, вручаю тебѣ пріятную записку, которую подали мнѣ сквозь это отверстіе.... Ахъ! дай скорѣе! сказалъ я. — „Читай и напиши отвѣтъ, но не говори сквозь стѣну; надобно кричать, а это опасно: надзиратели могутъ услышать.“ — — Я дрожащею рукою развернулъ это безцѣнное письмо, написанное кровью моей любовницы. Вотъ его содержаніе:

„Благодарю тирановъ, отнявшихъ у „меня чернилицу, потому что я дол-

„жна теперь своею кровью написать кля-„тву любить тебя вѣчно. Суди о моихъ „чувствахъ: госпожа Мартень въ твое „отсутствіе мнѣ все сказала. Знаю, „чѣмъ я обязана твоему великодушію, о „другъ мой и благодѣтель! и отдаюсь „тебѣ навѣки. Что ни будетъ со мною, но „сохраню до гроба эту святую дружбу, „основанную на добродѣтели и благодар-„ности. Одинъ ты можешь привязывать „меня къ жизни; хочу жить единственно „для тебя. — *Калиста д' Арталосъ.*"

„Я сохранилъ ея торжественную кля-тву — это письмо, начертанное кровью, и моими слезами орошенное! . . Мнѣ надобно собраться съ силами, чтобы до-сказать равнодушно эту чудную и горе-стную исторію.

„Не смѣя, по замѣчанію Дюранову, говорить съ Калистою, я въ ту же ми-нуту написалъ нѣсколько строкъ, также моею кровью, постучалъ въ стѣну, услы-шалъ отвѣтъ, вложилъ письмо въ отвер-стіе и сталъ на колѣни. Дюранъ засмѣ-ялся и сказалъ: „бѣдный! она не видитъ тебя!" — *Но угадываетъ*, отвѣчалъ я, и спѣшилъ окончать Дюраново дѣло. Съ меня требовали денегъ: я занялъ 500 луидо-ровъ, и мнѣ отдали повелѣніе освободить Дюрана."

Тутъ Г. д' Орслень, перервавъ исторію Дельрива, сказалъ: „Этотъ Дюранъ долженъ быть умной человѣкъ." — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Дельривъ: я теперь согласенъ съ вами. Такой умъ или, лучше сказать, такой характеръ должно имѣть въ свѣтѣ. Нѣжность есть обманъ, а великодушіе глупость. — — Дельривъ продолжалъ:

„Отославъ къ Дюрану эту бумагу, я спѣшилъ объявить себя Калистинымъ мужемъ и требовалъ ея свободы. Мнѣ обѣщали, но просили еще денегъ. Не зная, гдѣ ихъ занять, я крайне обрадовался пріѣзду Вилара, который вызвался найти мнѣ черезъ два дни 15000 франковъ. Сердце мое успокоилось; но вдругъ получаю горестное извѣстіе о болѣзни отца моего, желающаго видѣть меня. Легко можете вообразить отчаяніе любовника! Но должность сына была для меня закономъ. Я послалъ за Виларомъ, отдалъ ему письмо къ Калистѣ, и просилъ его употребить всѣ способы для ея освобожденія. Онъ клялся мнѣ въ томъ Самимъ Небомъ; я не могъ сомнѣваться въ его дружескомъ усердіи, но поѣхалъ съ величайшимъ безпокойствомъ; нашелъ батюшку при смерти; открылъ ему свою любовь и получилъ его благословеніе,

которое сдѣлало для меня Калисту еще милѣе. Прошло дней восемь въ горести, когда Виларъ увѣдомилъ меня, что злодѣй, бывшій доносителемъ на Калисту, всячески старается вредить намъ, но что мы имѣемъ основательную надежду освободить ее; что она уже не въ *тайной*, и что ему дано позволеніе видѣться съ нею. Онъ съ восторгомъ говорилъ о ея достоинствахъ, нѣжности, красотѣ — и прислалъ отъ нее трогательное письмо ко мнѣ.

Отецъ мой страдалъ еще около мѣсяца, и скончался. Вы знали мою привязанность къ нему, и можете судить о горести нѣжнаго сына!... Во все это время не имѣвъ уже никакого свѣдѣнія о Калистѣ, недѣли черезъ три я отправилъ въ Парижъ нарочнаго, который возвратился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что она получила свободу и вмѣстѣ съ Виларомъ уѣхала, не извѣстно куда. Такой поспѣшный отъѣздъ удивилъ меня; однакожь я радовался ея свободѣ, воображая, что она писала ко мнѣ, и что ея письма пропали; никакое безпокойное сомнѣніе не входило въ мою душу. Я спѣшилъ въ Парижъ, развѣдывалъ, и наконецъ узналъ, что Калиста въ самомъ дѣлѣ уѣхала съ Виларомъ, и что онъ живетъ въ деревнѣ Л* близь

Шалона. Я поскакалъ туда верхомъ, перемѣняя лошадей на станцїяхъ; не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью, и въ послѣднїй день Мая, въ 8 часовъ утра, остановился за двѣ мили отъ Л* въ сельскомъ трактирѣ, желая разспросить хозяина, который былъ мнѣ знакомъ. Онъ принялъ меня съ республиканскою гордостїю, не вставъ съ мѣста и куря свою трубку. Я прежде всего хотѣлъ знать, найду ли Вилара въ Л*? „Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ: онъ долженъ былъ, по нещастью, ѣхать въ армїю. У кого молодая жена, тому горько съ нею разставаться.“ — Какъ! спросилъ я съ ужаснымъ предчувствїемъ: развѣ Виларъ женился? — „А вы не знаете?“ сказалъ трактирщикъ, положивъ на столъ трубку, и радуясь случаю разсказывать исторїю: „онъ освободилъ прекрасную дѣвушку, которая сидѣла въ тюрмѣ, и теперь жена его ....“ Тутъ я долженъ былъ опереться на столъ: ноги мои дрожали ... „Вы конечно устали: сядьте.“ — Я упалъ на стулъ ... „*Гражданка* Виларъ, продолжалъ трактирщикъ, прекрасна какъ роза. Отецъ ея былъ Гишпанской банкиръ и назывался д'Армалосъ“ .... Видя блѣдность мою, хозяинъ совѣтовалъ мнѣ выпить стаканъ вина. Тутъ пришло мнѣ на мысль, что Виларъ,

можетъ быть, нарочно сказывается Калистинымъ мужемъ для ея безопасности. Я спросилъ, гдѣ онъ женился? — „Въ Шалонѣ, въ присутствіи городскихъ судей; а послѣ *гражданка* Виларъ (которая, между нами будь сказано, очень набожна) тайно посылала за священникомъ, чтобы онъ благословилъ ихъ бракъ. Я былъ въ числѣ свидѣтелей.“ — Гдѣ же теперь... она? — Осталась въ деревнѣ Л* плакать; бѣдная чрезмѣрно любитъ своего мужа.“ — Хочу видѣть ее! сказалъ я, выбѣжалъ изъ дому, и поскакалъ въ ужасномъ волненіи души моей, увидѣлъ домъ Вилара, отдалъ лошадь свою одному крестьянину и хотѣлъ итти пѣшкомъ. Въ алеѣ встрѣтилась мнѣ служанка, и сказала, что госпожа Виларъ гуляетъ въ рощѣ. Я пошелъ туда, и едва могъ дышать. Малѣйшее движеніе приводило меня въ трепетъ: мнѣ вездѣ слышался голосъ вѣроломной женщины... Подходя къ Китайской отворенной бесѣдкѣ, я едва не упалъ въ обморокъ, ибо въ самомъ дѣлѣ услышалъ голосъ Калисты... Онъ уже не имѣлъ прежней для слуха моего пріятности, но былъ знакомъ сердцу. Я остановился. „Вы скоро его увидите, говорила служанка: на что грустить и плакать?“ — Мнѣ не плакать! сказала Калиста: Боже мой! когда съ нимъ уви-

жусь? Жестокой Виларъ! для чего ты не позволилъ мнѣ ѣхать съ тобою и раздѣлять всѣ опасности! — „Надѣйтесь на Бога, сударыня.“ — Ахъ! я конечно надѣюсь: что было бы со мною безъ Религіи? — *Лицемѣрка*! закричалъ я, и вошелъ въ бесѣдку... гдѣ въ первый разъ увидѣлъ безъ покрывала ту, которую любилъ страстно. Великое сходство ея съ матерью и съ портретомъ, столь памятнымъ моему сердцу, вездѣ увѣрило бы меня, что это Калиста. Она закричала... Я въ изступленіи подошелъ къ ней и сказалъ: Трепещи, видя во мнѣ непріятеля, страшнаго для твоего гнуснаго мужа! Нѣтъ, онъ не умретъ славною смертію; мстительная рука моя должна погубить злодѣя!... Калиста упала въ обморокъ. Помоги ей! сказалъ я испуганной служанкѣ: скажи, чтобы она не боялась слѣдствій перваго движенія, которое теперь самъ осуждаю. Нѣтъ, одно презрѣніе должно быть моею местію! — Сказавъ, я вышелъ изъ бесѣдки, удалился поспѣшно, и съ мертвымъ сердцемъ возвратился въ Парижъ. Злобные тираны сдѣлали для меня отечество ненавистнымъ: я продалъ часть имѣнія своего, взялъ паспортъ и простился съ Франціею. Обманутый, растерзанный предметами

нѣжнѣйшихъ чувствъ моихъ, я отказался навѣки отъ любви и дружбы: слѣдственно, по моему мнѣнїю, отъ добродѣтели. Вѣроломство непостоянной Калисты доказало мнѣ, что Религїя не исправляетъ сердца, и не имѣетъ никакого влїянїя на дѣла и нравы людей. Калиста все еще *набожна*, не смотря на то, что обманула меня безъ всякаго угрызенїя совѣсти. Естьли Религїя безполезна, то на что она людямъ?.. Калиста неблагодарна, Виларъ извергъ; но — они щастливы, а я въ отчаянїи, всѣми оставленъ и забытъ!.. Гдѣ же Провидѣнїе?" — Примолви еще, сказалъ Г. д'Орсленъ, что Якобинцы насъ ограбили и торжествуютъ! — О! я награжу себя за претерпѣнное, говорилъ Дельривъ; полно быть легковѣрнымъ; теперь знаю, что думать и какъ жить надобно!

Нещастный молодой человѣкъ, желая разсѣять себя, путешествовалъ съ мѣсяцъ по дикимъ мѣстамъ Швейцарїи, возвратился въ Лозану къ Господину д'Орсленю, и прожилъ съ нимъ осень и зиму. Г. д'Орсленъ чрезмѣрно ласкалъ его. Дельривъ удивлялся, что онъ не призываетъ къ себѣ молодаго своего племянника, Эмигранта, который носилъ то же имя, имѣлъ жену, дѣтей и жилъ

близь Кадикса въ великой бѣдности. Я былъ всегда его благодѣтелемъ, сказалъ д'Орсленъ, и люблю его душевно; но теперешнее мое состоянїе не дозволяетъ мнѣ быть ему полезнымъ.

Между тѣмъ Дельривъ, не смотря на всѣ усилїя оскорбленнаго сердца, не могъ забыть Калисты; не могъ понять такой скорой перемѣны, такого дерзкаго вѣроломства, воображая всѣ подробности связи его съ нею. Иногда онъ перечитывалъ ея письма, и всякой разъ чувствовалъ возобновленїе досады своей; сердился и бранилъ Религїю. Однакожь страсть и гнѣвъ не мѣшали ему воспоминать, что набожность исправила нѣкогда его нравственность, и возвысила добродѣтели; что она до гроба услаждала нещастїе Госпожи д' Армалосъ, и была радостною надеждою умирающаго отца его. Сїи воспоминанїя не обращали его къ добродѣтели, но безпокоили и терзали. Онъ столько ненавидѣлъ ужасы Революцїи, и столько раздраженъ былъ измѣною любовницы и друга, что страстно желалъ утвердиться въ своемъ невѣрїи. Сомнѣнїя Господина д'Орсленя ему ни мало не нравились: безразсудная досада его хотѣла чего нибудь рѣшительнаго — матерїализма, безбожїя. Уже онъ гово-

рилъ страшнымъ языкомъ атеистовъ, не для того, чтобы такъ думалъ, но единственно отъ желанія мстить. Читалъ Гоббеса, Спинозу и новыхъ учениковъ его; но скоро бросилъ ихъ, сказавъ господину д' Орсленю, что они грубо лгутъ и противорѣчатъ себѣ. „Доказательства ихъ, говорилъ Дельривъ, такъ неосновательны, что могутъ обольщать только невѣждъ или безразсудныхъ. Единственный способъ избавиться отъ безпокойныхъ предразсужденій есть слѣдовать страстямъ и жить для ихъ удовольствій; а противъ Религіи нахожу я только одно сильное возраженіе: набожность вѣроломной женщины. — „Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ д' Орслень: естьли бы Калиста твоя развратилась постепенно и перестала быть набожною, тогда можнобъ было сказать, что она, оставляя Религію, оставила и добродѣтель; но перемѣниться вдругъ, послѣ такихъ священныхъ клятвъ, нагло обмануть своего любовника и благодѣтеля, безъ всякаго угрызенія совѣсти и вѣря по прежнему ученію Религіи — вотъ ясное доказательство, что набожность не спасаетъ человѣка отъ преступленій!“ — Такое заключеніе казалось Дельриву неоспоримымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Господину д' Орсленю вдругъ сдѣлался ударъ. . . Ему пустили кровь; онъ пришелъ въ себя, но не могъ говорить вразумительно и казался весьма безпокойнымъ. Дельривъ не отходилъ отъ его постели. Ввечеру больному стало хуже. Будучи въ комнатѣ одинъ съ Дельривомъ, онъ съ великимъ усилїемъ приподнялся, вынулъ ключь, лежавшїй у него подъ головами, и рукою указалъ ему на столѣ ларчикъ. Дельривъ взялъ его и на силу могъ поднять отъ тяжести. Д' Орслень хотѣлъ говорить; но вдругъ глаза его закрылись, и страшныя конвульсїи пресѣкли жизнь. . . Молодой человѣкъ стоялъ неподвижно и разсуждалъ самъ съ собою: „Онъ любилъ меня, и безъ сомнѣнїя хотѣлъ подарить мнѣ этотъ ларчикъ: для чего же не принять мнѣ дружескаго подарка? Прошло то время, въ которое глупая совѣсть могла бы тревожить меня въ такомъ случаѣ.“ Дельривъ отнесъ ларчикъ въ свою горницу, заперъ его, и возвратясь скорѣе къ умершему, кликнулъ людей. Призвали еще Доктора; но ему уже не чего было дѣлать. Лозанское Правительство запечатало всѣ вещи покойнаго; а Дельривъ, въ то время, какъ всѣ уснули въ домѣ, открылъ свой таин-

ственный ларчикъ . . . и нашелъ въ немъ 5000 луидоровъ съ тремя дорогими перстнями. „Какъ! (думалъ онъ) этотъ старикъ имѣлъ такое богатство и назывался бѣднымъ! Теперь его благодѣяніе навсегда предохраняетъ меня отъ нужды. Онъ не сдѣлалъ духовной; боялся смерти, ни чему не вѣрилъ, и любилъ одного себя: такіе люди не думаютъ о томъ, что будетъ послѣ ихъ.“ . . . . Но скоро пришло ему на мысль, что у д'Орсленя остался въ бѣдности родной племянникъ; что онъ, можетъ быть, хотѣлъ отдать ему деньги только на сохраненіе, желая доставить ихъ истинному наслѣднику. . . . Напрасно Дельривъ старался удалить сію мысль, и говорилъ себѣ: „развѣ я не клялся жить для своего удовольствія и презирать Мораль, которая дѣлаетъ людей только нещастными? Все умираетъ съ нами. Благоразумно ли жертвовать собою для пользы незнакомаго человѣка? Кто наградитъ меня за такую добродѣтель? совѣсть? но она есть пустое слово для того, кто считаетъ вселенную дѣйствіемъ одного случая, не надѣется и не боится ничего послѣ смерти!“ — Дельривъ ободрился, заперъ ларчикъ въ шкапъ и легъ на постелю; но сонъ бѣжалъ отъ глазъ

его, и внутреннее чувство не давало ему покоя. Хотя онъ обѣщалъ самому себѣ наградить д' Орсленева племянника и доставить ему часть наслѣдства, но совѣсть не хотѣла съ нимъ торговаться, и еще болѣе терзала его. Отдать что нибудь, думалъ онъ, есть признаться, что не могу спокойно пользоваться всѣмъ. Наконецъ вышедши изъ терпѣнія, Дельривъ всталъ и зажегъ свѣчу. „Проклятое воспитаніе! я вѣчно долженъ быть глупцемъ!" сказалъ онъ, вынулъ ларчикъ и поставилъ его передъ собою, говоря: „сонъ милѣе золота; не хочу ничего, и какъ скоро разсвѣтаетъ, представлю все въ городской судъ" . . . Сладкія слезы покатились изъ его глазъ, и сердце вкусило тихое удовольствіе. Шкапъ былъ еще отворенъ: онъ увидѣлъ песочные Калистины часы, которые въ немъ стояли, и съ умиленіемъ мыслилъ: „я клялся, что вы будете показывать однѣ посвящаемыя добродѣтели минуты; теперь могу смотрѣть на васъ!" . . . Онъ все еще плакалъ, воображалъ изумленіе бѣднаго племянника, радость его семейства, и наслаждался во глубинѣ души своей; не хотѣлъ спать, чтобы утѣшаться миромъ совѣсти — рано поутру отвезъ ларчикъ къ главному

Лозанскому судьѣ, и объявилъ, что у Г. д'Орсленя есть племянникъ, которому должно отослать это наслѣдство, ввѣренное ему покойникомъ.

(Окончанїе впредь.)

II.

Мысли объ уединенїи.

Нѣкоторыя слова имѣютъ особенную красоту для чувствительнаго сердца, представляя ему идеи меланхолическїя и нѣжныя. Имя уединенїя принадлежитъ къ симъ магическимъ словамъ. Назовите его — и чувствительный воображаетъ любезную пустыню, густыя сѣни деревъ, томное журчанїе свѣтлаго ручья, на берегу котораго сидитъ глубокая задумчивость съ своими горестными и сладкими воспоминанїями!

Но участь нѣжныхъ сердецъ есть обманываться! Какъ въ любви и въ дружбѣ рѣдко находятъ они исполненїе надеждъ своихъ, такъ самое уединенїе не отвѣтствуетъ ихъ ожиданїямъ; цвѣты его благоухаютъ въ воображенїи, и вянутъ въ грубомъ элементѣ существенности.

Быть щастливымъ или довольнымъ въ *совершенномъ* уединенiи можно только съ неистощимымъ богатствомъ внутреннихъ наслажденiй и въ отсутствiи всѣхъ потребностей, которыхъ удовлетворенiе внѣ насъ; а человѣкъ отъ первой до послѣдней минуты бытiя есть существо зависимое. Сердце его образовано чувствовать съ другими и наслаждаться ихъ наслажденiемъ. Отдѣляясь отъ свѣта, оно изсыхаетъ подобно растѣнiю, лишенному животворныхъ влiянiй солнца.

Чувствительный воображаетъ благопрiятнымъ для уединенiя то время, когда человѣкъ, сто разъ обманутый въ своихъ милыхъ надеждахъ, перестаетъ наконецъ желать и надѣяться: тогда уединенiе кажется единственною его отрадою, единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ на Океанѣ безпокойной жизни; тамъ, въ тишинѣ и мракѣ лѣсовъ, онъ будетъ жить и чувствовать съ одною природою; тамъ, съ горестiю воспоминая жестокую холодность людей, онъ утѣшится мыслiю, что сердце его не подобно ихъ сердцу; тамъ, вдыхая въ себя свѣжiй воздухъ пустыни, добродушный Мизантропъ скажетъ: *онъ не ядовитъ: въ немъ нѣтъ дыханiя пороковъ!*

Сладкая меланхолическая мысль, Поэзія воображенія, и ничего болѣе! Нѣтъ, оскорбленная чувствительность не найдетъ себѣ утѣшителя въ пустынѣ. Жизнь сердца есть любовь, желаніе, надежда, которыхъ предметъ бываетъ только въ свѣтѣ. Природа нѣма для холоднаго равнодушія. Ея картины и феномены безъ отношеній къ міру нравственному не имѣютъ никакой живой прелести. Можемъ ли плѣняться торжественнымъ восходомъ солнца или кроткимъ свѣтиломъ ночи, или пѣснію соловья, когда солнце не освѣщаетъ для насъ ничего милаго; когда мы не питаемъ въ себѣ нѣжности подъ нѣжнымъ вліяніемъ луны; когда въ пѣсняхъ Филомелы не слышимъ голоса любви?

Забвеніе свѣта, о которомъ такъ часто говорятъ Мизантропы, есть только одно слово безъ всякаго истиннаго значенія. Какая мысль останется въ душѣ, естьли она забудетъ свѣтъ? а воспоминая его, скоро начнетъ жалѣть объ немъ: ибо воспоминаніе есть самое льстивое зеркало: оно украшаетъ предметы. Такъ все, что давно миновалось, отъ времени кажется намъ любезнѣе. Случаи жизни въ памяти нашей теряютъ примѣсъ неудовольствій, подобно какъ металлъ теряетъ

примѣсь нечистоты въ горнилѣ — и добродушный пустынникъ или возвратится въ свѣтъ, или за упрямство будетъ наказанъ вѣчнымъ сожалѣніемъ.

Нѣтъ, нѣтъ! человѣкъ не созданъ для всегдашняго уединенія, и не можетъ передѣлать себя. Люди оскорбляютъ, люди должны и утѣшать его. Ядъ въ свѣтѣ, антидотъ тамъ же. Одинъ уязвляетъ ядовитою стрѣлою, другой вынимаетъ ее изъ сердца, и льетъ цѣлительный бальзамъ на рану.

Но *временное* уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо для умовъ дѣятельныхъ, образованныхъ для глубокомысленныхъ созерцаній. Въ сокровенныхъ убѣжищахъ Натуры душа дѣйствуетъ сильнѣе и величественнѣе; мысли возвышаются и текутъ быстрѣе; разумъ въ отсутствіи предметовъ лучше цѣнитъ ихъ; и какъ живописецъ изъ отдаленія смотритъ на ландшафтъ, который должно ему изобразить кистію, такъ наблюдатель удаляется иногда отъ свѣта, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и живѣе представить его въ картинѣ. Жанъ-Жакъ Руссо оставилъ городъ, чтобы въ густыхъ тѣняхъ Парка размышлять объ измѣненіяхъ человѣка въ гражданской жизни, и слогъ его

въ семъ творенiи имѣетъ свѣжесть Природы.

Временное уединенiе есть также необходимость для чувствительности. Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ, такъ нѣжная душа, будучи одна съ собою, плѣняется созерцанiемъ внутренняго своего богатства; углубляется въ самоё себя; оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ настоящимъ, и находитъ способъ украшать одно другимъ. — Какой любовникъ не спѣшилъ иногда отъ самой любовницы своей въ уединенiе, чтобы, насладившись блаженствомъ, въ кроткомъ покоѣ души насладиться еще его воспоминанiемъ, и на свободѣ говорить съ сердцемъ о той, которую оно обожаетъ? По крайней мѣрѣ чувствительныя женщины должны иногда отсылать любовниковъ въ уединенiе, которое своими размышленiями и мечтами питаетъ страсти.

Дидеротъ, всегда пылкой, но не всегда основательной, сказалъ, что одинъ злой человѣкъ любитъ удаляться отъ людей — сказалъ для того, что хотѣлъ оскорбить Жанъ-Жака. Нѣтъ, уединенiе есть худой товарищъ для нечистой совѣсти, и злыя мысли никогда не произведутъ той сладостной задумчивости, которая есть прелесть уединенiя. Чтобы

пріятно бесѣдовать съ собою, надобно быть добрымъ; надобно имѣть любезную ясность души; которая не совмѣстна съ ядовитою злобою.

Всѣмъ рожденнымъ съ нѣкоторою особенною живостію воображенія, всѣмъ *Эпикурейцамъ чувствительности*, совѣтую иногда вдругъ изъ шумнаго многолюдства переходить въ глубокую тишину уединенія, которое производитъ тогда неизъяснимое въ насъ дѣйствіе. На примѣръ, кто оставляя великолѣпный балъ, гдѣ, по словамъ Делиля,

Блистаютъ красотой, одеждою, умомъ,

выѣзжаетъ за городъ и входитъ одинъ въ ночной мракъ лѣса, тотъ чувствуетъ въ себѣ какую-то новую, тайную силу души, никогда не возбуждаемую свѣтомъ и его сценами. Такія противоположности разительны, и могутъ быть источникомъ живыхъ удовольствій. „Величественный шумъ деревъ, качаемыхъ вѣтромъ „надъ моею головою (говоритъ одинъ Писатель) есть мистическій языкъ Натуры, который бываетъ для меня священнѣе *послѣ городскаго шума.*“

Скажемъ наконецъ, что уединеніе подобно тѣмъ людямъ, съ которыми хорошо и пріятно видѣться изрѣдка, но

съ которыми жить всегда тягостно уму и сердцу!

П. Ф.

III.

О новыхъ путешественникахъ.

Письмо изъ Берлина.

Любовь ко славѣ Германіи и любопытство заставляютъ насъ слѣдовать мыслями за тѣми соотечественниками, которые рѣшились на опасности и скуку дальнихъ путешествій, чтобы распространить кругъ человѣческихъ знаній. Между ими всѣхъ болѣе отличается Господинъ Гумболытъ, который, будучи весьма небогатъ, но имѣя рѣдкія знанія, пламенную ревность къ Наукамъ и непоколебимое мужество, вздумалъ безъ всякаго вспоможенія отъ правительства объѣхать шаръ земной, чтобы собрать новыя свѣдѣнія о Природѣ и людяхъ, о теоріи земли, Астрономіи, географическихъ положеніяхъ, животныхъ, растѣніяхъ и камняхъ. Видѣвъ большую часть пустынь южной Америки, онъ отправился теперь сухимъ путемъ въ Перу, съ намѣреніемъ возвратиться въ Европу

черезъ Восточную Индїю. Новѣйшїя письма его получены изъ Карѳагены. Онъ едва могъ доѣхать до сего города, бывъ окруженъ разными опасностями. На берегахъ Рїо-Сину угрожали ему смертїю безчисленные крокодилы и Дарикскїе Индѣйцы, которые отличаются отъ Караибовъ, ихъ сосѣдовъ, малымъ ростомъ своимъ, толщиною и силою. Потомъ страшная буря едва не опрокинула его лодки. Приставъ къ Гиганпскому Мысу, и такимъ образомъ едва успѣвъ спастись отъ смерти, Г. Гумбольтъ спѣшилъ наблюдать полное затмѣнїе луны; но бѣглые Негры, вооруженные кинжалами, бросились на любопытнаго Астронома, который съ великимъ трудомъ могъ уйти отъ ихъ свирѣпства и добѣжать до лодки. Это случилось въ Вербное Воскресенье, самый тотъ день, въ который онъ за годъ передъ тѣмъ избавился отъ смерти на Оренокѣ, гдѣ хищные крокодилы едва не схватили его.

Другой Нѣмецъ, Господинъ Горнеманъ, путешествуетъ въ Африкѣ, куда отправило его Лондонское Африканское Общество для новыхъ открытїй. Онъ прислалъ въ Лондонъ описанїе своего путешествїя изъ Каира до Сивы, въ храмъ Юпитера-Аммона и въ Фецанъ; оно уже

переведено на Англїйской языкъ и скоро будетъ напечатано въ *Библїотекѣ* Африканскаго Общества.

Англїйскїй путешественникъ, бывшїй въ Индостанѣ, на берегу рѣки Совїеры, видѣлъ мавзолей славнаго Могольскаго музыканта Тансеина, осѣненный превеликимъ деревомъ. Жители ходятъ туда на поклоненїе, жуютъ листъ сего дерева и думаютъ, что голосъ ихъ дѣлается отъ того прїятнѣе.

Скоро выдетъ еще Журналъ Полковника Малькольмса, отправленнаго Англїйскимъ Королемъ къ нынѣшнему Персидскому Шаху. Число путешественниковъ въ Восточной Индїи безпрестанно умножается. Директоры Англїйской Компанїи, желая тѣмъ воспользоваться, берутъ теперь за перевозъ гораздо дороже. Англїйскїе Богословы стараются также употребить въ пользу Науки своей любопытство новыхъ путешественниковъ, и Кембричскїй Университетъ опредѣлилъ награжденїе тѣмъ, которые мѣстными описанїями Палестины и окрестныхъ земель объяснятъ Священное Писанїе.

IV.

СМѢСЬ.

Въ Газетахъ писали о системѣ Вѣнскаго Профессора Галя. Сообщаемъ любопытнымъ подробнѣйшее о томъ извѣстіе. Г. Галь основываетъ свои наблюденія на образованіи черепа, который во всякомъ умномъ человѣкѣ долженъ быть овальный; истину сего примѣчанія доказываетъ онъ черепами многихъ славныхъ мужей. Красавцы и вообще всѣ тѣ, которые имѣютъ круглую голову, рѣдко бываютъ очень умны. Господинъ Профессоръ назначаетъ въ мозгу особливое мѣсто для всякой душевной способности. На примѣръ, способность наблюденія живетъ надъ самымъ лбомъ. Это мѣсто бываетъ очень высоко у дѣтей, которыя въ удивительной степени имѣютъ даръ примѣчанія. Нечувствительно сія выпуклость уменьшается и дѣлается иногда впадиною, но только не у Геніевъ, великихъ наблюдателей. Г. Галь думаетъ, что упражненіе и навыкъ могутъ дѣйствовать на образованіе сей части. У него есть черепы нѣкоторыхъ славныхъ людей, между прочими Блумауера, Алексингера и Вурмзера. Въ семъ послѣднемъ Докторъ нашелъ органъ мужества, котораго мѣсто надъ ухомъ,

къ виску. Черепы животныхъ сообщили ему также множество разныхъ открытій. Онъ нашелъ музыкальный органъ какъ въ соловьяхъ, малиновкахъ, жаворонкахъ, такъ и въ головѣ славныхъ музыкантовъ, а особливо въ Моцартѣ. Мозгъ лисицъ и кошекъ заключаетъ въ себѣ органъ хитрости; и точно такой же находится въ головѣ людей, бывшихъ отмѣнно хитрыми. Ученіе Доктора Галя весьма любопытно; не надобно спрашивать объ его истинѣ.

Французскіе Ученые нашли въ Египтѣ камень съ надписью Египетскихъ жрецовъ, въ честь Птоломею-Эпифану, на Греческомъ, Коптскомъ и гіероглифическомъ языкѣ, котораго ключь потерянъ. Сіе открытіе подало надежду узнать смыслъ гіероглифическихъ изображеній посредствомъ Греческой надписи. Г. Сильвестръ де Саси скоро выдастъ изъясненіе всей надписи, которая въ разныхъ мѣстахъ весьма темна. Между тѣмъ Англійскій Полковникъ Торерь привезъ въ Лондонъ сей любопытный камень.

Въ Медицинскихъ Наблюденіяхъ Гражданина Перси, напечатанныхъ въ Парижѣ, описано много удивительныхъ слу-

чаевъ. На примѣръ, одинъ Французскій Капитанъ, именемъ Симоръ, отъ жестокой простуды лишился движенія въ пальцахъ, рукахъ, ногахъ и наконецъ во всемъ тѣлѣ, такъ, что не могъ дѣйствовать даже и челюстью. Ослѣпнувъ въ то же время, онъ нѣсколько лѣтъ провелъ на креслахъ *безъ всякаго сна*, не смотря на сильные пріемы опіума, и питался каплями бульйона, которыя пропускали ему въ ротъ сквозь зубы. Наконецъ ему выдернули два изъ нихъ, чтобы сдѣлать отверстіе: онъ началъ свободнѣе говорить и могъ сосать всякую жидкость посредствомъ соломенки. Тѣло его, родъ одушевленной статуи или живаго трупа, составляло *одну часть*; всѣ кости *столпились* однѣ съ другими; но, не смотря на такое ужасное состояніе, Симоръ не рѣдко бывалъ очень забавенъ, любилъ шутить, и всякой годъ издавалъ *календарь въ лѣсняхъ*, который благодѣтельные люди раскупали, чтобы помочь бѣдному, не оскорбляя его чувствительности. Календарь, изданный имъ въ 1797 году, дослѣдилъ примѣчанія по слѣдующему эпиграфу:

Я слѣпъ, не знаю сна, не ѣмъ, не шевелюсь,
Жду смерти всякой часъ, и между тѣмъ смѣюсь!

Лице Симорово ни мало не перемѣнилось, и сохраняло характеръ веселости. Мускулы его были въ безпрестанномъ движенїи, чтобы замѣнять дѣйствїе рукъ, морщить кожу и сгонять насѣкомыхъ, которыя его кусали. Скелетъ сего человѣка, ужасный и любопытный монументъ человѣческаго бѣдствїя, хранится теперь въ Медицинской Парижской школѣ. — — Г Перси описываетъ еще дѣйствїе ужасной алчности, которую онъ называетъ *Полифагїю*. Молодой человѣкъ, Лїонской уроженецъ, именемъ Тараръ, съ самаго ребячества привыкъ глодать корзины, ножевые черенки, ѣсть не только множество дурнаго, бросаемаго мяса, но и самыхъ живыхъ гадинъ, и сверьхъ того глоталъ камни. Разные припадки и страшныя колики не могли отучить его отъ сей ужасной алчности, которая сдѣлалась наконецъ необходимою потребностїю. Будучи солдатомъ въ Реинской армїи, онъ искалъ въ походной гошпитали нужной для себя пищи, и ѣлъ все, что выбрасывали изъ кухни: кости, гнилое мясо и проч. Но ему и того было недостаточно: Тараръ убивалъ собакъ, кошекъ, и ѣлъ живыхъ змѣй. Его силою выгоняли изъ той комнаты, гдѣ лежали мертвыя тѣла,

и гдѣ стояла кровь, выпущенная изъ больныхъ. Напрасно старались излечить сего нещастнаго, и давали ему растопленный жиръ, кислыя эссенціи, опіумъ, и проч. Будучи подозрѣваемъ въ страшномъ злодѣйствѣ, когда въ одномъ Нѣмецкомъ городѣ у хозяина его пропалъ шестнадцати-мѣсячный младенецъ, онъ бѣжалъ, но въ 1799 году явился къ главному Медику Версальской больницы въ злой чахоткѣ, которая была слѣдствіемъ его неслыханной алчности, и произошла, по его словамъ, отъ съѣденной имъ серебряной вилки, оставшейся въ желудкѣ. Тараръ черезъ нѣсколько дней умеръ. Версальской лекарь вскрылъ его тѣло, не смотря на смрадный, несносный духъ. Онъ не нашелъ вилки. Желудокъ былъ чрезмѣрной величины, и вся внутренность испорчена. Тараръ, будучи малаго росту, сытый походилъ на человѣка въ водяной болѣзни, а голодный казался худымъ: тогда брюхо его висѣло какъ мѣшокъ. Ротъ и все тѣло его безпрестанно дымились. Наѣвшись, онъ засыпалъ крѣпкимъ сномъ, подобно всѣмъ алчнымъ животнымъ. Г. Перси изъ разныхъ собранныхъ имъ примѣровъ *Полифагіи* заключаетъ, что сія болѣзнь неизлечима; что ея не-

щастныя жертвы въ одной смерти находятъ конецъ своимъ страданіямъ, и живутъ не долѣе сорока лѣтъ.

„Щастливый случай познакомилъ меня съ сыномъ славнаго Пиччини (говоритъ Французскій Авторъ Пиго-Лебрюнъ въ своемъ письмѣ къ Издателямъ *Парижскаго Журнала*), который сказалъ мнѣ, что у него есть неизвѣстный Вольтеровъ манускриптъ. Это возбудило мое любопытство, хотя я внутренно и не повѣрилъ тому. Г. Пиччини пригласилъ меня къ себѣ, вмѣстѣ съ другими Литтераторами, и далъ намъ читать рукопись. Должно было согласиться на очевидную истину, и мы съ душевною радостію узнали неподражаемую *печать великаго человѣка.* Это не есть связное сочиненіе, а разныя примѣчанія, мысли, анекдоты, *брошенные на бумагу*; но всякая строка изображаетъ Вольтера и духъ его. Сія рукопись печатается теперь у Дидота и выдетъ въ концѣ Мая. Извѣстите о такой щастливой находкѣ публику, которая издавна привыкла восхищаться всѣми твореніями славнаго Генія.“

V.

Новое сочиненіе Шато-Бріана.

Спѣшимъ увѣдомить Господъ Рускихъ Переводчиковъ, что Авторъ *славной* Аталы издалъ еще важнѣйшее твореніе подъ титуломъ Génie, которымъ плѣняются Французскія дамы, и которое славятъ многіе Журналы, даже и Мониторъ. Они смѣло могутъ переводить его и напечатать въ Московскихъ Газетахъ, что Росcійская Публика безъ сомнѣнія приметъ съ удовольствіемъ и даже съ благодарностію новое вдохновеніе Музы *великаго* Шато-Бріана. А мы, въ ожиданіи полнаго Рускаго перевода, выпишемъ для нашихъ читателей нѣкоторыя мѣста изъ сей книги, чтобы дать идею о новыхъ богатствахъ Французской Литтературы.

„Всевѣчная Судьба поставила рожде-„ніе и смерть, въ видѣ двухъ закрытыхъ „фантомовъ, на двухъ концахъ пути на-„шего; и съ высоты своего трона бросила „нашу жизнь, какъ маленькую изломан-„ную колонну, въ пустоту времени, что-„бы она катилась безъ основанія и вер-„шины!! Pag. 16. vol. I.

„Въ мысляхъ, образахъ, *звукахъ, цвѣ-„тахъ*, все изящное цѣломудренно! Pag. 66.

„Судьба есть сама по себѣ великая „пустынница вселенной, вѣчная дѣва „міровъ!! Pag. 70.

„Луна катилась въ своей мистиче„ской воздержности сквозь свѣжія про„странства ночи! Pag. 75.

„Вѣчная Судьба *бросаетъ* изъ *обширной* „руки своей и зерно, питающее насѣко„мыхъ, и солнце, которое освѣщаетъ ихъ!

„Вѣчная Судьба, удовлетворивъ сво„ему мщенію, повелѣла морямъ возвра„титься въ бездну; земля со всѣхъ сто„ронъ *зѣвнула* (bailla), и поглотила во„ды! Pag. 157.

„Мы любимъ воображать себѣ землю „прекрасною Нимфою, которой служатъ „лѣса волосами, горы грудями, солнце „и луна глазами, вѣтры и воды голо„сомъ, а моря и перлы мантельею! Pag. 161.

„Надменный человѣкъ! умѣлъ ли ты „проникнуть въ сокровище града (grêle), „и знаешь ли тѣ бездны, въ которыхъ „судьба почерпаетъ смерть въ страшный „день мести своей? Pag. 156.

„Соловей, сей Гомеръ птицъ, про„мышляетъ себѣ хлѣбъ пѣснями, и со„чиняетъ лучшіе голоса свои (compose ses plus „beaux airs) тогда, когда ослѣпнетъ! Pag. 182.

„Какъ трогательно, какъ чудесно „видѣть крокодила дѣлающаго себѣ гнѣздо

„и несущаго яица подобно курицѣ! какъ „трогательно, какъ чудесно видѣть ма- „ленькое чудовище, вылѣзающее изъ „скорлупы подобно цыпленку! Pag. 213.

„Горесть есть утѣшенїе. Pag. 242. — — „Народъ пьетъ свой потъ, чтобы уто- „лить жажду блаженства. Pag. 247.

„Я не умѣю вообразить ничего ужа- „снѣе той минуты, когда дѣти закри- „чатъ въ брюхѣ матерей своихъ, и когда „смерть поскачетъ верхомъ на блѣдномъ „конѣ своемъ!“ Pag. 287.

А мы не умѣемъ вообразить ничего нелѣпѣе такой нелѣпости. Вотъ какъ пишутъ во Францїи нѣкоторые новые Литтераторы! Увѣряю Читателей, что переводъ мой не уступаетъ въ вѣрности никакому переводу на свѣтѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

О Республикѣ Италіянской и политическомъ равновѣсіи Европы.

Избраніе Бонапарте въ Президенты Италіянской Республики устрашило нѣкоторыхъ Политиковъ. Это принадлежитъ къ духу нашего вѣка: мы давно уже боимся *не во-время*, — боимся не столько вещи, сколько имени! Чизальпинцы со дня завоеванія земли ихъ были покорными союзниками Франціи, такъ, какъ во время Силлы и Цесаря народы побѣжденные Легіонами назывались *союзниками Рима*, или какъ Индѣйскіе Набобы и Раи, въ ихъ столицахъ наказываемые Британцами, носятъ имя друзей Англійской Осп-Индской Компаніи. Новая пограничная Республика въ Италіи жила и дышала Франціею, и только одною Консульскою рукою можетъ быть хранима; судьба ея рѣшена Маренгскою побѣдою и Люневильскимъ миромъ: то есть, ей надлежало зависѣть отъ Франціи, которая, по условію съ Императорскимъ

дворомъ, оставила въ ея владѣніяхъ 30000 войска, для соблюденія нужнаго порядка.

Чтожь новаго сдѣлалось? Могло ли одно торжественное наименованіе Правителя увеличить силу Франціи? Нѣсколько деревень, присоединенныхъ еще ко владѣніямъ гигантской Республики, умножили бы ея силы болѣе, нежели сей пустой обрядъ, который показалъ только зависимость зависимыхъ! Лигурія менѣе ли повинуется Консулу, хотя онъ и не называется ея главою? Скоро увидимъ мы и независимость Короля Этруріи!

И такъ Ліонская Консульта ничего въ самомъ дѣлѣ не перемѣнила въ Италіи. Прежде Директорія, а нынѣ Бонапарте есть душа Чизальпиніи, которая безъ Франціи не могла и не можетъ существовать. Глубокомысленные Политики наши смотрятъ въ телескопы, не рѣдко обманчивые, и боясь отдаленнаго, не видятъ ямы подъ ногами!

Кажется, что самъ Бонапарте, зная людей, опасался дурныхъ слѣдствій Консульты въ разсужденіи мира, и нарочно откладывалъ ѣхать въ Ліонъ, желавъ прежде все кончить въ Амьенѣ; ибо мы смѣло можемъ предполагать, что ему *по крайней мѣрѣ* извѣстно было намѣреніе Консульты избрать его въ Президенты.

Тогда онъ всякой день надѣялся подписать трактатъ. Самъ Лордъ Корнвалисъ думалъ, какъ извѣстно, возвратиться въ Англїю еще въ половинѣ Января. Неожидаемыя препятствїя удалили заключенїе мира.

Бонапарте, безъ сомнѣнїя встревоженный разными отзывами неудовольствїя, самъ (какъ увѣряютъ) сочинилъ пустатью (*) въ *Мониторѣ*, въ которой доказываютъ Европѣ, что Францїя нынѣ ни мало не увеличилась!!

Можно написать цѣлую книгу въ опроверженїе всего, что тамъ сказано о влїянїи Австрїи на Италїю, о раздѣлѣ Польши, о завоеванїяхъ Англичанъ въ Индїи, и проч. и проч. Но всѣ истины безполезны, когда дѣйствуетъ и рѣшитъ сила. Я дозволю себѣ только нѣкоторыя примѣчанїя.

Въ сей важной и любопытной статьѣ безпрестанно говорится о равновѣсїи Европы; но можетъ ли оно быть послѣ Люневильскаго и Амьенскаго мира? Надобно только, безъ всякаго политическаго глубокомыслїя, взглянуть на ландкарту, справиться съ Бишингомъ, счесть людей,

(*) Она напечатана въ Мартѣ *Вѣстника*.

доходы провинцїй и земель, чтобы увѣриться въ сей невозможности.

Система равновѣсїя, извѣстная въ одной Европѣ (и то единственно въ новѣйшїя времена) не рѣдко и прежде бывала химерою. Однакожь не рѣдко имѣла она и благодѣтельныя слѣдствїя, когда разные Дворы, устрашенные властолюбїемъ сильной Державы, соединялись между собою, чтобы остановить ея опасныя предпрїятїя угрозами или самою войною. Иногда они не успѣвали въ своемъ намѣренїи, и властолюбїе торжествовало; однакожь всегда умѣряли нѣкоторымъ образомъ его дѣйствїе. Вотъ что Политики называли системою равновѣсїя, безъ сомнѣнїя достойною просвѣщенныхъ народовъ, соединенныхъ Науками, Искусствами и торговлею! Самые славнѣйшїе народы древности не имѣли объ ней истиннаго понятїя; ибо союзы малыхъ Греческихъ областей противъ Аѳинъ, Спарты и Азїатскихъ Деспотовъ, равно какъ и не твердые союзы древнихъ владѣтелей Сицилїи противъ Карѳагенской Республики, не могутъ быть въ самомъ дѣлѣ названы системою политическаго равновѣсїя.

Карѳагенская Республика, ничѣмъ не удерживаемая въ своихъ предѣлахъ, все поглотила, и наконецъ сама была жерт-

вою Римской. Хотя и противъ Рима находимъ мы въ Исторіи множество союзовъ, однакожъ не видимъ никакого систематическаго соединенія царей и народовъ для обузданія его ненасытимаго властолюбія. Въ средніе вѣки также не знали благоразумной Политики, и всякой Государь бралъ, что могъ по времени и обстоятельствамъ. Каждой думалъ только о себѣ; никто не пользовался примѣромъ нещастнаго сосѣда, и слабость была всегдашнею виною.

Чтобы еще болѣе увѣриться въ благодѣтельности равновѣсія, надобно взглянуть на Азію, гдѣ не видимъ и слѣда системы его, — гдѣ она и быть не могла, отъ великаго разстоянія государствъ, отъ различія языковъ, религій, предразсужденій и нравовъ. По тому Азія была всегда жертвою завоевателей, отъ Ченгисъ-Хана и Тамерлана до Шаха Надира, который въ половинѣ осьмаго-надесять вѣка завоевалъ тамъ все, что хотѣлъ.

Успѣхи гражданственности въ Европѣ произвели сію систему равновѣсія; единство понятій въ разсужденіи законодательства, единство правилъ въ разсужденіи блага людей, единство Религіи, нравовъ, уваженія къ Искусствамъ, и

наконецъ самое единство придворнаго языка, способствовали такому союзу Державъ, котораго цѣль есть храненіе и благоденствіе народовъ.

Хотя равновѣсіе служило часто ложнымъ предлогомъ въ манифестахъ, однакожь вообще Кабинеты старались не допускать сильныхъ Государей еще усиливаться. Такъ половина Европы въ началѣ 18 вѣка вооружилась, чтобы не дать Французской Монархіи соединиться съ Гишпанскою. Такъ Фридрихъ Великій отвратилъ въ 1778 году раздѣлъ Баваріи, а преемникъ его въ 1790 году заставилъ Императора Леопольда возвратить Туркамъ Бѣлградъ, купленный цѣною Австрійской крови. Такъ Англія и Пруссія остановили Датскія войска въ Швеціи, чтобы спасти Густава.

Хотя, не смотря на то, были войны, однакожь Политика Державъ не рѣдко удаляла ихъ, или прекращала, или останавливала слѣдствія. Пока система равновѣсія дѣйствовала, Державы противились всякому опасному для Европы завоеванію, имѣя въ виду благо общее и цѣлость государствъ. Тогда Европа не страшилась быть жертвою одного властолюбиваго Монарха, или варварскихъ народовъ. Но слѣдствіе Революціонной войны

совершенно истребило сїю мудрую систему, и естьли теперь все еще говорятъ о равновѣсїи, то оно не имѣетъ уже истиннаго смысла: одинъ твердитъ объ немъ для своей пользы, а другой охотно слушаетъ для своего успокоенїя.

Францїя нынѣ такъ сильна, народъ ея такъ властолюбивъ и храбръ, что Патрїоты другихъ государствъ должны бояться злоупотребленїй ея силы. Бонапарте говоритъ въ своей Нотѣ, что Французы болѣе всѣхъ другихъ народовъ доказали свою умѣренность, возвративъ всѣ завоеванїя; но что же они возвратили? Однѣ внутреннїя провинцїи Германїи; да вывели войско свое изъ Церковныхъ Областей и Неаполя. Мальту и Египетъ у нихъ отняли. А Белгїя, лѣвый берегъ Реина, Савоїя, Пїемонтъ? Консулъ забылъ ихъ.

Кто сомнѣвается въ искреннемъ миролюбїи Французскаго Кабинета, того называютъ нынѣ врагомъ мира: имя обидное послѣ такой бѣдственной войны, которой продолженїя могутъ желать одни изверги! Бонапарте ли или Бурбонъ владычествуетъ во Францїи, до того нѣтъ нужды Патрїоту въ другихъ земляхъ, естьли отечеству его не угрожаютъ опасности. Философъ находитъ вся-

кую войну слишкомъ долговременною, и просвѣщенному, остроумному народу, живущему въ обширныхъ и прекрасныхъ странахъ Европы, сердечно желаетъ мудраго законодательства, внутренняго спокойствія и щастія. Но всякой истинный сынъ Германіи, всякой другъ человѣчества, врагъ войны и рабства во всѣхъ земляхъ, долженъ искренно сожалѣть, что Англія въ осень 1801 году не воспользовалась своимъ щастливымъ положеніемъ и не заключила благопріятнѣйшаго для спокойствія народовъ мира; ибо безпредѣльная сила одного государства ужасна для всѣхъ другихъ.

Нѣтъ примѣра въ Исторіи, чтобы непобѣжденный народъ мирился такъ невыгодно, какъ нынѣ Англичане съ Французами помирились, возвративъ ни за что всѣ завоеванія, еще болѣе усиливъ тѣмъ своего опаснаго совмѣстника и не сдѣлавъ ничего для бѣдныхъ Принцовъ, которые отчасти жертвовали собою для выгодъ Британніи. Благо народное, истинная Политика и великодушіе предписывали законы Англійскимъ Министрамъ въ семъ великомъ дѣлѣ; но какъ поступили они? . . . Страннѣе всего то, что Европа славитъ за миръ не Англійскихъ Министровъ (которые, желая

скорѣе прекратить войну, по добродушїю своему *отдали* все возможное), а Консула Бонапарте, который все *взялъ*! — Въ сей войнѣ съ начала до конца все было необыкновенно и чрезвычайно: надобно, чтобы и миръ изумилъ насъ своими чудными условїями!

(*Архенгольцъ, Издатель Минервы.*)

II.

Извлеченіе изъ переписки тайныхъ Агентовъ Лудовика XVIII, недавно обнародованной Французскимъ Правительствомъ.

Сїя переписка доказываетъ коварство, злобу и самое безумїе тѣхъ людей, которые брались сдѣлать *контръ-революцїю* во Францїи. Мы переведемъ изъ нее самое любопытнѣйшее: тайное донесенїе Агента Преси Лудовику XVIII о состоянїи Францїи и расположенїи умовъ въ Ноябрѣ 1800.

„Нынѣ во Францїи только двѣ дѣя„тельныя и рѣшительныя партїи: Яко„бинская и Консульская. Первая неусып„на, скромна и въ тѣснѣйшемъ союзѣ; „она не давно отважилась на великое

„дѣло (*), хотя безъ успѣха, однакожъ „узнала черезъ то расположенїе народа, „которое оказалось весьма холоднымъ и „равнодушнымъ.

„Партїя главнаго Консула гораздо „малочисленнѣе, но теперь сильнѣе, ибо „она властвуетъ. Бонапарте, исполняя „свой планъ съ величайшею дѣятельно- „стїю, не довольствуется тѣмъ, чтобы „вымышлять новости, хорошїя и дурныя „перемѣны; но самъ все дѣлаетъ или за „всѣмъ смотритъ. Онъ знаетъ намѣренїя „Якобинцевъ, знаетъ необходимость при- „мѣчать за ними неусыпно, и даже пред- „чувствуетъ, кажется, что ему рано или „поздно должно быть ихъ жертвою. При- „нимаемыя имъ осторожности какъ въ „публикѣ, такъ и дома — желанїе задоб- „рить тѣхъ, которые считаются глав- „ными между ими, и которымъ онъ пред- „лагаетъ и мѣста и жалованье — доказы- „ваютъ ясно, что сїя партїя для него „еще ужасна, и что ему хочется поми- „риться съ нею. Въ самомъ дѣлѣ теперь „многїе Якобинцы, особливо умные, сдѣ- „лались чиновниками. Думаютъ, что „Консулъ не столько ищетъ дружбы сихъ

(*) Это относится къ злодѣйскому умыслу Чераки и другихъ Якобинцевъ, которые хотѣли умертвить Бонапарте.

„людей, сколько желаетъ, отвлекая ихъ „отъ секты, черезъ то ослабить ее. Онъ „находитъ въ семъ еще другую выгоду; „а именно: поручая имъ должности, „можетъ лучше обуздывать ихъ и смот„рѣть за ними. Изъ чего слѣдуетъ, что „власть его не только не надежна, но что „онъ стоитъ на Вулканѣ, который вся„кую минуту готовъ вспыхнуть и со„всѣмъ истребить его. Таково по крайней „мѣрѣ общее мнѣнїе. Всѣ Французы, са„мые не согласные въ образѣ мыслей, „ожидаютъ перемѣны и считаютъ ее необ„ходимою; но большая части страшится „того, воображая, что возстановленїе тро„на потребуетъ великихъ жертвъ, и что „анархїя опять будетъ свирѣпствовать „нѣсколько времени. Мнѣнїе, что Якобин„цы воспользуются перемѣною, дѣлаетъ „всѣхъ эгоистовъ и боязливыхъ людей „(которыхъ число, къ нещастїю, велико) „друзьями Консула. Хотя они и желаютъ „возвращенїя Религїи и Монархїи, однакожъ „молятся за похитителя. Вотъ что охра„няетъ власть его и можетъ долго быть „ея защитою! Онъ поддерживаемъ еще „многочисленнымъ классомъ людей, кото„рыхъ судьба соединена съ Революцїею; а „именно, покупщиками народныхъ имѣнїй, „людми опасными и сильными, которыхъ

„новое Правленіе всегда ужасаетъ доказа-„тельствами, что возстановленіе Монар-„хіи лишитъ ихъ богатства и ввергнетъ „въ презрѣніе. Сіе внутреннее увѣреніе „дѣлаетъ ихъ твердѣйшею опорою нынѣш-„няго Начальства, то есть всякаго, кото-„рое даетъ имъ право владѣть беззаконною „собственностію. Консулъ всячески ста-„рается успокоить сихъ людей, и вездѣ „помѣщаетъ ихъ; однакожь они не совер-„шенно спокойны, боясь его деспотическаго „характера, великаго притворства и воз-„вращенія Эмигрантовъ. Скоро будутъ они „жалѣть о прежней Конституціи.

„Система Бонапарте въ правленіи, его рѣшительность, упрямство, неуваженіе къ другимъ Консуламъ и чиновникамъ, съ которыми онъ рѣдко совѣтуется, раждаютъ также много неудовольствій. Его боятся, а не любятъ; онъ глава народа, по тому, что всѣхъ смѣлѣе; что имѣетъ неоспоримые таланты, и что большая часть Французовъ считаетъ его необходимымъ для сохраненія порядка. Даже многіе Роялисты и возвратившіеся Эмигранты имѣютъ такое мнѣніе, и привязаны къ Бонапарте, разглашая — можетъ быть справедливо, но весьма неблагоразумно — что иностранныя Державы думаютъ только о своей пользѣ. Вѣрные подданные

Вашего Величества теряютъ надежду, особливо послѣ сей нещастной Италіянской кампаніи, отъ которой они ждали рѣшительнаго успѣха. Они думаютъ, что ея бѣдствія произошли отъ тайныхъ и вѣроломныхъ намѣреній, а не отъ храбрости республиканской... Къ нещастію всѣ увѣрены, что Вѣнской Кабинетъ не мыслитъ о возстановленіи Французскаго трона.

„Еще многіе люди думаютъ во Франціи, что Бонапарте тайно дѣйствуетъ для Вашего Величества; но сколь велико ихъ заблужденіе? Развѣ онъ тогда на сіе рѣшится, когда обстоятельства отнимутъ у него всѣ другіе способы властвовать. Можетъ быть, что Бонапарте и согласился бы на то прежде, естьли бы хитрые люди воспользовались обстоятельствами и непримѣтно наставили его на сей путь; но, къ нещастью, говорили съ нимъ, можетъ быть, слишкомъ откровенно, и тѣмъ отвратили его отъ сего плана. Консулъ гордъ, слѣдуетъ только собственнымъ намѣреніямъ, и хочетъ быть единственнымъ творцемъ всего, что можетъ его прославить и сдѣлать безсмертнымъ.

„Таково общее мнѣніе во Франціи, и Бонапарте, кажется, знаетъ его, не упу-

ская ни одного случая имъ пользоваться, щадя Эмигрантовъ, Духовенство, разсыпая на всѣхъ благодѣянія и неразрывно соединяя власть свою съ общимъ благомъ. Но сія мудрая политическая система можетъ сохранить его только на время, и паденіе хищника (*) будетъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ оно долѣе замедлится: необходимое слѣдствіе Революціи, котораго еще никто отвратить не могъ!

„Что касается до Лїона, Форе и Божоле, то могу увѣрить Ваше Величество, что сіи провинціи совсѣмъ отличны отъ другихъ своимъ расположеніемъ. Тамъ царствуетъ усердіе, любовь къ Олтарю и Трону; тамъ вѣрные служители Католицизма питаютъ въ народѣ ненависть къ Бонапарте; тамъ онъ считается похитителемъ власти (**), котораго ожидаетъ трагическая судьба. Покупщики народнаго имѣнія ознаменованы презрѣніемъ, и другіе не хотятъ обходиться съ ними. Въ Лїонѣ всѣ Агенты Правленія не терпимы; искусные люди нашли способъ возбудить ихъ другъ противъ

(*) И Бонапарте все это велѣлъ напечатать!

(**) Г. Ирси или говорилъ неправду, или жители Лїона перемѣнились въ своемъ расположеніи къ Бонапарте. Извѣстно, съ какимъ восторгомъ они приняли его!

друга, и тѣмъ ослабить дѣйствіе Консульскаго правленія. — Я всегда увѣрялъ Ваше Величество въ твѣрдости сихъ добрыхъ Французовъ. Священники имѣютъ тамъ великое вліяніе на земледѣльцевъ, и съ помощію ихъ мы всегда можемъ собрать нѣсколько тысячь отважныхъ людей" ....

III.

Извѣстія.

Парижъ.

6 Мая Законодательный Корпусъ получилъ черезъ трехъ Совѣтниковъ Правительства слѣдующее сообщеніе отъ Консуловъ:

„Граждане Законодатели!

Правительство доставляетъ вамъ трактатъ, который совершилъ великое дѣло мира. Республика сражалась за свою независимость: сія независимость признана, и согласіемъ всѣхъ Державъ утверждены права, данныя Франціи Натурою, и границы, данныя намъ побѣдою. — Другая Республика образовалась въ нѣдрахъ Французской, чтобы слѣдовать ея правиламъ и воскресить древній духъ Галловъ. Связанная съ Франціею един-

ствомъ происхожденія и законовъ, а болѣе всего союзомъ благодѣяній, Италіянская Республика заняла свое мѣсто между Державами и нашими союзниками; она удержится на ономъ мужествомъ своимъ и прославится добродѣтелями. — Батавія, навсегда освобожденная отъ чуждаго вліянія, которое приводило въ замѣшательство ея Совѣты и Политику, теперь независима, и въ завоевателяхъ своихъ находитъ утвердителей бытія и правъ ея. Мудрость Правленія и дѣятельная экономія гражданъ совершенно возвратятъ ей прежнее благосостояніе. — Гельветическая Республика, внѣ признанная, внутри терзаема раздорами частнаго властолюбія. Французское Правленіе, храня систему свою, пользовалось въ разсужденіи независимаго народа однимъ вліяніемъ совѣта; но донынѣ безъ всякаго успѣха. Оно еще надѣется, что сосѣдственныя Державы не будутъ принуждены войти въ посредство для прекращенія безпокойствъ, которыя могутъ быть для нихъ опасны. — Республика, какъ вѣрная союзница, всячески старалась въ переговорахъ соблюсти цѣлость Гишпанскихъ владѣній. Король видѣлъ честность союзниковъ его, и великодушно принесъ миру жертву, которую они должны были

предоставить ему, и которая даетъ ему новое право на дружбу Францїи и благодарность Европы. Оживленная торговля уже расцвѣтаетъ въ Гишпанїи, и скоро духъ новой дѣятельности одушевитъ промышленность въ дальнѣйшихъ ея владѣнїяхъ. — Римъ, Неаполь и Этрурїя спокойны, и снова будутъ театромъ мирныхъ Искусствъ. Лукка утвердила свою независимость Конституцїею, согласившею умы и пользы. Лигурїя въ безмолвїи партїй образуется, и Генуя видитъ въ пристани своей возвращенїе торговли и богатства. — Республика Семи Острововъ, подобно Гельвецїи, есть жертва анархїи; но Россїйскїй Императоръ, съ согласїя Францїи, посылаетъ туда войско свое изъ Неаполя, чтобы возстановить спокойствїе, котораго единственно недостаетъ симъ щастливымъ странамъ. — Такимъ образомъ Европа видитъ миръ на землѣ и на моряхъ; благо ея основано на согласїи великихъ Державъ и на вѣрности трактатовъ. — Въ Америкѣ извѣстныя мысли Правленїя успокоили жителей Мартиники, Табаго и Св. Луцїи. Они уже не боятся тѣхъ неблагоразумныхъ законовъ, которые произвели опустошенїе и гибель въ Колонїяхъ; желая соединиться съ отечествомъ,

вмѣстѣ съ своимъ усердіемъ и довѣренностію возвращаютъ ему богатства, по крайней мѣрѣ равныя тѣмъ, которыя оно тамъ оставило. — Въ С. Доминго были ужасныя бѣдствія; но мятежъ ежедневно усмиряется. Туссень, безъ крѣпостей, безъ защиты, безъ арміи, есть только разбойникъ, который скитается съ подобными ему разбойниками. Наши храбрые стрѣлки преслѣдуютъ и скоро истребятъ ихъ. — Миръ извѣстенъ уже въ Индіи и въ Иль-де-Франсѣ. Первое стараніе Правительства возбудило тамъ любовь къ Республикѣ, довѣренность къ ея законамъ и надежду благоденствія. — Теперь многія лѣта протекутъ для насъ безъ побѣдъ, безъ тріумфовъ, безъ тѣхъ важныхъ переговоровъ, которые рѣшатъ судьбу Государствъ; но другіе успѣхи ознаменуютъ бытіе народовъ, особливо бытіе Республики. Вездѣ оживится промышленность; вездѣ Искусства и торговля должны истреблять печальные слѣды войны. Труды всякаго роду требуютъ вниманія Правительства, которое съ успѣхомъ будетъ исполнять новыя свои обязанности, пока мнѣніе народа ему благопріятствуетъ. Слѣдующіе годы должны быть менѣе славны; но Франція, отказываясь отъ невѣрной славы, най-

детъ болѣе истиннаго щастія." Подписано: *Бонапарте.*

Консульскій Совѣтникъ Редererъ сказалъ: „Граждане Законодатели! нѣтъ нужды изъяснять трактата; два слова изъясняютъ его: *слава и щастіе Франціи.* Онъ исполнилъ всеобщія желанія сердецъ, и гласъ Оратора исчезаетъ въ радостныхъ восклицаніяхъ народовъ. Вы ожидаете отъ Ораторовъ Правленія единственно того, чтобы они преступили на сей разъ его законъ, который запрещаетъ имъ хвалить его и даже, нѣкоторымъ образомъ, чувствовать справедливую къ нему благодарность. Но для чего лишать насъ общаго права Французовъ? Люди, удостоенные довѣренности Правленія, могутъ ли нынѣ, хваля его Начальника, возбудить подозрѣніе, что они самихъ себя хвалятъ? Всегда предупрежденные имъ въ дѣятельности общаго блага, мы имѣемъ только легкое достоинство за нимъ слѣдовать. Онъ ежедневно даетъ намъ примѣръ трудолюбія и ревности; всѣ великія идеи, блиставшія въ его правленіи, излились непосредственно изъ его души или разума. — Граждане Законодатели! вы конечно съ удовольствіемъ замѣтили, что Европа обязана

одному Министру (*) и Амьенскимъ и Люневильскимъ трактатами и Конкордатомъ. Выборъ сего повѣреннаго способствовалъ общему миру, обнаруживъ расположенїе Перваго Консула и соединивъ съ успѣхомъ переговоровъ удовольствїе родственной любви. Справедливость, которую иностранные Министры при Дворахъ своихъ отдаютъ въ немъ щастливому соединенїю талантовъ и нравовъ, твердости и кротости, искренности и великаго искусства — благодарность къ нему Французскаго народа, выраженная Трибунатомъ по заключенїи Люневильскаго трактата — достоинство и слава его имени — все служитъ порукою Европѣ за надежность мира, а Францїи за благоденствїе народное."

Письмо изъ Парижа отъ 8 Мая.

Трибунатъ, получивъ отъ Правительства мирный трактатъ, опредѣлилъ изъявить Первому Консулу *чрезвычайную народную благодарность* и далъ знать о томъ Сенату и Законодательному Корпусу. Рѣчь, произнесенная на сей случай Президентомъ, трогательна не пышностїю слога, но истиною и живымъ

---

*) Іосифу Бонапарте.

выраженіемъ справедливой признательности. Такова же была и рѣчь Симеона, который отъ имени Трибуната благодарилъ Правительство за щастіе и славу Франціи. Консулъ слушалъ его съ видомъ величественной скромности; но сердечное удовольствіе живо изобразилось на лицѣ его, когда Симеонъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: „Такъ, Гражданинъ Кон„сулъ! признательность народа не усту„паетъ величію дѣлъ твоихъ. Удивленіе „наше обратилось въ любовь къ тебѣ: ибо „слава твоя есть щастіе Франціи, а „власть твоя есть свобода ея народа!" Бонапарте, отвѣчая ему, говорилъ о пользѣ *частныхъ сношеній* Трибуната съ Правительствомъ, которое черезъ то имѣетъ болѣе способовъ увѣрить его въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ; и въ заключеніе сказалъ съ чувствомъ: „Что ка„сается до меня, то я съ живѣйшею „благодарностію принимаю *опредѣленіе* „Трибуната. Не желаю никакой другой „славы, кромѣ вѣрнаго исполненія моихъ „должностей; единственная для меня на„града есть любовь согражданъ моихъ. . . „Щастливъ, естьли они совершенно увѣ„рены въ томъ, что всякое ихъ бѣдствіе „есть мое собственное, и самое чувстви„тельное; что жизнь любезна для меня

„только возможностїю быть полезнымъ „для отечества; что самая смерть не „можетъ казаться мнѣ жестокою, есть„ли послѣднїе взоры мои увидятъ щастїе „Республики надежнымъ и твердымъ по„добно ея славѣ!“ . . . Бонапарте безъ сомнѣнїя сдѣлаетъ еще много добра Францїи, добра, которое обратилось въ необходимую потребность души его; но онъ уже истощилъ и славу и признательность истинныхъ Патрїотовъ.

Не думайте однакожь, чтобы Консулъ все *побѣдилъ*: нѣтъ, безразсудность Французовъ торжествуетъ надъ его величїемъ. Въ Парижѣ много людей, которые говорятъ только о *недостаткахъ* и *слабостяхъ* Бонапарте!! Такъ, на примѣръ, укоряютъ его слабостїю на счетъ Генерала Мену, который на сихъ дняхъ былъ ему представленъ, и принятъ имъ *съ великимъ отличїемъ*.

Парижъ отъ 11 Мая.

Трибунатъ, какъ извѣстно, опредѣлилъ изъявить Консулу *чрезвычайнымъ* образомъ народную благодарность, и сообщилъ о томъ Сенату, которому надлежало исполнить сїе желанїе. На другой день послѣ того во всемъ Парижѣ ходилъ изъ рукъ въ руки печатный листокъ, названный *письмомъ гражданина къ Сена-*

тору. Мы выпишемъ изъ сей пїесы самыя любопытнѣйшїя мѣста:

„Трибунатъ предлагаетъ вамъ дать „главному Консулу разительный залогъ „народной благодарности. Какая великая „обязанность избрать награду достойную „такого Героя, какъ Бонапарте, и та„кого народа, какъ Французскїй?

„Сенаторы! чего не достаетъ вели„кимъ мужамъ для зрѣлости великихъ „намѣренїй, для ихъ исполненїя, для „утвержденїя судьбы всего, что зави„ситъ отъ ихъ влїянїя? отвѣчаю: *вре„мени*! Стѣсненный въ предѣлахъ чело„вѣческой жизни, Генїй едва можетъ „обмыслить свои планы, преодолѣть „трудности, и воздвигнуть зданїе, ко„торое должно оживить и предать без„смертїю идеи его. Политика ваша бу„детъ ли еще скупѣе Натуры? заклю„читъ ли она въ пространствѣ десяти „или двадцати лѣтъ такїя намѣренїя, для „которыхъ Природа не пожалѣла бы, мо„жетъ быть, ста лѣтъ? Опредѣлите ли „вы время, день, часъ, послѣ котораго „всякое начатое дѣло останется безъ „конца, всякая новая мысль безъ дѣй„ствїя, и самая творческая способность „души будетъ напраснымъ безпокой„ствомъ?

„Вы думаете, что предложить вели-
„кому человѣку, какую награду прине-
„сти ему, какой монументъ воздвиг-
„нуть для славы его! Можете найти
„только одинъ даръ, достойный его рев-
„ности: даръ времени, необходимаго для
„утвержденія отечественнаго блага. От-
„дайте ему вѣкъ, который имъ начи-
„нается: да наполнитъ онъ его дѣлами
„своими! да отличитъ отъ всѣхъ минув-
„шихъ и будущихъ вѣковъ избыткомъ
„народнаго щастія и сіяніемъ славы, пре-
„жде Бонапарте неизвѣстнымъ и послѣ
„его невозможнымъ! да будетъ сей вѣкъ
„монументомъ, воздвигнутымъ собствен-
„ною рукою Героя для славы его! да
„вознесется онъ такъ величественно,
„чтобы имя Бонапарте, на вершинѣ его
„изображенное, было выше всякаго при-
„косновенія и сравненій! . . . Щастливъ
„народъ, котораго законы политическіе
„такъ мудро размѣрили власть, что
„она безсильна противъ народной свобо-
„ды, но достаточна для всякаго блага;
„что граждане боятся только ея кратко-
„временности и желаютъ продолженія!“

Сенатъ въ самомъ дѣлѣ послѣдовалъ
такому совѣту, и 8 Мая опредѣлилъ
торжественно, что исполняя предложе-
ніе Трибуната, — желая изъявить Кон-

сулу народную благодарность и пользуясь законнымъ правомъ своимъ, онъ избираетъ Бонапарте еще на *десять* лѣтъ для Консульскаго достоинства, послѣ *десяти*, на которыя онъ избранъ сначала. Бонапарте, получивъ сїе опредѣленїе Сената, отвѣтствовалъ ему слѣдующимъ письмомъ:

„Сенаторы!

„Лестное доказательство вашего уважения останется всегда начертаннымъ въ моемъ сердцѣ. Воля народа „поручила мнѣ первое мѣсто. Я не могу быть увѣренъ въ его довѣренности, „естьли онъ не изъявитъ своего согласїя „на ваше опредѣленїе. Въ три года моего Консульства фортуна улыбалась „для Республики; но фортуна непостоянна; и сколько людей, осыпанныхъ ея „благодѣянїями, жили слишкомъ долго? „Польза славы и щастїя моего требовала бы, чтобы я оставилъ сцену въ ту „минуту, въ которую обнародованъ миръ „свѣта. Но слава и щастїе гражданина „должны безмолвствовать, когда польза „отечества и народное благоволенїе зовутъ его (l'appellent). Вы думаете, что „я долженъ народу новою жертвою: принесу ее, когда воля его подтвердитъ „ваше желанїе. — *Бонапарте.*“

На другой день Консулы, выслушавъ Министровъ и Совѣтъ, положили спросить у Французскаго народа: „Наполеонъ Бонапарте долженъ ли быть Консуломъ *на всю жизнь?*“ Граждане впишутъ свое мнѣніе въ книги, во всѣхъ городахъ для того приготовленныя; и недѣль черезъ пять сей важный вопросъ рѣшится. Опредѣленіе Консуловъ подписано Камбасересомъ, а не Бонапарте. Любопытные замѣтятъ, что Сенатъ выбиралъ его еще на 10 лѣтъ, а не *на всю жизнь*; слѣдственно вопросъ, предлагаемый народу Консулами, не есть вѣрное эхо Сенатскаго рѣшенія. Но Бонапарте имѣетъ право быть властолюбивымъ, а мы не имѣемъ права укорять его властолюбіемъ. Не народъ Французскій, а Провидѣніе поставило сего удивительнаго человѣка на степень такого величія.

Лондонъ отъ 12 Мая.

3 Мая засѣданіе Нижняго Парламента было любопытно. Г. Виндамъ предлагалъ назначить день для разсужденія о мирномъ трактатѣ; но вмѣсто того, чтобы сказать нѣсколько словъ, онъ произнесъ цѣлую Десмосѳенскую Филиппику, описывая, какъ обыкновенно, страшными красками властолюбіе Французовъ

и гибельныя слѣдствія мира. Думаютъ, что это преждевременное нападеніе было хитростію Господина Виндама. Онъ хотѣлъ привести Министровъ въ замѣшательство. Естьли бы они не отвѣчали ему, то молчаніе ихъ было бы для него нѣкоторымъ торжествомъ; а естьли бы отвѣчали обстоятельно, то онъ узналъ бы тайну ихъ *оборонительной системы*, и воспользовался бы симъ открытіемъ въ день общаго разсужденія о трактатѣ. Но Г. Аддингтонъ отвѣчалъ ему коротко, и не входя въ дальнѣйшія подробности.

Г. Виндамъ сказалъ: „Не дѣлаю теперь никакого особеннаго предложенія, но желаю, чтобы Парламентъ далъ Министрамъ время приготовиться къ отвѣту. Искренность будетъ для меня закономъ при торжественномъ изслѣдованіи сего важнаго дѣла. Но естьли Министры хотятъ кончить его въ одно засѣданіе (какъ далъ намъ чувствовать одинъ изъ нихъ), то я не могу одобрить сей поспѣшности. Парламентъ не есть уголовное судилище, гдѣ дѣла такимъ образомъ рѣшатся. Трактатъ служитъ, къ нещастію, обильною матеріею для примѣчаній. . . Франція, взявъ островъ Эльбу, имѣетъ теперь прекрасную гавань на Средиземномъ морѣ; а по Люневильскому трактату ему должно принадле-

жать къ Тосканѣ; Франція выдумала систему превращеній, и дала Тосканѣ другое имя. Можно ли равнодушно видѣть Луизіану въ рукахъ сей Республики? Сердце Англичанина съ негодованіемъ предчувствуетъ тайныя намѣренія Франц зскаго властолюбія. Обращая взоръ на сѣверную Америку, я вижу тамъ змѣю, которая рано или поздно все истребитъ. Силы Французовъ въ С. Доминго для насъ также опасны. Заключивъ уже предварительныя условія мира; Франція взяла подъ свою зависимость Италіянскую Республику. Во всякое другое время такой поступокъ могъ бы родить войну. Но мы столь боимся Франціи, что не смѣемъ и противорѣчить ей! мысль несносная для Англійскаго Патріота! Республика, не довольная тѣмъ, чтобы мы платили ей за своихъ плѣнниковъ, заставляетъ насъ платить и за чужихъ, которые готовились сражаться съ Англичанами. Такъ смѣются надъ нами въ глазахъ цѣлой Европы! Въ разсужденіи Мальты сдѣлали удивительный *Гокусъ-Покусъ* и Вавилонское смѣшеніе языковъ. Чѣмъ Орденъ будетъ содержать себя? доходы его недостаточны. Орденъ благородства превратился въ мѣщанской: ибо по новому учрежденію Мальтійскимъ рыцарямъ не нужно дока-

зывать своего дворянства. Мальту подчинили Неаполю, который долженъ зависѣть отъ Францїи! Въ случаѣ войны Францїя, Гишпанїя и Голландїя, всегда соединенныя, могутъ въ гавани ея имѣть 18 кораблей, а нашихъ будетъ только 6. Короля Сардинскаго Министры совсѣмъ забыли; забыли также возобновить старинные трактаты съ Францїею, выгодные для нашей торговли. Такой миръ не хуже ли войны?"

Канцлеръ, Г. Аддингтонъ, отвѣчалъ ему: „Благодарю почтеннаго Оратора, который даетъ мнѣ случай сдѣлать нѣкоторыя нужныя замѣчанїя. Отвѣтствуютъ ли Министры за то, что независимый Государь уступаетъ Французамъ свой островъ (Эльбу), и что Португалїя желаетъ исполнить Бадайоской трактатъ? Въ Америкѣ мы имѣемъ владѣнїя, и равновѣсїе сохранится. Должно ли начать войну за то, что Чизальпинская Республика названа Италїянскою, особливо, когда всѣ другїя Державы согласны на ея политическое бытїе? Не обязана ли Англїя платить за плѣнныхъ, бывшихъ на ея жалованьи? Отправленїе Французскаго флота въ С. Доминго для Англїи полезно: ибо оно усмиритъ бунтъ Негровъ, опасный для са-

мыхъ нашихъ Колоній. Что принадлежитъ до старыхъ трактатовъ, то они были для Франціи полезнѣе, нежели для Англіи."

Парламентъ опредѣлилъ разсуждать о трактатѣ черезъ 8 дней.

На другой день Лордъ Гренвиль говорилъ въ Верхнемъ Парламентѣ около двухъ часовъ противъ мира, называя его постыднымъ для Англіи, которая оказалась недостойною довѣренности союзниковъ, забывъ ихъ благо, особливо Принца Оранскаго. — Министръ, Лордъ Пеламъ, отвѣчалъ, что онъ самъ желалъ бы для Англіи выгоднѣйшихъ условій въ разныхъ отношеніяхъ; но что Министры сдѣлали все возможное, и миръ лучше войны.

5 Мая Г. Эллїотъ требовалъ въ Нижнемъ Парламентѣ копіи съ Бадайоскаго трактата. „Я хочу знать, сказалъ онъ, что Португаллія уступила Франціи въ Гіанѣ. Теперь уже Амазонская рѣка не есть преграда между Французскими владѣніями и Бразиліею. Республика конечно тѣмъ воспользуется, какъ скоро внутри будетъ спокойнѣе. Не только Бразилія, но и Перу не уйдетъ отъ ея хищности. Луизіана даетъ ей вліяніе на Американскія области, а особливо на провинцію Кентуки, которая, можетъ быть, скоро соединится съ нею. Американцы

должны торговаться съ Французами, чтобы пользоваться рѣкою Миссисипи; они принуждены будутъ дать имъ выгоды ко вреду нашему. Самая Мексика должна бояться Республиканскихъ завоевателей. Покоренїе Америки назовутъ теперь мечтою; но Французы уже доказали намъ, что мечты не кажутся имъ невозможностями. Послѣ учрежденїя Французо-Италїянской Республики можетъ ли Бонапарте страшиться Европы? можетъ ли Англїйскїй Патрїотъ быть спокойнымъ? Я не смѣю взглянуть на будущее, чтобы не увидѣть вездѣ знаменъ Французскихъ!" — — Министръ Гакесбури отвѣчалъ, что копїя Бадайоскаго трактата можетъ быть представлена Членамъ Парламента; но что Г. Эллїотъ, требуя сей бумаги, совсѣмъ не кстати говорилъ о постороннихъ вещахъ; что никакой миръ не бывалъ для Англїи славнѣе нынѣшняго, и проч.

7 Мая Г. Никольсъ предложилъ Нижнему Парламенту изъявить Королю благодарность за то, что Онъ отстаивалъ Господина Питта. „Ни которое изъ намѣренїй войны не исполнилось, сказалъ онъ. Надлежало ослабить Францїю, а вмѣсто того она такъ усилилась, что могла предписать намъ миръ. Французскїя правила не уничтожились: напротивъ, они

торжествуютъ. Г. Питтъ не сдѣлалъ ничего Франціи, а только отнялъ у насъ Конституцію и разорилъ отечество. Онъ ни мало не доказалъ мудрости своей въ Политикѣ, и не хотѣлъ слѣдовать правилу Макіавеля, что не должно вѣрить измѣннику, бѣглецу, Эмигранту, хотя Американская война уже доказала его испину. Система прежнихъ Министровъ была такъ темна, что наши союзники не понимали ее; они не знали, для чего мы вели войну: для того ли, чтобы возстановить Французскую Монархію, или для завоеваній? Всѣ предпріятія сей войны были нещастливы и обвиняютъ Министровъ. Сперва отправили въ С. Доминго 750 человѣкъ, чтобы завладѣть островомъ, а послѣ, когда сіе предпріятіе не имѣло успѣха, мы пожертвовали для того двадцатью тысячами людей и нѣсколькими милліонами. Министры безразсудно отвергнули мирныя предложенія Бонапарте въ 1800 году, зная, что Бонапарте всегда былъ Бриссотовой партіи, которая не хотѣла воевать съ Англіею. Разрывъ съ сѣверными Державами происходилъ единственно отъ упрямства Министра, который не соглашался отдать Мальты Россіянамъ. Теперь же она досталась Франціи: ибо Неаполь долженъ зависѣть отъ сей Республики. Система

ассигнацїй, 258 миллїоновъ новаго долгу, голодъ, бѣдность, жестокости въ Ирландїи — все, все обвиняетъ бывшаго Министра!"

Лордъ Бельгревъ, напротивъ того, предложилъ Парламенту торжественно изъявить Питту благодарность за его славное правленїе. „Другъ мой, Господинъ Питтъ, сказалъ онъ, не отставленъ, а добровольно сложилъ съ себя санъ Министра, слѣдуя благородному побужденїю сердца. Его семнадцати-лѣтнему правленїю обязаны мы мудрою системою государственной экономїи, соединенїемъ Ирландїи и спасенїемъ Англїи во всѣхъ опасностяхъ." — Г. Мильдме предлагалъ то же, и называлъ Питта спасителемъ отечества и главною опорою Трона во времена мятежныя. — Г. Эрскинъ, славный Адвокатъ, оспоривалъ ихъ предложенїе, и сказалъ: „Всякой начальникъ корабля, оставляющїй его во время опасности, долженъ быть судимъ: такъ и Господинъ Питтъ. Прежнїе Министры возстаютъ теперь противъ мира, и всячески стараются разорвать его: это противно разсудку, человѣколюбїю и Политикѣ. Господинъ Питтъ описывалъ Бонапарте извергомъ, и не хотѣлъ вступить съ нимъ въ переговоры о мирѣ: онъ долженъ дать отчетъ народу; долженъ оправдаться,

естьли можетъ." — Господинъ Пиль (купецъ) доказывалъ, что Англїи стыдно оставить Питта въ настоящей его бѣдности; что онъ другимъ помогалъ, а никогда о себѣ не думалъ; что торговля обязана ему своимъ цвѣтущимъ состоянїемъ, и что его знанїя въ разсужденїи сей части удивительны.

Г. *Грей.* „Предложенїе изъявить благодарность Питту есть оскорбленїе утѣсненнаго народа. Армїя и флотъ, а не бывшїе Министры, достойны благодарности. Говорятъ, что Король обязанъ Питту своею короною; но корона никогда не была въ опасности. Посмотримъ на Францїю: можемъ ли считать себя въ безопасности? Въ Республикѣ главныя правила не измѣнились. И съ Роберспьеромъ мы заключили бы наконецъ миръ; и Роберспьеръ вытгналъ бы наконецъ изъ церкви Notre Dame *богиню разсудка*, чтобы возстановить Католическую Религїю. Прежнїй гордый Министръ хотѣлъ трактовать о мирѣ только во время бѣдствїй. Слѣдствїемъ правилъ его былъ нещастный миръ, нынѣ заключенный. Г. Питтъ мечталъ безпрестанно о банкрутствѣ Францїи и завоеванїи Парижа. Парламентъ остыдитъ себя неслыханнымъ образомъ, естьли изъявитъ благодарность за дерзость и безумїе."

Лордъ Гакесбури. „Не утверждаю, чтобы Якобинство истребилось во Франціи. Однакожь нынѣшнее Французское Правленіе отвергаетъ систему Революціи, и стараеится передъ Богомъ и людми загладить грѣхи ея. Не льзя было выбрать лучшаго времени для заключенія мира. Мы поступили бы весьма неблагоразумно, естьли бы продолжали войну одни безъ союзниковъ.“

Фоксъ. „Нѣтъ, нѣтъ! слава нашихъ Героевъ не есть слава прежнихъ Министровъ; не бывшіе, а нынѣшніе Министры заключили миръ; первые такъ дурно вели войну, что послѣдніе должны были на такихъ дурныхъ условіяхъ помириться. Однакожь между прежними Министрами нѣкоторые заслужили хвалу; на примѣръ, Лордъ Гренвиль, которой велъ себя благоразумно и не хотѣлъ быть однимъ слѣпымъ орудіемъ Канцлера. Такихъ мужей мы должны благодарить, а не Питта, который своею безразсудностію усилилъ Бонапарте. Мы забываемъ заслуги отца и стараемся найти ихъ въ сынѣ; но Лордъ Чатамъ, а не Вильгельмъ Питтъ, долженъ быть славенъ въ лѣтописяхъ Англіи.“

Предложеніе Г. Никольса *отвергнуто* 225 голосами противъ 53, а предложеніе Лорда Бельгрева *принято* 222 голосами

противъ 52. Слѣдственно Парламентъ изъявитъ народную благодарность Питту. Фоксъ хотѣлъ, чтобы сія честь оказана была и Гренвилю, Дондасу и Спенсеру; но Парламентъ на то не согласился. Члены разошлись въ 6 часовъ утра. Питта не было въ засѣданіи. Лондонское купечество хочетъ соорудить ему монументъ, и вообще никогда не славили его въ Англіи столько, какъ нынѣ.

Смѣсь.

Увѣряютъ, что Лондонская иллюминація на случай мира стоила около милліона рублей. Между разными аллегорическими изображеніями замѣчено было слѣдующее (надъ воротами одного богатаго человѣка, Г. Гарата): Патріархъ Маѳусалъ смотрѣлъ съ улыбкою на младенца, который держалъ въ рукѣ масличную вѣтвь съ надписью: „новорожденный миръ „да живетъ Маѳусаловы лѣта!"

Одинъ Лондонскій цырюльникъ написалъ надъ своею лавкою стихи такого содержанія:

Да превратится мечь въ бритву на земномъ шарѣ! Я такъ радъ миру, что готовъ даромъ обрить нашихъ Министровъ и Бонапарте!

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1802.

№ 12.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Вольнодумство и набожность.

(*Окончаніе.*)

Развратность людей такъ обыкновенна и велика, что поступокъ Дельрива казался рѣдкою добродѣтелію. Судья обошелся съ нимъ весьма ласково, и разспрашивая о его обстоятельствахъ, совѣтовалъ ему самому ѣхать въ Гишпанію, и вступить тамъ въ торговлю. „У меня есть въ Кадиксѣ хорошій пріятель (сказалъ онъ), банкиръ Меллосъ, котораго увѣдомлю о вашемъ похвальномъ дѣлѣ, и который приметъ васъ дружески. Онъ богатъ, и вы, будучи трудолюбивы, можете съ его помощію сами обогатиться.“ Дельривъ согласился, и черезъ два мѣсяца отправился

въ Гишпанїю; но чтобы не плыть моремъ, то онъ рѣшился ѣхать черезъ Францїю подъ чужимъ именемъ, вычернилъ свѣтлые волосы свои, насурмилъ себѣ брови, поддѣлалъ большое брюхо, взялъ паспортъ на имя Италїянскаго живописца, и такимъ образомъ сѣлъ въ Дилижансъ съ Швейцарскими купцами и съ молодою прекрасною Эмигранткою, ѣхавшею въ Базель. Швейцары или спали или курили табакъ, а Дельривъ занимался молодою Француженкою, которая отвѣчала ему только *да* и *нѣтъ*, и при всякомъ словѣ краснѣлась; однакожь взглядывала на него тихонько и даже умильно. Когда остановились обѣдать, Эмилїя (такъ называлась Француженка) пошла въ садъ, а Дельривъ за нею. Она крайне испугалась, видя себя одну съ мущиною, и въ темной алеѣ; но путешественникъ старался успокоить ее, и говоря съ нею дружески, спросилъ, кто она, и куда ѣдетъ. Эмилїя взглянула на небо, вздохнула и дала ему чувствовать, что боится нескромности молодаго человѣка. Дельривъ божился, что ему 45 лѣтъ. Эмилїя удивилась, но не имѣя уже никакого сомнѣнїя, призналась ему, что она монахиня и не давно ушла изъ Францїи. Любезная сестра! сказалъ Дельривъ: я

достоинъ этой довѣренности, и также открою тебѣ свою тайну: ты видишь во мнѣ Картезїанца. — „Картезїанца! можно ли?“ — Только ради Бога не сказывай. — „Ахъ! скорѣе умру, почтенный отецъ, нежели“... Тутъ пришли другїе люди; но Эмилїя съ сей минуты смотрѣла на Дельрива съ благоговѣнїемъ, какъ на святаго человѣка; онъ казался ей не только почтеннымъ, но и милымъ. — Дорогою надобно было ночевать въ трактирѣ. Дельривъ, пользуясь совершенною довѣренностїю Эмилїи, выбралъ ей маленькую комнату подлѣ своей. Она сказала ему, что въ первый разъ заснетъ покойно, надѣясь на его защиту. Въ два часа Дельривъ всталъ и вошелъ къ ней съ дурнымъ намѣренїемъ. Ночная лампада освѣщала невинную и неосторожную Эмилїю. Она спала глубокимъ сномъ, украшенная для глазъ молодаго человѣка тишиною, спокойствїемъ, а всего болѣе невинностїю. Все показывало въ ней привычку скромной стыдливости и трогательнаго благочестїя: она спала одѣтая, сложивъ обѣ руки на груди, и держала въ правой большїя четки. Дельривъ, видя въ чертахъ ея любезное изображенїе сердечной кротости, почувствовалъ умиленїе добродѣтели. „О невинность! думалъ онъ:

смотря на тебя, могу желать единственно твоей безопасности! Самая легковѣрность твоя должна быть тебѣ защитою!" Дельривъ вздохнулъ, и въ комнатѣ своей черезъ нѣсколько минутъ закрылъ глаза съ такимъ же душевнымъ спокойствіемъ, какимъ наслаждалась Эмилія.

На другой день онъ увидѣлъ ее съ пріятнымъ чувствомъ, и долженъ былъ улыбнуться, когда Эмилія сказала ему: „почтенный отецъ! вы берегли меня какъ Ангелъ хранитель, и я заснула въ минуту!" Разставаясь съ нею, онъ подарилъ ей 20 луидоровъ и совѣтовалъ не вѣрить Картезіанскимъ монахамъ въ свѣтскомъ платьѣ. „Ахъ! всякой день буду за васъ молиться Богу!" сказала она.... *Перебирая большія четки* (отвѣчалъ Дельривъ), *съ которыми ты слишь по ночамъ*.... „А какъ вы это знаете?" — По откровенію во снѣ. — „О святой человѣкъ!" воскликнула съ удивленіемъ простодушная монахиня.... Прости, любезная Эмилія! сказалъ Дельривъ: дай Богъ, чтобы ты навѣки сохранила невинность души своей! Прости!.... Эмилія, вмѣсто отвѣта, вынула изъ кармана четки, сложила руки и бросилась на колѣни со слезами. Тронутый Дельривъ взглянулъ на

нее съ нѣжною чувствительностїю, и спѣшилъ удалиться.

Онъ благополучно проѣхалъ черезъ Францїю, и въ концѣ Іюня былъ уже въ Кадиксѣ. Банкиръ Меллосъ принялъ его въ загородномъ домѣ своемъ со всѣми знаками дружбы: ибо онъ любилъ добродѣтель, а Лозанскїй судья описалъ ему великодушное безкорыстїе молодаго человѣка. Меллосъ предложилъ ему мѣсто въ конторѣ своей съ большимъ жалованьемъ; сверьхъ того взялъ его деньги, чтобы самымъ выгоднымъ образомъ употребить ихъ въ торгъ. „Что касается до молодаго д'Орсленя, сказалъ онъ, то я лучше всѣхъ могу васъ объ немъ увѣдомить, зная его лично. Онъ живетъ въ Альжезирасѣ, въ 15 миляхъ отсюда. Надобно, чтобы вы сами объявили ему щастливую перемѣну его судьбы, имѣя право на такое удовольствїе. Между тѣмъ я долженъ ѣхать въ Мадритъ за нѣкоторымъ важнымъ для моего семейства дѣломъ, и недѣли черезъ три мы увидимся.“

Меллосъ, одинъ изъ богатѣйшихъ банкировъ въ Кадиксѣ, былъ вдовецъ, имѣя только одну дочь, лѣтъ осьмнадцати, именемъ Зейму, прїятную лицемъ, любезную, но вѣтреную и романическую. Надзирательница ея, старая женщина,

хотѣла болѣе нравиться ей, нежели смотрѣть за нею. Зейма живо почувствовала любезность молодаго Француза и не думала скрывать своего нѣжнаго расположенія. Дельривъ, начиная уже забывать Калисту, съ удовольствіемъ примѣтилъ его; но уѣхалъ въ Альжезирасъ, не имѣвъ еще времени подумать о слѣдствіяхъ сей новой склонности.

Альжезирасъ есть маленькое приморское мѣстечко, не далеко отъ Африканскихъ береговъ. Въ семъ уединеніи Дельривъ нашелъ молодаго д'Орсленя, живущаго въ хижинѣ съ прекрасною женою и съ тремя милыми дѣтми. Боже мой! думалъ онъ, видя сіе любезное семейство: какъ могъ покойный дядя ихъ лишить себя добровольно щастія, которое сама Натура предлагала ему? Что пользы быть эгоистомъ? Онъ не наслаждался своимъ богатствомъ, жилъ въ одиначествѣ, и умеръ въ мучительномъ раскаяніи!

Дельривъ съ восторгомъ исполнилъ свое порученіе; радовался щастіемъ добрыхъ сердецъ и наслаждался ихъ живѣйшею благодарностію.

Д'Орслень на другой день поѣхалъ въ Кадиксъ. Дельривъ объѣздилъ пріятныя окрестности Альжезираса, видѣлъ живописный островокъ Паламоскій, мѣстечко

Сенъ-Рокъ, Гибралтарскую гору, сѣлъ на корабль и черезъ шесть часовъ вышелъ на берегъ Африки; наконецъ возвратился въ Кадиксъ, въ самый день Меллосова пріѣзда изъ Мадрита.

Зейма ему обрадовалась: онъ также былъ чувствителенъ къ ея ласкамъ, и рѣшился воспользоваться ими, думая: „Я не хотѣлъ употребить во зло невинности бѣдной монахини; но рѣзвая и блестящая Зейма не есть Агнеса: она знаетъ, что чувствуетъ; она не легковѣрна и не набожна; не имѣю нужды въ обманѣ, чтобы заманить ее въ сѣти. . . Зейма есть дочь моего благодѣтеля: надобно быть только осторожнымъ и скромнымъ. Естьли связь наша останется тайною для свѣта и Меллоса, то мнѣ не чѣмъ упрекать себя. Что запрещаетъ намъ слѣдовать движенію естественной и милой страсти, которая не сдѣлаетъ ни вреда, ни безпорядка, ни соблазна, и питая сердца наши нѣжными восторгами, не огорчитъ никого въ свѣтѣ? Нѣтъ, нѣтъ! теперь уже не пожертвую своимъ щастіемъ глупой старой привычкѣ. Смѣшно быть добродѣтельнымъ тому, кто уже не вѣритъ святой добродѣтели. До сего времени я только хотѣлъ, а не умѣлъ быть вольнодумцемъ; всякой разъ, когда дохо-

дило до дѣла, новыя правила уступали старымъ предразсудкамъ воспитанія. Но теперь — полно! Красота Зеймы побѣдитъ эту слабость, и первый шагъ долженъ все рѣшить."

Дельривъ, сдѣлавъ планъ, хотѣлъ исполнить его: открылъ Зеймѣ любовь свою, узналъ ея взаимную къ нему склонность, и предложилъ ей видѣться съ нимъ по вечерамъ въ маленькомъ садикѣ, отъ котораго хранился ключь у нее въ горницѣ. Зейма сперва ужаснулась: она соглашалась на тайное свиданіе, но только днемъ, и въ присутствіи надзирательницы, ей преданной. Любовникъ требовалъ, заклиналъ, увѣрялъ (по обыкновенію) въ невинности чувствъ и намѣреній своихъ. Наконецъ Зейма согласилась, и въ одно утро отдала ему гибельный ключь. Но въ тотъ же день Меллосъ, вставъ изъ-за стола, повелъ дочь свою въ кабинетъ, и говорилъ съ нею часа два. Зейма вышла оттуда вся въ слезахъ, и заперлась въ своей комнатѣ. Меллосъ уѣхалъ прогуливаться. Тогда Зейма призвала Дельрива къ себѣ, и сказала ему, что отецъ хочетъ непремѣнно выдать ее за-мужъ; что она не смѣла отвергнуть его предложенія, и должна ему повиноваться. Зейма плакала,

увѣряла любовника въ своемъ отчаянїи, но требовала, чтобы онъ возвратилъ ей ключь. Дельривъ не былъ влюбленъ; однакожь находилъ Зейму прелестною, и никакъ не хотѣлъ отказаться отъ тайнаго свиданїя; требовалъ его въ знакъ довѣренности; плакалъ — говорилъ, что онъ имѣетъ нужду въ семъ послѣднемъ утѣшенїи; игралъ ролю отчаяннаго; просилъ, угрожалъ — и слабая Зейма, боясь оскорбить его, боясь даже *видѣть любовника мертваго у ногъ своихъ*, согласилась ждать его въ полночь.

Во весь тотъ день Зейма — задумчивая, печальная — казалась Дельриву гораздо милѣе прежняго. Онъ даже почиталъ себя влюбленнымъ безъ памяти, и твердилъ мысленно, что *любовь все извиняетъ*: ибо, не смотря на его Философїю, онъ все еще имѣлъ нужду въ извиненїи, особливо въ ту минуту, какъ воображалъ себѣ оскорбленнаго отца своей любовницы. Меллосъ возвратился поздно: Дельривъ не могъ смотрѣть на него спокойно; но томный и нѣжный взглядъ Зеймы истребилъ въ его сердцѣ первое дѣйствїе совѣсти.

Ввечеру, по обыкновенїю, всѣ разошлись въ одиннадцать часовъ. Дельривъ, будучи въ своей комнатѣ одинъ съ собою,

почувствовалъ нѣкоторый ужасъ; боялся собственныхъ мыслей; хотѣлъ думать только о красотѣ Зеймы, но воображенїе представляло ему одного почтеннаго отца ея; хотѣлъ мыслить о восторгахъ и щастїи любви, но тайный голосъ внутри сердца повторялъ ему: *преступленїе не ведетъ ко щастїю; ты забываешь святыя права гостелрїимства, и не избѣжишь раскаянїя.* Дельривъ, досадуя на свою робость, клялся побѣдить ее. Я похожъ на тѣхъ людей, думалъ онъ, которые хотя уже не вѣрятъ мертвецамъ, но все еще боятся потемокъ, воспоминая глупыя сказки, ужасъ ихъ дѣтства. Меллосъ будетъ ли нещастливъ отъ того, что Зейма любитъ меня? Не думаю увезти ее: пусть она повинуется отцу своему! Но я люблю, любимъ и хочу быть щастливъ. На что жертвовать живѣйшими восторгами сердца? кто и чѣмъ наградитъ меня за нихъ?"... Но въ самую сїю минуту тихонько стучатъ въ его дверь; онъ отворяетъ и съ изумленїемъ видитъ Меллоса.... Я думалъ, что вы еще не легли, сказалъ Меллосъ съ улыбкою: знаю, что вы долго читаете по вечерамъ, и спѣшилъ увѣдомить васъ о щастливомъ успѣхѣ моихъ старанїй. Сїю минуту прїѣхалъ ко мнѣ курьеръ изъ Мадрита съ письмомъ отъ Министра,

который, слышавъ отъ меня о вашихъ достоинствахъ, выпросилъ вамъ у Короля важное мѣсто: вотъ указъ. Сверхъ того мнѣ удалось сдѣлать такой щастливой оборотъ изъ вашихъ денегъ, что вы выигрываете сто на сто: завтра казначей мой выдастъ вамъ 40 тысячь ливровъ." — Дельривъ стоялъ неподвижно, блѣднѣлъ какъ преступникъ въ часъ суда и не могъ сказать ни слова. Меллосъ вообразилъ, что безмолвіе его происходитъ отъ чрезмѣрной благодарности — обнялъ его съ чувствительностію и вышелъ. Дельривъ бросился на кресла и залился слезами. Боже мой! сказалъ онъ: что сдѣлалось бы со мною, естьли бы этотъ великодушной человѣкъ отложилъ до завтрашняго дня увѣдомить меня о своемъ благодѣяніи? какъ бы могъ я снести бремя такого одолженія? Я застрѣлился бы у ногъ его!... Дельривъ взялъ ключь отъ саду, завернулъ его въ бумагу и запечаталъ. „Завтра отдамъ его, думалъ онъ: ахъ! чего бы не далъ я за то, чтобы никогда не брать и не желать его!"

Дельривъ ходилъ скорыми шагами по комнатѣ. Ударило 12 часовъ: онъ не поколебался, однакожь не могъ воображать равнодушно, что Зейма ждетъ его:

не могъ думать обо снѣ, пока она могла желать или бояться его прихода; легъ уже на разсвѣтѣ — и на другой день возвратилъ ключь. Изъясненіе его съ Зеймою было трогательно. Онъ признался ей, что благодѣяніе Меллосово поразило его; говорилъ о правилахъ добродѣтели, забытыхъ ею для любви; говорилъ съ краснорѣчіемъ истиннаго друга. Зейма плакала, благодарила его, и клялась посвятить всю жизнь свою добродѣтели.

Черезъ два дни послѣ того Меллосъ спросилъ у Дельрива, замѣтилъ ли онъ въ окрестностяхъ маленькой сельской домикъ, построенный на крутомъ берегу рѣки? Дельривъ отвѣчалъ, что ему давно хотѣлось войти въ него, но что въ немъ передѣлывали комнаты, и никого не пускали смотрѣть. „Я вчера былъ тамъ, сказалъ Меллосъ: работы кончены, и вы можете все видѣть. Мѣсто очень хорошо, и садъ прекрасной.“ — Дельривъ въ то же утро пошелъ туда. Уединенный домикъ былъ въ самомъ дѣлѣ прелестенъ какъ своею внѣшностію, такъ и мѣстоположеніемъ. Тамъ взоръ обнимаетъ вмѣстѣ городъ Кадиксъ, островъ Леона, заливъ, всѣ его живописныя окрестности и море, въ которое течетъ изгибами рѣка Санти-Петри; съ другой стороны представляется Ме-

дина - Сидонїа и обширныя равнины южной Андалузїи. Щастливъ (сказалъ Дельривъ), щастливъ хозяинъ такого прелестнаго жилища, естьли образъ мыслей и правила его согласны съ чувствами его сердца!... Онъ хотѣлъ видѣть садъ, и проходя мимо домика, котораго окна были завѣшены зеленою тафтою, услышалъ звуки форте-пїано; остановился, и плѣняясь искусною игрою невидимаго музыканта, вспомнилъ Калисту. Онъ желалъ знать, кто такъ хорошо играетъ? Сама госпожа, отвѣчалъ ему проводникъ: дѣвица Луселла. — Какихъ лѣтъ она? — „Двадцати, или еще моложе.“ — Кто же здѣсь съ нею? мать или родные? — „Никого.“

Минутъ черезъ десять перестали играть, и Дельривъ хотѣлъ уже итти далѣе, какъ вдругъ отворилось окно, и явилась прекрасная женщина — сама Луселла. — Увидѣвъ Дельрива, она поблѣднѣла и отступила назадъ. Онъ поклонился, и смотрѣлъ на нее съ удивленїемъ. Луселла снова приближилась къ окну, и сказала ему по-Французски, что проситъ его отдохнуть въ домѣ. Дельривъ затрепеталъ: ему казалось, что онъ слышитъ Калистинъ

голосъ . . . Но Луселла была еще несравненно прекраснѣе: во всѣхъ чертахъ ея изображалось гораздо болѣе души и нѣжной чувствительности; другіе глаза и совсѣмъ другое лицо. Дельривъ воспользовался приглашеніемъ и вошелъ въ залу. Луселла сидѣла на богатыхъ креслахъ и шила въ пяльцахъ съ другою, пожилою женщиною; приняла его ласково и съ видомъ нѣжной томности; говорила умно, пріятно, и каждымъ словомъ трогала молодаго человѣка до глубины сердца, напоминая ему голосомъ своимъ ужасную измѣну. Дельривъ, желая избавиться отъ сего мучительнаго воспоминанія, не спускалъ глазъ съ прелестной хозяйки. Подавали мороженое, самые лучшіе плоды, и гость съ великимъ трудомъ могъ рѣшиться на то, чтобы итти домой, требуя дозволенія быть въ другой разъ. „Очень рада васъ видѣть, государь мой, отвѣчала Луселла, закраснѣвшись: тѣмъ болѣе, что мнѣ поручено объясниться съ вами въ важномъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ спокойствіе милаго для меня сердца.“ Дельривъ удивился, и просилъ изъяснить ему загадку; но Луселла никакъ не хотѣла того, и желала, чтобы онъ пришелъ на другой день. Молодой человѣкъ возвратился

къ Меллосу въ изумленіи и безпокойствѣ; считалъ минуты дня и ночи; думалъ только о Луселлѣ, и забылъ все другое — самую Калисту, любимую имъ нѣкогда съ жаромъ искренней, добродѣтельной склонности, но не страстно. Новое чувство его къ Луселлѣ имѣло всѣ признаки сильнѣйшей страсти. Кто эта несравненная красавица, живущая уединенно и независимо въ такихъ молодыхъ лѣтахъ? почему онъ ей извѣстенъ? что хочетъ она сказать ему? Дельривъ терялся въ догадкахъ, или, лучше сказать, не могъ придумать ничего вѣроятнаго. Съ какою радостію увидѣлъ онъ наступленіе слѣдующаго дня! Луселла звала его въ пять часовъ: въ четыре онъ былъ уже на берегу рѣки, но не смѣя прежде времени войти въ домъ, остановился среди развалинъ древняго Арабскаго замка, сѣлъ на камень и взялъ часы въ руку. Вдругъ слышитъ, что къ нему идетъ человѣкъ; взглядываетъ, и видитъ Луселлу. Какъ быстро умъ соображаетъ все лестное для сердца! какъ скоро угадываетъ тайныя намѣренія, благопріятныя для нашей страсти! Дельривъ тотчасъ вообразилъ, что Луселла, чувствуя одно съ нимъ нетерпѣніе, вышла къ нему на встрѣчу. Онъ бросился

къ прекрасной Гишпанкѣ . . . Луселла закраснѣлась; но кроткій и нѣжный ея взоръ изъявлялъ одно пріятное удивленіе. Съ нею была надзирательница: она оставила ея руку, чтобы скорѣе встрѣтить Дельрива, и сказала ему: „когда мы сошлись здѣсь, то сядемъ среди развалинъ этова древняго замка; не льзя выбрать лучшаго мѣста для отдохновенія.“ Луселла ввела его въ прекрасную колоннаду, окруженную цвѣтущими пальмами, лимонными и померанцевыми деревами. Она сѣла рядомъ съ нимъ на большомъ отломкѣ мраморной колонны. Надзирательница вынула изъ кармана книгу, и не зная по-Французски, не могла мѣшать ихъ разговору.

Луселла, помолчавъ и взглянувъ на Дельрива съ трогательнымъ видомъ, сказала: „Позвольте мнѣ, государь мой, прежде всего спросить у васъ, помните ли вы друзей своихъ, оставленныхъ вами въ Парижѣ?“ — Теперь я никого не помню, отвѣчалъ Дельривъ . . . Но самой разсудокъ велѣлъ мнѣ забыть изверговъ неблагодарности, которыхъ я могъ только презирать или ненавидѣть . . . . Думаю, что вы ошибаетесь, перервала Луселла . . . „Ошибаюсь! нѣтъ, сударыня! можетъ быть васъ обманули на мой счетъ.

Отдаюсь во всемъ на вашъ судъ. Но кто могъ разсказать вамъ мою исторію? Какой нибудь Эмигрантъ, желавшій представить меня дурнымъ человѣкомъ?" — Нѣтъ, государь мой. — „Кто же? назовите того, кто вамъ говорилъ обо мнѣ." — Сама Калиста. — „Боже мой!.. И такъ госпожа Виларъ въ Гишпаніи?" — Да, она въ Мадритѣ, выѣхавъ изъ Франціи вмѣстѣ съ мужемъ своимъ. Вамъ извѣстно, что Гишпанія есть ея отечество. — „И вы ее знаете?" — Она мнѣ первой другъ. — „И считаете невинною?" — Увѣрена въ томъ. — „Позвольте же сказать вамъ, милостивая государыня, что она скрыла отъ васъ истину." — Когда такъ, и естьли вы имѣете ко мнѣ довѣренность, то прошу мнѣ разсказать вашу исторію! я готова слушать васъ. — — Тутъ Дельривъ подробно и вѣрно описалъ ей всѣ главные случаи связи его съ Калистою. Луселла, слушая съ великимъ вниманіемъ, нѣсколько разъ начинала плакать. Онъ вынулъ изъ книжки своей всѣ Калистины письма и отдалъ ихъ Луселлѣ, которая, устремивъ на него слезами наполненные глаза свои, вздохнула и сказала: „правда, что Калиста и Виларъ могли показаться вамъ виновными; но должно ли ненавидѣть

милыхъ людей, не выслушавъ ихъ оправданія? — „Оправданія? развѣ Калиста не вышла за Вилара? развѣ не слыхалъ я отъ нее самой, что она страстно любитъ его?“ ... Послушайте, сказала Луселла: я открою вамъ то, чего вы не знаете. Госпожа Виларъ родственница Меллосу, вашему благодѣтелю; она скоро будетъ сюда къ свадьбѣ его дочери, Зеймы. — „Калиста? Боже мой!“ — Вы еще любите ее? — „Не льзя любить, кого презираешь.“ — Можетъ быть у васъ есть другая связь? — „Нѣтъ; сердце мое вчера поутру ... было еще свободно.“

Луселла закраснѣлась и потупила глаза въ землю. Будетъ ли у васъ столько твердости, спросила она, чтобы увидѣться съ госпожею Виларъ и мужемъ ея безъ всякой ссоры? — „Я уѣду отсюда на все то время, которое они здѣсь пробудутъ,“ отвѣчалъ Дельривъ. — Какая несправедливость! сказала Луселла съ улыбкою: чтобы не видать тѣхъ людей, которыхъ не любите, вы оставите друзей своихъ; слѣдственно ненависть дѣйствуетъ въ васъ сильнѣе дружбы .... „Ахъ! естьли бы вы приказали мнѣ остаться“ .... Хорошо; и такъ я прошу васъ. — „Повинуюсь съ радостію. Но вѣроломные супруги, которыхъ вы берете подъ

свою защиту, могутъ ли видѣть меня и не умереть отъ стыда?" — Теперь я никакъ не могу ихъ оправдывать, и вы напрасно будете приступать ко мнѣ; но когда они сюда пріѣдутъ, тогда все узнаете. Впрочемъ вамъ не долго ждать: вы ихъ увидите нынѣ ввечеру. — „Нынѣ ввечеру!" — Да, я прошу васъ къ себѣ ужинать вмѣстѣ съ Гм. Меллосомъ. Даете ли слово? — „Непремѣнное." — Я буду ждать васъ, сказала Луселла и встала: теперь восемь часовъ; приходите въ десять. Мнѣ надобно быть дома: простите, любезный Дельривъ! Надѣюсь, что въ нынѣшній вечеръ вы благословите Небо. — Сказавъ, она поспѣшно удалилась. Имя *Небо*, произнесенное такою милою женщиною, и голосомъ Калистинымъ, тронуло душу Дельрива, и представило ему всѣ святыя идеи, которыя нѣкогда были закономъ для его сердца. Глаза его наполнились слезами. Онъ сѣлъ на мѣсто, оставленное Луселлою... Солнце закатилось. Первые лучи мѣсяца озарили цвѣтущіе пальмы и померанцы; ароматы ихъ разливались въ воздухѣ. Тишина ночи и безмолвіе сего уединенія приводили въ умиленіе чувствительное сердце Дельрива. — *Небо*! повторилъ онъ съ горестію: я прежде вѣрилъ Ему всею душею!...

пересталъ вѣрить, и страшныя мысли, гнусныя намѣренія осквернили мое сердце; я разлюбилъ добродѣтель, не умѣя любить порока!.. Ахъ! одна Луселла можетъ воскресить меня. Душа моя, убитая отчаяніемъ, въ новой чувствительности найдетъ забытыя свои правила... Но что хотятъ мнѣ сказать въ нынѣшній вечеръ? что значитъ эта важная тайна, и великое участіе, которое беретъ въ ней Луселла?.. Для чего Меллосъ, котораго она знаетъ, никогда не говорилъ объ ней?.. Калиспа будетъ здѣсь: захочетъ ли она сама изъясниться со мною?..

Всякая мысль умножала любопытство Дельрива; всякія десять минутъ онъ трогалъ репетицію часовъ своихъ; наконецъ въ исходѣ десятаго всталъ и съ восторгомъ летѣлъ изъ древнихъ развалинъ къ Луселлину дому. Онъ увидѣлъ его издали: ибо вся передняя фасада была прекрасно иллюминована. Дельривъ приближается съ сильнымъ біеніемъ сердца; два лакея ожидаютъ его у воротъ и ведутъ на другой конецъ сада, гдѣ (какъ сказали ему) приготовленъ ужинъ. Дельривъ идетъ за ними, и трепещетъ отъ безпокойства и надежды. Всѣ дерева украшены огненными фестонами. Черезъ длинную миртовую алею выходитъ онъ на берегъ канала,

покрытаго легкими лодками: всякая изъ нихъ убрана цвѣтами и ярко освѣщена множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей. На другой сторонѣ канала, въ перспективѣ, виденъ великолѣпный павильйонъ. Дельривъ садится въ лодку, наполненную розами, миртами и незабудками. Въ ту самую минуту всѣ другія шлюпки составляютъ амфитеатръ позади его и кажутся плывучимъ цвѣтникомъ. Гремитъ музыка, и нѣжные женскіе голоса поютъ хоромъ сіи слова:

Плыви!.. Уже здѣсь бури нѣтъ!
Всевышній тайною рукою
Тебя навѣкъ миритъ съ судьбою
И въ пристань щастія ведетъ!

Дельриву все сіе казалось восхитительнымъ сновидѣніемъ. Онъ выходитъ на берегъ и видитъ имя свое огненными буквами изображенное на всѣхъ колоннахъ павильйона. Въ третьей комнатѣ принимаетъ его Луселла, блистающая уборомъ, а еще болѣе красотою; нѣжные и трогательные взоры ея довершили восторгъ Дельрива. Онъ сталъ передъ нею на колѣни и воскликнулъ: „скажите, что глаза меня не обманываютъ; скажите, что я не мечтаю, и что мнѣ позволено обожать прелестную волшебницу здѣш-

нихъ мѣстъ!“ ... Подите за мною, Дельривъ! отвѣчала Луселла: но вооружитесь твердостїю; вы увидите Госпожу Виларъ и мужа ея .... Дельривъ поблѣднѣлъ .... Я требую отъ васъ, продолжала Луселла, чтобы вы при нихъ спокойно выслушали меня ..... „Не понимаю вашего намѣренїя, отвѣчалъ Дельривъ: вы требуете отъ меня великой жертвы; но я готовъ исполнять волю вашу.“ — Вы не раскаетесь, сказала Луселла, и ввела его въ прекрасную комнату, гдѣ Меллосъ сидѣлъ на канапѣ между Виларомъ и его супругою ... Дельривъ, видя ихъ, съ ужасомъ отступилъ назадъ. Виларъ бросился къ нему съ распростертыми объятїями; но прежнїй другъ съ презрѣнїемъ отворотился ... Виларъ! сказала ему Луселла: возвратитесь на свое мѣсто; вы обѣщали мнѣ сидѣть неподвижно; а вы, Дельривъ, слушайте оправданїе Калисты .... „Ничто не можетъ оправдать ее,“ перервалъ онъ. Луселла взяла его за руку и посадила на креслахъ противъ канапе. Дельривъ, взглянувъ на госпожу Виларъ, съ изумленїемъ и съ досадою увидѣлъ, что она сидитъ покойно, и даже улыбается. Дельривъ! сказала ему Луселла: я хочу письмомъ оправдать Калисту, чтобы вы могли навсегда сохранить у себя доказательство

ея невинности . . . . Она взяла листъ бумаги, написала и подала Меллосу, который вслухъ прочиталъ слѣдующее:

„О Дельривъ! я никого кромѣ тебя „не любила; никогда не нарушала клят„вы своей, столь любезной моему серд„цу! Узнай наконецъ Калисту - Луселлу!“

Боже мой! воскликнулъ изумленный Дельривъ: что я слышу!... Читайте, сказалъ Меллосъ, отдавъ ему бумагу. Дельривъ видитъ въ самомъ дѣлѣ руку Калисты.... Такъ, любезной другъ! говоритъ ему Виларъ: Калиста есть Луселла: у Госпожи д' Армаллосъ видѣлъ ты портретъ не Калисты, а жены моей, ея сестры.... „Благое Провидѣнїе! воскликнулъ Дельривъ, и бросился на колѣна, поднявъ вверхъ глаза и руки: „Богъ мїра и судьбы человѣческой! прїими мою благодарность и раскаянїе!“... Пораженный своимъ чрезмѣрнымъ щастїемъ и въ сильномъ волненїи чувствъ, онъ всталъ, приближился къ Калистѣ, и безъ памяти упалъ къ ногамъ ея... Калиста и Виларъ обнимали его со слезами, когда онъ снова открылъ глаза и томнымъ голосомъ сказалъ: „И такъ я обожалъ Калисту подъ именемъ Луселлы! И такъ Небо чудеснымъ образомъ возвращаетъ мнѣ и любовницу и друга! Калиста вѣрна, и Ви-

ларъ будетъ братомъ моимъ!“ . . . Говоря, Дельривъ отиралъ слезы свои, чтобы смотрѣть на Калисту, и повторялъ: „Ахъ! мнѣ должно было узнать ее! Одна Калиста могла имѣть такое Ангельское лицо, такое милое и нѣжное!“

Наслаждаясь совершеннымъ щастїемъ, Дельривъ не требовалъ дальнѣйшаго изъясненїя; увѣренный, что Луселла есть Калиста, онъ не думалъ болѣе ни о чемъ!

Но Меллосъ просилъ Калисту разсказать свою исторїю. — Я не имѣла случая увѣдомить тебя, сказала она Дельриву, что у меня есть сестра, которая была воспитана въ монастырѣ, и которая, во время нашихъ бѣдствїй, тайно жила въ деревнѣ у Госпожи Б* близь Шалона, подъ именемъ ея родственницы. Она прислала намъ портретъ свой, писанный сухими красками, и матушка, боясь, чтобы служанка не разбила спекла, говорила ей иногда: *не трогай портрета моей дочери.* Служанка почла его моимъ, и ввела тебя въ это заблужденїе.

Тебѣ извѣстна дерзость нынѣшнихъ тирановъ Францїи и злобныхъ ихъ орудїй. Всякая молодая женщина, не отвратительная лицомъ, могла бояться ихъ наглости; для того я всегда носила покрывало. Только однажды случилось мнѣ

быть съ тобою въ одной комнатѣ, у Госпожи Мартенъ, въ то утро, какъ мы слушали обѣдню въ погребѣ. Признаюсь, что мнѣ хотѣлось снять покрывало въ знакъ довѣренности къ твоимъ правиламъ; но я боялась желать взоровъ молодаго человѣка въ ту минуту, когда шла молиться.

Не буду описывать ужаснѣйшихъ минутъ въ жизни моей, когда я лишилась матушки. Сердца наши такъ хорошо разумѣли другъ друга, что ты по своимъ чувствамъ могъ знать мои. Великодушное твое сожалѣнїе не только утѣшало, но и снова привязывало меня къ жизни. Мысль о тебѣ истребляла весь ужасъ моего печальнаго уединенїя, когда я жила въ твоей комнатѣ — жила единственно тобою, хотя стѣна раздѣляла насъ. Съ какою радостїю слышала иногда твой голосъ! Но съ какою горестїю узнала о твоемъ отъѣздѣ для избавленїя Вилара! Ты уѣхалъ въ полночь: къ нещастїю, я спала, и вставъ очень рано, по обыкновенїю приближилась къ стѣнѣ молиться. Ты всегда отвѣчалъ мнѣ на этотъ знакъ; всегда подходилъ къ загородкѣ и становился на колѣни, чтобы вмѣстѣ возсылать чистую жертву сердецъ нашихъ ко-Всевышнему. Молитва усердная и сладо

стная, въ которой чувства наши соединялись и пылали огнемъ двоякой любви, вѣчной подобно Небу! . . . Но тутъ глубокая тишина въ комнатѣ твоей увѣрила меня, что тебя нѣтъ. Боже мой! гдѣ онъ? думала я, и залилась слезами. Госпожа Мартенъ пришла сказать, что ты велѣлъ ей во время твоего отсутствія какъ можно чаще ходить ко мнѣ и всякой день заводить *твои часы*. „Онъ поручилъ мнѣ еще одно дѣло, примолвила она: но это останется тайною. Сколько я ни приступала къ ней, Госпожа Мартенъ не хотѣла сказать. Какъ этотъ нещастной день показался мнѣ долгъ! какое печальное безмолвіе окружало меня! . . . Оплакивая матушку горестнѣе прежняго, я въ первый разъ почувствовала, что она оставила меня сиротою въ свѣтѣ . . . . Ночь казалась мнѣ ужасною. Ложась на постелю, я знала, что не сомкну глазъ — и вдругъ, черезъ полчаса, слышу въ твоей комнатѣ небесные звуки гармоники!.. Изумленіе и чувствительность моя были несказанны. Я тотчасъ угадала тайну, которой Госпожа Мартенъ не хотѣла объявить мнѣ. Ахъ! это онъ! думала я: душа его еще здѣсь; она говоритъ со мною!.. Страхъ и горесть моя вдругъ миновались. Ты утѣшалъ меня

восхитительною музыкою; каждый звукъ ея проницалъ въ мое сердце; я чувствовала любовь твою въ этой нѣжной выдумкѣ, и закрыла глаза въ сладостномъ успокоеніи. На другой день въ часъ обыкновенной молитвы моей опять заиграла гармоника мелодію церковную, которая показалась мнѣ небесною музыкою Ангеловъ. Съ какимъ усердіемъ я молилась о тебѣ, о твоемъ другѣ и скоромъ возвращеніи!... Всякой разъ, по твоему приказанію, меня усыпляли и будили этою божественною музыкою, которая всегда будетъ оживлять въ моемъ сердцѣ сладостныя чувства Религіи, благодарности, вѣрной и святой дружбы.

Между тѣмъ Госпожа Мартень, бывая часто со мною, снискала мою довѣренность; мнѣ нужно было съ кѣмъ нибудь говорить о тебѣ. Узнавъ мои чувства, она разсказала наконецъ всѣ твои благодѣянія въ разсужденіи насъ. Какъ сладостно было для моего сердца соединять мысль о тебѣ съ мыслію о покойной матери, думать безпрестанно: *онъ былъ благодѣтелемъ ея!* и находить въ любви моей къ ней новую причину любить тебя!.. Ты знаешь, какъ меня заключили въ темницу. Я спокойно ожидала своего жребія и не роптала на такую долю въ цвѣ-

тущей молодости, зная по ученїю Религїи, что умереть съ невинностїю есть умереть во-время и щастливо. Но твердость моя колебалась отъ воображенїя горести нѣжнаго друга; я знала свои силы, но не знала твоихъ; мнѣ хотѣлось по крайней мѣрѣ видѣть тебя прежде смерти, чтобы утѣшить, укрѣпить твою душу, которая столько разъ отвѣтствовала движенїямъ моей!

Могу ли описать, съ какою радостїю услышала я сквозь стѣну голосъ твой! Одинъ звукъ его возвратилъ мнѣ надежду, обѣщалъ свободу; я была опять подъ твоею защитой, и ничего не страшилась. . . . Отъѣздъ твой снова поразилъ мое сердце. Но скоро Виларъ вывелъ меня изъ темницы. Въ самой тотъ день я получила извѣстїе, что благодѣтельница сестры моей лишилась жизни на эшафотѣ, и что сама она ждетъ въ Шалонѣ такой же участи. Виларъ предложилъ мнѣ ѣхать туда немедленно для ея спасенїя. Мы писали къ тебѣ съ вѣрнымъ человѣкомъ, и прїѣхавъ въ Шалонъ, имѣли щастїе освободить невинную сестру мою. Виларъ влюбился въ нее, и былъ любимъ взаимно; сестра супруги твоей казалась ему тѣмъ милѣе, что ея рука утверждала дружбу вашу новымъ союзомъ.

Скоро мы послали къ тебѣ нарочнаго съ увѣдомленїемъ о Виларовомъ бракѣ съ моей сестрою; но онъ разъѣхался съ тобою. Черезъ нѣсколько дней Вилару надлежало отправиться въ армїю. Я была въ Шалонѣ, когда ты прїѣзжалъ въ замокъ Виларовъ, и только на другой день узнала объ этомъ странномъ явленїи, которое испугало сестру мою, и сперва показалось намъ дѣйствїемъ какого нибудь нещастнаго безумца; но разсказы трактирщика, у котораго ты останавливался, скоро открыли мнѣ истину. Я догадалась, что письма наши къ тебѣ пропали; что не зная сестры моей и слыша ея голосъ, сходный съ моимъ, ты ошибся; однакожь признаюсь, что сердце мое оскорбилось такимъ жестокимъ и скорымъ обвиненїемъ; мнѣ казалось, что любовь и дружба не должны были по однѣмъ вѣроятностямъ признать Калисту и Вилара извергами. Я не знала ничего о портретѣ, который видѣлъ ты у матушки, и считалъ моимъ. Это обстоятельство въ твоей исторїи обрадовало меня несказанно, оправдывая ошибку. Я послала человѣка въ Парижъ, но тебя уже не было; писала, развѣдывала, и наконецъ по ложному слуху вздумала, что ты въ Гишпанїи. Между тѣмъ, какъ я искала возможности ѣхать

туда, злодѣй, гнавшій меня въ Парижѣ, явился въ Шалонѣ, и донесъ въ судѣ, что ты, будучи Эмигрантомъ, со мною въ перепискѣ. Надобно знать, что Виларъ объявилъ меня въ Шалонѣ твоею супругою. Мнѣ сказали за тайну, что только однимъ способомъ могу избавиться отъ заключенія или самой казни; а именно тѣмъ, чтобы требовать развода съ тобою. Хотя я въ самомъ дѣлѣ не была твоею супругою; но отказаться отъ тебя всенародно и торжественно казалось мнѣ вѣроломствомъ и гнуснымъ малодушіемъ. Сердца наши соединились; я была причиною твоего нещастія, и хотѣла за тебя снова подвергнуться той опасности, отъ которой ты меня избавилъ. Меня призвали въ судъ, откуда посылали людей обыкновенно или на эшафотъ или въ темницу. Наглые судьи спросили, для чего не развожусь съ тобою? Одна смерть, отвѣчала я, можетъ разорвать нашъ союзъ. Такой смѣлой отвѣтъ озлобилъ жестокосердыхъ; уже хотѣли произнести судьбу мою и, по всей вѣроятности, осудить на смерть, когда человѣкъ, мнѣ неизвѣстный, вступился за меня съ жаромъ, говорилъ убѣдительно, краснорѣчиво, и согласилъ всѣхъ товарищей въ мою пользу. Вышедши изъ суда, я узнала,

что спаситель мой былъ Дюранъ, тотъ самой человѣкъ, который сидѣлъ въ тюрмѣ объ стѣну со мною, и заставилъ тебя освободить его прежде меня. Онъ заплатилъ мнѣ еще 12 тысячь ливровъ, издержанныхъ тобою для его освобожденія, и просилъ доставить ихъ тебѣ. Сверхъ того Дюранъ оказалъ мнѣ и сестрѣ моей множество важныхъ услугъ, которыя были опасны въ это страшное время. Вотъ доказательство, что не льзя справедливо судить о характерѣ по одному дѣлу! Дюранъ безстыднымъ образомъ воспользовался нашимъ положеніемъ, но былъ добръ и великодушенъ.

Виларъ возвратился черезъ годъ, и нашелъ случай ѣхать въ Гишпанію съ тайнымъ порученіемъ отъ Комитета. Мы выѣхали изъ Франціи съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ нее прежде паденія тирановъ. Ждать ихъ наказанія и возстановленія Религіи есть вѣрить Провидѣнію.

Великодушный Меллосъ былъ родственникъ покойнаго отца моего; наши бѣдствія дали намъ еще новыя и сильнѣйшія права на его дружбу. Ему обязаны мы всѣмъ, что теперь имѣемъ. Но я не находила тебя и не чувствовала никакой перемѣны въ своей долѣ. Съ какимъ

же восторгомъ слушало мое сердце, когда Г. Меллосъ, пріѣхавъ въ Мадритъ, разсказывалъ намъ великодушное дѣло одного молодаго Французскаго Эмигранта! и когда онъ наименовалъ тебя, я воскликнула: *такъ, сердце мое угадало!* . . и разсказала Г. Меллосу всю свою исторію. Онъ тотчасъ рѣшился искать для тебя выгоднаго мѣста, и предписалъ мнѣ, какъ увидѣться съ тобою. Виларъ и я дали ему слово слѣдовать его плану. Ужасное безпокойство терзало мою душу: считая меня вѣроломною, ты могъ войти въ другое обязательство — что мнѣ хотѣлось узнать прежде всего. Добродѣтельный Меллосъ купилъ для насъ этотъ прекрасной домъ, въ которомъ я поселилась, назвавъ себя именемъ Луселлы. Остальное тебѣ извѣстно.“ . . .

Никакое перо не можетъ описать щастія и раскаянія Дельрива. Слушая, онъ трепеталъ, восхищался, плакалъ, взглядывалъ на небо, жалъ руку у Меллоса, Вилара, и смотрѣлъ на Калисту. Меллосъ объявилъ любовникамъ, что онъ все приготовилъ для свадьбы, и что ей должно быть непремѣнно на другой день въ ихъ приходской церкви. Послѣ ужина Дельривъ требовалъ отъ Вилара, чтобы онъ ночевалъ съ нимъ въ одной комнатѣ:

ему хотѣлось говорить, спрашивать, повторять тысячу разъ одно и твердить безпрестанно милое имя Калисты. Онъ не могъ думать о снѣ, который перервалъ бы чувство его блаженства. . . На другой день Дельривъ, пришедши къ Калистѣ, вынулъ изъ кармана песочные часы, поставилъ ихъ на столъ, и сказалъ: „священное изобрѣтенїе добродѣтели! ты должно показать блаженный часъ моего вѣчнаго соединенїя съ нею!“ . . . Калиста узнала свою работу и заплакала отъ умиленїя, воображая, что Дельривъ, не смотря на свое заблужденїе, сохранилъ ее. . . Въ 12 часовъ надлежало быть свадьбѣ; ровно въ 12 часовъ раздались звуки гармоники. . . Калиста затрепетала, и слезы оросили ея милое лицо, еще украшенное любезнымъ румянцемъ стыдливости. . . Дельривъ, стоя на колѣняхъ, беретъ руку ея. Двери отворяются: входитъ Меллосъ и ведетъ щастливыхъ любовниковъ къ олтарю. Какъ трогательно милая, набожная Калиста произнесла священный обѣтъ свой! сколь увѣрителенъ былъ онъ для сердца! . . . Сїи нѣжные супруги, не вѣтреною любовїю, но ревностїю добродѣтели соединенные, уже семь лѣтъ наслаждаются совершеннымъ щастїемъ, котораго

прелесть не увядаетъ отъ времени. Дельривъ есть отецъ милой дочери, и всего болѣе желаетъ, чтобы она любила Религїю подобно своей матери.

Жанлисъ.

II.

Прїятные виды, надежды и желанїя нынѣшняго времени.

Всѣ тѣ, которые имѣютъ щастїе мыслить и судятъ безпристрастно, должны согласиться, что никакое время не обѣщало столько политическаго и моральнаго благоденствїя Европѣ, какъ наше.

Революцїя объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскїй порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что, разбивая сїю благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствїй, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленїй власти; что самое Турецкое правленїе лучше анархїи, которая всегда бываетъ слѣдствїемъ государственныхъ потрясенїй; что всѣ смѣ-

лыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы моральному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ вмѣстѣ съ другими, болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ Правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости Властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя.

То есть, Французская Революція, грозившая испровергнуть всѣ Правительства, утвердила ихъ. Естьли бѣдствія рода человѣческаго въ какомъ нибудь смыслѣ могутъ назваться благодѣтельными, то симъ благодѣяніемъ мы конечно обязаны Революціи. Теперь гражданскія Начальства крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума.

Съ самой половины осьмаго-надесять вѣка всѣ необыкновенные умы страстно желали великихъ перемѣнъ и новостей въ учрежденіи обществъ; всѣ они были,

въ нѣкоторомъ смыслѣ, врагами настоящаго, теряясь въ лестныхъ мечтахъ воображенія. Вездѣ обнаруживалось какое-то внутреннее неудовольствіе; люди скучали, и жаловались отъ скуки; видѣли одно зло, и не чувствовали цѣны блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію; громъ грянулъ во Франціи . . . . мы видѣли издали ужасы пожара, и всякой изъ насъ возвратился домой, благодарить Небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ!

Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами Властителей, и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новостяхъ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ.

Съ другой стороны Правительства чувствуютъ важность сего союза и общаго мнѣнія, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія. Почти на всѣхъ тронахъ Европы видимъ юныхъ Государей, дѣятельныхъ и ревностныхъ къ общему благу. Революція была злословіемъ свободы: Правительства, не хвалясь именемъ, дозволяютъ гражданамъ пользоваться всѣми ея выгодами, согласными съ основаніемъ и порядкомъ

общества. Революція обѣщала равенство состояній: Государи, вмѣсто сей химеры, стараются, чтобы гражданинъ во всякомъ состояніи могъ быть доволенъ; чтобы ни которое не было презрительнымъ или угнетеннымъ. Будемъ справедливы: гдѣ теперь добрый человѣкъ не можетъ наслаждаться безопасностію? Свирѣпствуетъ ли гдѣ нибудь тиранство въ Европѣ, естьли исключимъ Турецію? Не вездѣ ли обѣщаютъ Наукамъ покровительство? Не вездѣ ли Начальства желаютъ способствовать успѣхамъ воспитанія и просвѣщенія, которое есть не только источникъ многихъ удовольствій въ жизни, но и самой благородной нравственности; которое образуетъ мудрыхъ Министровъ, достойныхъ орудій правосудія, сыновъ отечества въ семействахъ, раждая чувства патріотизма, чести, народной гордости; и безъ котораго люди служатъ только одному идолу подлой корысти. Государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону. Будучи, такъ сказать, внѣ обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всѣхъ низкихъ побужденій эгоизма, которыя дѣлаютъ людей несправедливыми и даже злыми; наконецъ, имѣя все, они должны и мо-

гутъ чувствовать только одну потребность: *благотворить*, и смотря на всякаго гражданина, думать: „я заслужилъ „любовь его!“

Въ самой Литтературѣ, которая столь сильно дѣйствуетъ на умы, видимъ мы полезное слѣдствіе Революціи. Прежде сей эпохи всякая дерзкая, немоpальная книга была модною: нынѣ, напротивъ того, Писатели боятся оскорбить Мораль, ибо передъ всякимъ жива картина бѣдствій, произведенныхъ во Франціи развратомъ; даже въ самыхъ дурныхъ романахъ соблюдается какая-то благопристойность и уваженіе къ святынѣ нравовъ: ибо сего требуетъ щастливое расположеніе умовъ и сердецъ. Вольтеръ не могъ бы нынѣ прославиться нѣкоторыми насмѣшками, Буланже педантствомъ, Ламетри безуміемъ. Литтература, болѣе нежели когда нибудь способствуя истинному просвѣщенію, обратилась нынѣ къ утвержденію всѣхъ общественныхъ связей.

Дружественный союзъ народовъ, благопріятствуя взаимному сообщенію великихъ умовъ, подаетъ справедливую надежду, что Науки обогатятся еще открытіями новыхъ феноменовъ или слѣдствій, новыхъ отношеній любопытства

къ пользѣ, которая есть истинное совершенство учености. Науки физическія еще далеки отъ своихъ крайнихъ предѣловъ; Натура имѣетъ много таинственнаго; время и опыты могутъ снять еще многіе покровы и завѣсы на ея необозримой сценѣ. . . И не только физическія Науки, но и самая Мораль открываетъ обширное поле для новыхъ соображеній ко благу людей. Мы несравненно богатѣе Древнихъ идеями и знаніемъ человѣческаго сердца; однакожь не истощили моральныхъ наблюденій, и не всѣми извѣстными воспользовались для утвержденія нашихъ понятій о человѣкѣ и способахъ щастія, которое должно быть главною наукою человѣчества, и котораго не могутъ дать сердцу самыя мудрѣйшія Правительства: ибо оно есть дѣло судьбы, ума и характера.

Взоръ Рускаго Патріота, собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы, съ удовольствіемъ обращается на любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлять съ другими Европейскими народами, мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями человѣколюбиваго Монарха? Никогда Россія столько не уважалась въ Политикѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чув-

ствуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ. Италїянская война доказала мїру, что Колоссъ Россїи ужасенъ не только для сосѣдовъ, но что рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непрїятеля. Когда другїя Державы трепетали на своемъ основанїи, Россїя возвышалась спокойно и величественно. Довольная своимъ пространствомъ, естественными сокровищами и миллїонами жителей; не имѣя ни въ чемъ совмѣстниковъ, не желая ни чьей гибели, не боясь никакой Державы, не боясь даже и союзовъ противъ себя (ибо они не согласны съ особенными выгодами государствъ въ отношенїи къ ней), она можетъ презирать обыкновенныя хитрости Дипломатики, и Судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народовъ.

Главнымъ, важнѣйшимъ благомъ въ ея внутреннемъ состоянїи назову я . . . нынѣшнее общее спокойствїе сердецъ; оно всего дороже и милѣе; оно есть вѣрное доказательство мудрости Начальства въ гражданскомъ порядкѣ. Съ другой стороны другъ людей и Патрїотъ съ радостїю видитъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россїи; какъ благородныя, истинно-человѣческїя идеи болѣе и болѣе дѣй-

ствуютъ въ умахъ; какъ разсудокъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ Россіянъ возвышается. Не только въ столицахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ находимъ между благородными достойныхъ Членовъ Государства, знающихъ его потребности, судящихъ справедливо о людяхъ и дѣйствіяхъ. Наше среднее состояніе успѣваетъ не только въ искусствѣ торговли, но многіе изъ купцовъ спорятъ съ дворянами и въ самыхъ общественныхъ свѣдѣніяхъ. Кто изъ насъ не имѣлъ случая удивляться ихъ любопытству, здравому разсудку и патріотическимъ идеямъ? Они чувствуютъ болѣе, нежели когда нибудь, важность правъ своихъ и никому не завидуютъ. Сельское трудолюбіе награждается нынѣ щедрѣе прежняго въ Россіи, и чужестранные Писатели, которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ нещастливы, удивились бы, естьли бы они могли видѣть ихъ возрастающую промышленность и богатство многихъ; видѣть такъ называемыхъ *рабовъ*, входящихъ въ самыя торговыя предпріятія, имѣющихъ довѣренность купечества и свято исполняющихъ свои коммерческія обязательства! Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и

по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная. Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и Натуры: вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его право!

Сіи успѣхи гражданственности служатъ залогомъ будущихъ, и подаютъ основательную надежду, что Россія въ грядущихъ дняхъ своихъ не встрѣтитъ уже тѣхъ бѣдствій, которыя нѣкогда терзали ея внутренность: ибо причиною государственныхъ нещастій бываетъ по большой части невѣжество и варварство, которыя отъ насъ быстрыми шагами удаляются.

Но Патріотизмъ не долженъ ослѣплять насъ; любовь къ отечеству есть дѣйствіе яснаго разсудка, а не слѣпая страсть; и жалѣя о тѣхъ людяхъ, которые смотрятъ на вещи только съ дурной стороны, не видятъ никогда хорошаго, и вѣчно жалуются, мы не хотимъ впасть и въ другую крайность; не хотимъ увѣрять себя, что Россія находится уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нѣтъ, мудрое Пра-

вленїе наше тѣмъ щастливѣе, что оно можетъ сдѣлать еще много добра отечеству.

На примѣръ (не говоря о другомъ): какимъ великимъ дѣломъ украсится еще вѣкъ АЛЕКСАНДРОВЪ, когда исполнится Монаршая воля ЕГО, когда будемъ имѣть полное, методическое собранїе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написанныхъ? Я не удивляюсь (какъ нѣкоторые), что законы Ярославовы цѣнили деньгами убїйство и вооружали родственниковъ убитаго кинжаломъ мести; не удивляюсь, что Судебникъ Царя Іоанна велитъ рѣшить сомнительныя дѣла поединкомъ; не удивляюсь, что въ Уложенїи Царя Алексѣя Михайловича нѣтъ философическихъ сентенцїй, и что Законодатель не предвидѣлъ случаевъ нашего времени: ибо знаю, что всѣ Европейскїе народы въ разныя эпохи имѣли такїе же несовершенные законы, какъ и мы. *Правда* Ярославова есть Кодексъ всѣхъ Сѣверныхъ народовъ, разрушителей Римской Имперїи и завоевателей Европы. Судебникъ Іоанновъ ознаменованъ печатїю среднихъ вѣковъ, когда духъ рыцарства и живая вѣра къ праведнымъ дѣйствїямъ Неба ввели въ законное обыкновенїе поединокъ. Авторы Уложенїя знали уже,

какъ видно, Іустиніановъ Кодексъ, но имѣли у себя въ виду единственно тогдашнее состояніе Россіи. Указы Отца Отечества, Императрицы Анны, Елисаветы, особливо ЕКАТЕРИНЫ Великой, рѣшатъ всѣ важнѣйшіе вопросы о *людяхъ* и *вещахъ* въ порядкѣ гражданскомъ; нужна только философическая метода для расположенія предметовъ; но совершеніе сего дѣла будетъ славно для Монарха и Государства. Метода и порядокъ заключаютъ въ себѣ какую то особенную силу для разума, и судья, обнимая однимъ взоромъ систему законовъ, удобнѣе впечатлѣваетъ ихъ въ душу свою. Тогда мы не позавидуемъ Фридрихову (вновь исправленному) Кодексу; не позавидуемъ умному плану Французскаго, и пожалѣемъ объ Англичанахъ, которыхъ судилища безпрестанно запутываются въ лабиринтѣ несогласныхъ установленій (writs), служащихъ имъ правиломъ. Великая ЕКАТЕРИНА даровала намъ систему политическихъ уставовъ, опредѣляющихъ права и отношенія состояній къ государству. АЛЕКСАНДРЪ даруетъ намъ систему гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою. Тогда законовѣдѣніе будетъ наукою всѣхъ Россіянъ

и войдетъ въ систему общаго воспитанія.

Мы упомянули о воспитаніи: можно сказать, что дѣти у насъ воспитываются лучше отцовъ своихъ; но сколько еще желаній и надеждъ, въ разсужденіи сего предмета, имѣетъ въ запасѣ патріотическое сердце? Какимъ общимъ моральнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ *рѣшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли рѣдкое явленіе? Давно называютъ свѣтъ бурнымъ Океаномъ: но щастливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители, оставляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединять къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для щастія. Хорошо, естьли отецъ можетъ поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо Натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми? по большой части свѣтская разсѣянность, дѣйствіе полупросвѣщенія въ людяхъ и въ государствахъ. Взглянемъ на великихъ мужей, одаренныхъ превосходными талантами ума: всѣ они — не знаю, будетъ ли ис-

ключенїе — всѣ они, говорю, любятъ семейственныя удовольствїя. Взглянемъ и на самые народы: Англїя есть безъ сомнѣнїя просвѣщеннѣйшая земля въ Европѣ, и нигдѣ люди не наслаждаются столько прїятностями тихой домашней жизни, какъ въ Англїи. Просвѣщенїе цѣнитъ удовольствїя и выбираетъ лучшїя: а могутъ ли ничтожныя свѣтскїя забавы сравняться съ нѣжными чувствами супруга и родителя, который, давъ жизнь дѣтямъ, даетъ имъ и мысли и чувства; ежедневно видитъ развитїе души ихъ, веселится ими какъ своею милою собственностїю и готовитъ свѣту *украшенные моральные образы самого себя?* Совершенное просвѣщенїе находитъ средство наслаждаться временемъ, а несовершенное хочетъ только избавляться отъ него: дикой Американецъ отъ скуки цѣлый день качается на вѣтвяхъ — Европеецъ, презирая его невѣжество, отъ скуки бѣжитъ изъ дому — играть въ карты! Дни летятъ, и онъ доволенъ; но съ ними летитъ и жизнь — старость съ болѣзнїю приходитъ къ намъ въ гости, и мы невольнымъ образомъ должны наконецъ *поселиться дома.* Новыя привычки тягостны наканунѣ смерти! Нѣжный отецъ семейства не знаетъ по край-

ней мѣрѣ сей тягости; живъ всегда дома, не имѣетъ нужды въ старости привыкать къ кабинету, и на что ни взглянетъ вокругъ себя, вездѣ находитъ утѣшительныя воспоминанія; всякой бездушной предметъ есть для него старой другъ, пріятно бесѣдующій съ нимъ о минувшемъ времени. И сколь не равное право на любовь и благодарность дѣтей имѣютъ два отца, изъ которыхъ одинъ самъ воспиталъ ихъ, а другой только нанималъ учителей! Будетъ время, когда сія любовь и благодарность составятъ для насъ главное удовольствіе въ жизни: подумаемъ объ немъ заранѣе! . . . Я говорилъ только о щастіи заниматься воспитаніемъ дѣтей; но съ другой стороны оно есть и долгъ гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества. Въ Республикахъ предписывались для того законы; родительская нѣжность считалась гражданскимъ достоинствомъ и правомъ на общественную благодарность: ибо нѣжный отецъ семейства есть всегда и нѣжный сынъ отечества, съ судьбою котораго соединена участь дѣтей его. — Наконецъ скажемъ, что безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, не смотря на всѣ школы, институты и пансіоны.

Любя жить дома, мы имѣли бы болѣе способовъ заниматься не только воспитанїемъ дѣтей, но и хозяйствомъ, которое заставило бы насъ лучше соображать расходы съ доходами. Безразсудная роскошь, слѣдствїе разсѣянной жизни, вредна для государства и нравовъ. Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спастись отъ бѣдности, и къ самымъ неморальнымъ; онъ скорѣе другаго можетъ притѣснить своихъ крестьянъ, и питая гнусную алчность ростовщиковъ, по неволѣ обманываетъ честныхъ заимодавцевъ; довѣренность истребляется, и невинный терпитъ за виновнаго. Мы не рѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и неизвинительнаго мотовства. Ввечеру великолѣпное освѣщенїе, огромная музыка, живописныя Терпсихорины группы, и на столѣ произведенїя всѣхъ частей мїра; а на другой день низкїе поклоны заимодавцамъ! Хотятъ удивить иностранцевъ; хотятъ дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщенїи . . . . Усердные любители отечественной славы! Россїя увольняетъ васъ отъ такихъ патрїотическихъ усилїй, отъ пятидесяти *сюрпризовъ* въ одинъ вечеръ, и даже отъ

Французскихъ куплетовъ; она требуетъ отъ васъ одной разсудительности, честности, однѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей; требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не моповству своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ: вотъ дѣйствїе истиннаго просвѣщенїя! — Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню, быть свидѣтелями трудныхъ сельскихъ работъ и видѣть, чего стоитъ каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить нѣкоторыхъ отъ суетной расточительности, платящей 100 рублей за ананасъ для десерта. „Но богатствомъ должно пользоваться?“ Безъ сомнѣнїя. Вопервыхъ заплатите долги свои; вовторыхъ приведите крестьянъ вашихъ, естьли можно, въ лучшее состоянїе; а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что нибудь долговременное и полезное; учредите школу, гошпиталь; будьте отцами бѣдныхъ, и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободряйте земледѣлїе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенїю людей въ государствѣ: пусть этотъ новый каналъ, соединяющїй двѣ рѣки, и сей каменный

мостъ, благодѣянїе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ! Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленїе богатства, скажетъ: „Россїяне умѣютъ пользоваться жизнїю и наслаждаться богатствомъ!“

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа. Я люблю воображать себѣ Россїйскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Ѳемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога Искусствъ, съ символами богини земледѣлїя. Слава и щастїе отечества должны быть имъ особенно драгоцѣнны; слава государствъ бываетъ различная, щастїе ихъ есть *сложное*. Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непрїятелей или хранитъ порядокъ внутреннїй, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, Ученый распространяетъ кругъ свѣдѣнїй, богатый сооружаетъ монументы благотворенїя, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлїя: всѣ равно полезны государству. — Россїяне одарены отъ Природы всѣмъ, что возводитъ народы на высочайшую степень гражданскаго величїя: умомъ и твердымъ муже-

ствомъ. Мы спѣшимъ къ цѣли — и обращая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ Россїянъ ПЕТРЪ, гдѣ нашла ихъ ЕКАТЕРИНА, смѣло надѣемся, что между сею блестящею цѣлїю и нами скоро не будетъ уже ни одного Европейскаго народа.

Не желаю быть мечтателемъ; но въ царствованїе АЛЕКСАНДРА могутъ ли добрыя желанїя и патрїотическїя надежды быть мечтами?

Р. О.

III.

СМѢСЬ.

Славная *возбудительная* теорїя Шотландскаго Доктора Брауна (пишутъ изъ Геттингена) нашла въ Германїи ревностныхъ Сектаторовъ. Слѣдуя ей, Медики отваживаются на смѣлые способы леченїя, и не рѣдко больные бываютъ ихъ жертвою; но пословица говоритъ, что спасенныхъ освѣщаетъ солнце, а нещастныхъ скрываетъ земля: Secunda ſol aſpicit, adverſa terra obtegit. Недавно были мы свидѣтелями сцены, произведенной Фанатизмомъ сей методы, и достойной пятаго-надесять вѣка. Молодой Профес-

соръ Медицины, Г. Каппель, ревностный Брауновъ послѣдователь и любимый студентами за живость и пріятности своихъ лекцій, лечилъ больныхъ эпидемическою горячкою по сей методѣ; къ нещастію они были упрямы, не приняли ея новыхъ благодѣяній и пошли въ землю. Г. Арнеманъ, опытный Докторъ и совсѣмъ не пристрастный къ новостямъ, будучи уже не во время призванъ къ умирающимъ, изъявилъ свое негодованіе молодому Доктору, за то, что онъ вздумалъ дѣлать опыты надъ бѣдными людьми, ни мало не желавшими мученическаго вѣнца. Изъ сего вышла ученая ссора. Студенты вступились за Г. Каппеля, а благоразумные люди за Г. Арнемана; но первые вели наступательную войну, и побѣдили своихъ непріятелей. Собравшись числомъ до четырехъ сотъ, они вооружились камнями и разбили всѣ стекла въ домѣ Г. Арнемана. Полиція хотѣла разогнать ихъ, но не могла; и храбрые студенты уговорились на другой день взять приступомъ городскую караульню. Начальство послало во всѣ окрестныя мѣста за войсками для возстановленія порядка въ городѣ. Къ вечеру вошелъ Драгунской Ганноверской полкъ; но Брауновы Сектаторы, не смотря на то, атаковали

караульню. Началось сраженіе, и нѣсколько часовъ Геттингенъ представлялъ картину города, взятаго приступомъ. Множество студентовъ было ранено, но другіе имѣли еще время перебить всѣ стекла въ домѣ Полицеймейстера. Главные изъ бунтовщиковъ должны теперь оставить Университетъ и выѣхать изъ города; но благоразуміе совѣтовало бы взять какія нибудь строжайшія мѣры, чтобы впредь такія исторіи не безчестили первой Нѣмецкой Академіи.

Слѣдующій случай достоинъ вниманія Медиковъ и Натуралистовъ. Нѣкто Александръ Адерсонъ (пишутъ изъ Лондона отъ 22 Мая) на пути изъ Эльджина въ Гласковъ, недѣль за шесть передъ симъ, зашелъ отдохнуть къ одному земледѣльцу. Будучи, какъ думаютъ, или пьянъ или не желая обезпокоить хозяина, онъ вздумалъ итти прямо въ сарай и зарылся въ солому, такъ что его не льзя было видѣть. Къ нещастью работники привезли туда еще нѣсколько возовъ соломы и совсѣмъ закидали бѣднаго Адерсона, который пробылъ въ семъ ужасномъ положеніи цѣлыя пять недѣль!! Тѣло нещастнаго, когда отрыли его, казалось совершеннымъ сухимъ остовомъ. Будучи помѣщенъ

въ умѣ, онъ не могъ сказать ни одного вразумительнаго слова, и не владѣлъ ногами. Солома вокругъ его вся истлѣла, а та, которая лежала близь головы, была изжевана. Пульсъ въ немъ бился очень слабо, но скоро; кожа была мягка и холодна; глаза казались неподвижными. Выпивъ рюмки двѣ вина, онъ пришелъ въ себя, могъ говорить и сказалъ, что помнитъ только, какъ бросали на него солому; а кромѣ сего ничего не знаетъ и не чувствовалъ своего положенія. Думаютъ, что онъ вдругъ лишился памяти отъ пресѣченія воздуха и сильнаго запаха соломы, и не образумился ни одного разу во всѣ 35 дней, въ которые хотя нѣсколько и дышалъ, но съ великимъ трудомъ, и питался только одною соломою.

„Хотите ли (говорятъ Издатели Парижскаго Журнала), хотите ли читать маленькой романъ, въ которомъ все мило и просто, обыкновенно и занимательно, нравоучительно и нескучно, писано безъ утомительнаго старанія, но и безъ всякаго небреженія, кромѣ извинительнаго въ легкомъ слогѣ? Хотите ли приключеній странныхъ, но вѣроятныхъ, характеровъ добродушныхъ, описаній трогательныхъ? читайте *Клару Гортфортъ* (Clara Hurtforth,

ou la Victime des apparences). Въ ней представленъ человѣкъ, котораго поступки стоютъ моральнаго трактата, не для дѣтей, для которыхъ нынѣ всѣ пишутъ, а для учителей, о которыхъ никто не думаетъ."

Въ Парижѣ вышли еще два тома *Комической Энциклопедіи*, наполненные всякою всячиною для забавы тѣхъ людей, которые читаютъ отъ скуки, довольны малымъ, любятъ говорить много и не знаютъ, что сказать. Въ Журналахъ выписаны изъ сихъ двухъ томовъ разныя мѣста; переведемъ нѣкоторыя.

„Первыя идеи Писателя не рѣдко бываютъ самыя лучшія. Сокъ, вытекающій изъ виноградной кисти, вкуснѣе того, который изъ нее выжимаютъ."

„Англичанки одѣваются такъ же легко, какъ и Француженки. Знатная Лондонская дама, славная прозрачностію одежды своей, получила однажды при гостяхъ ящикъ, съ надписью: *уборъ для госложи* N. Думая, что это прислано къ ней изъ модной лавки, она захотѣла показать гостямъ свою обнову; но, открывъ ящикъ, нашла въ немъ одинъ виноградный листъ, съ запискою отъ своего мужа: *вотъ нужный для васъ подарокъ!*"

„Баконъ сказалъ, что дѣти умножаютъ заботы жизни, но услаждаютъ мысль о смерти.“

„Спросили у славнаго Французскаго Поэта, что онъ думаетъ о Мильтонѣ? Ахъ! отвѣчалъ Поэтъ съ восторгомъ: *адскіе* разговоры его *небесны*!“

Для знающихъ Французской языкъ выписываемъ изъ *Монитёра* слѣдующіе стихи Девонширской Герцогини, присланные ею Аббату Делилю вмѣстѣ съ ея Поэмою: *Сенъ - Готаръ*, которую Делиль перевелъ стихами:

Vous dont la lyre enchantereſſe
Unit la force à la douceur,
De la Nature amant flatteur,
Vous qui l'embeliſſez ſans ceſſe,
J'oſe vous offrir en tremblant
De l'humble pré la fleur nouvelle;
Si vous acceptez le préſent,
Elle devient une *immortelle*.

Отвѣтъ Делилевъ не такъ щастливъ и милъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Расходы и доходы Французской Республики.

Прежде Бонапарте Французское Правленіе издерживало ежегодно болѣе 600 милліоновъ ливровъ. Бонапарте на первой годъ требовалъ 575 милліона, а на второй 415. Намъ извѣстны только счеты перваго года, по которымъ Читатели наши могутъ судить о расходахъ Франціи. Министру Казначейства дано было около 120 милліоновъ.

На жалованье прежнему Законодательному Совѣту	4,000,000
— — Сенату - - -	1,700,000
— — Новому Законодательному Совѣту	2,450,000
— — Трибунату - -	1,575,000
— — Архиву - - -	75,000
— — Первому Консулу	500,000
— — Второму и третьему	300,000
На содержаніе Консульскихъ домовъ - -	600,000
— тайные расходы -	150,000

На отдѣлку дома для Трибуната и Законодательнаго Совѣта -	300,000
— — Тюльери -	300,000.
Самому Министру и на содержанїе его дома -	80,000
На жалованье его подчиненнымъ - -	973,000
— Почту - -	750,000
— непредвидимые расходы	150,000
— уплату общественныхъ долговъ и на пенсїи -	100,000,000

Кромѣ нѣкоторыхъ мѣлкихъ расходовъ, здѣсь не означаемыхъ. — Министру Правосудїя около 9 миллїоновъ:

Ему самому и на домъ его -	80,000
На жалованье его подчиненнымъ - -	517,000
— пересылку законовъ - -	104,000
— типографїю Республики	90,000
— печатанїе Журнала законовъ - -	100,000
— вышнїй уголовный Трибуналъ - -	51,5000
— уголовные суды -	6,000,000
— жалованье Комисарамъ Правленїя при судахъ -	1,470,000
— непредвидимые расходы -	20,000

Министру Внутреннихъ Дѣлъ 31 милліонъ:

Ему самому и на домъ его	80,000
На жалованье его подчиненнымъ -	1,000,000
— — Префектамъ -	3,720,000
— содержаніе бѣдныхъ, больныхъ, природно-глухихъ, плѣнниковъ и осужденныхъ	15,000,000
— — общественныхъ зданій, минъ, дорогъ, мостовъ (кромѣ тѣхъ денегъ, которыя собираются съ проѣзжихъ) -	2,000,000
— открытіе поселянамъ лучшихъ способовъ земледѣлія и на ободреніе народныхъ Мануфактуръ	1,800,000
— просвѣщеніе народное, на школы, Библіотеки, Музеумъ, мѣры и вѣсы, для ободренія Искусствъ и Наукъ - -	7,000,000
— внутреннее судоходство -	500,000
— непредвидимые расходы	50,000

Министру Военныхъ дѣлъ 500 милліоновъ:

Ему, на домъ его и на жалованье подчиненнымъ -	1,500,000

На провіантъ, мундиры, госпитали, квартиры, лагери и проч. -	110,000,000
— все нужное для кампаніи	37,760 000
— осады - -	5,000,000
— оружіе и аммуницію -	12,000,000
— укрѣпленія -	5,200,000
— всѣ военные снаряды	28,000,000
— чрезвычайные расходы арміи - -	6,000,000
Для народныхъ Жандармовъ -	550,000
На непредвидимые расходы -	300,000
— жалованье - -	94,000,000
Министру морскихъ силъ дано было 150 милліоновъ.	
— Иностранныхъ дѣлъ 5 милліоновъ:	
Ему и подчиненнымъ его -	395,000
На Посольства - -	3,000,000
— На курьеровъ, на тайные и случайные расходы	1,600,000
Министру Полиціи 2 милліона, 230 тысячь:	
Ему и подчиненнымъ его -	1,000,000
На тайные расходы -	2,230,000

Жалованья опредѣлено

Первому Консулу - -	500,000
Второму - -	150,000
Третьему - -	150,000

Каждому Министру -	50,000
— На домъ - -	30,000
Министру Иностранныхъ дѣлъ - -	75,000
Члену Сената - -	25,000
— Консульскаго Совѣта -	25,000
— Трибуната - -	15,000
— Законодательнаго Совѣта - -	10,000
— Вышняго Уголовнаго Суда - -	10,000
— Главныхъ Судовъ въ большихъ городахъ -	4,200
Судьѣ нижнихъ Судовъ въ Парижѣ -	3,000
Мирному Судьѣ въ Парижѣ	2,400
— — въ малыхъ округахъ	800
Префектамъ въ Парижѣ -	30,000
Въ большихъ городахъ -	24,000
Въ другихъ - -	20,000
Главнымъ Почтдиректорамъ	12,000
Хранителю лѣсовъ -	6,000
Первому Секретарю Министра - -	12,000
Главнокомандующему Генералу - -	40,000
Дивизїонному - -	18,000
Бригадному - -	12,000
Батальйонному Начальнику	4,000

Капитану	- -	2,400
Порутчику	- -	1,250
Подпорутчику	- -	1,000
Главному Сержанту	-	295
Сержанту	- -	226
Капралу	- -	165
Гранадеру	- -	128
Фузелиру	- -	110
Барабанщику	- -	146
Музыканту	- -	201
Эскадронному Начальнику	-	4,000
Кавалерійскому Капитану	-	2,500
— — Порутчику	-	1,450
— — Подпорутчику	-	1,150
— — Фурьеру	-	274
— — Капралу	-	171
Рядовому	- -	122
Карабинеру	- -	140
Драгуну	- -	122
Гусару	- -	122
Егерю	- -	122
Квартирмейстеру	-	1,400
Инспектору - Военному Коммисару Интенденту		8,000
Виц - Адмиралу	- -	18,000
Контр - Адмиралу	- -	12,000
Дивизїонному Начальнику	-	7,000
Капитану перваго класса	-	6,000
— — втораго	- -	5,400

Фрегатному Капитану	-	4,200
Порутчику	-	2,400
Прапорщику	-	1,800
Матрозу	-	400

Республика имѣетъ доходы отъ налоговъ на земли, домы, патенты, чины, документы всякаго рода, денежныя обязательства, судопроизводство, клейменїе золота и серебра, публичныя кареты, бумагу, табакъ, товары, дороги, перевозы, съѣстныя вещи, привозимыя въ большїе города, и на Театры. Сверхъ того имѣетъ она доходъ отъ почты, лоттереи, селитры, лѣсовъ, соли, каналовъ и народныхъ земель. Мы означимъ сїи доходы въ прошедшемъ году.

Налоги на земли даютъ	-	265,000,000
— — Домы и проч.	-	58,000,000
— — Патенты	-	22,000,000
— — Записи, судебныя дѣла и проч.		74,000,000
— — Клейменїе золота и серебра	-	404,000
— — Публичныя кареты		464,000
— — Штемпель бумаги	- -	18 000.000
— — Табакъ	- -	1,422,000
— — Входящїе и выходящїе товары		22,860,000

Налоги на дороги - ...	10,581,000
— — Перевозы - -	215,000
— — Съѣстные припасы - -	20,000,000
— — Театры - -	600,000
Доходъ отъ Почты - -	16,000,000
— — Лоттереи -	11,400,000
— — Пороха и селитры (*) - -	600,000
— — Лѣсовъ - -	25.000,000
— — Соли - -	2,200,000
— — Каналовъ -	1,415,000
— — Народныхъ земель - -	25,000,000
— — Продажи движимаго общественнаго имѣнія -	3,000,000
— — Продажи народныхъ земель -	32,000,000
— — Сборовъ въ завоеванныхъ странахъ - -	12,000,000

Что все вмѣстѣ составляетъ болѣе 600 милліоновъ ливровъ.

(*) То есть, за дозволеніе торговать ими.

II.

Извѣстія и Замѣчанія.

Важнѣйшее происшествіе сего мѣсяца есть свиданіе двухъ сѣверныхъ Монарховъ, котораго предметъ остается тайною не только для любопытства частныхъ людей, но, можетъ быть, и для нѣкоторыхъ Кабинетовъ. Не смѣемъ догадываться; скажемъ только, что Европа, увѣренная въ политической мудрости сихъ Вѣнценосцевъ, спокойно ожидаетъ слѣдствій. Мореплаватель послѣ бури не предается бездѣйствію; онъ исправляетъ сдѣланный ею вредъ кораблю, и моля Небо о благопріятномъ времени, готовится на всѣ случаи. Общій миръ не прерываетъ дѣятельности Кабинетовъ; чтобы утвердить тишину Европы, надобно взять мѣры для отвращенія всего, что можетъ быть источникомъ новыхъ несогласій.

Сколь пріятно путешествовать добродѣтельному, и слѣдственно любимому Государю! Вездѣ усердіе и благодарность осыпаютъ Его путь цвѣтами; вездѣ радость на лицахъ и любовь въ сердцѣ; всякой стремится видѣть Того, Кто служитъ отечеству на тронѣ, и не забываетъ въ подданномъ человѣка; всякой желаетъ хотя однимъ взоромъ признатель-

ности, хотя однимъ восклицаніемъ сердца изъявить Ему свою чувствительность!... Путешествіе обоихъ Монарховъ представляло сію трогательную картину. Мы не завидуемъ Ихъ торжеству: щастіе признательности едва ли уступаетъ щастію благотворителя.

Нынѣшній годъ будетъ памятенъ въ физической Исторіи Европы. Зимою видѣли мы страшныя наводненія въ южныхъ земляхъ, а въ исходѣ весны выпалъ глубокой снѣгъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи, и чрезвычайный холодъ опустошилъ виноградные сады въ Шампаніи и въ другихъ Французскихъ Департаментахъ. Въ Италіянской Республикѣ, въ бывшихъ Венеціянскихъ областяхъ, въ Піемонтѣ, въ Швейцаріи и въ Германіи были сильныя землетрясенія; въ Бреніи и въ Кремонѣ нѣкоторыя зданія разрушились. Сей внутренній огонь, который свирѣпствуетъ въ глубокихъ нѣдрахъ земли, не можетъ ли со временемъ усилиться? Бюффонъ стращаетъ насъ холодомъ, утверждая, что шаръ земной болѣе и болѣе простываетъ внутри, и что внѣшній жаръ солнца будетъ наконецъ недостаточенъ для плодородія и жизни въ нашемъ мірѣ; но другіе (и едва ли не справедливѣе) боятъ-

ся дѣйствій подземнаго огня и всеобщаго воспаленія — то есть, мы стоимъ между Харибды и Сциллы. Но, кромѣ другихъ физическихъ и моральныхъ бѣдствій, жизнь наша столь кратковременна, что сія мысль едва ли кому нибудь помѣшаетъ заснуть покойно.

Венгерской Сеймъ въ Презбургѣ и первое собраніе Коллегій въ Италіянской Республикѣ должны быть замѣчены политическимъ наблюдателемъ нашего времени. Сеймъ открылся пышно и торжественно. Императоръ предложилъ свои требованія: ему надобны деньги и солдаты. Храбрый и добродушный народъ Венгерскій, который спасъ нѣкогда Марію Терезію, готовъ новыми жертвами доказать свое усердіе къ Австрійскому Дому. — Коллегіи Италіянской Республики собрались и дѣйствовали въ тишинѣ; гдѣ имя и духъ Консула Бонапарте, тамъ исправность и порядокъ. Ценсура, получивъ списки Кандидатамъ, избрала чиновниковъ, и спѣшила увѣдомить о томъ Бонапарте, который, одобряя выборы, отвѣчалъ, что онъ къ слѣдующему собранію Коллегій надѣется самъ быть въ Италіянской Республикѣ и прожить тамъ мѣсяцъ. Подобно Римскому Императору Адріану,

Бонапарте хочетъ видѣть собственными глазами народы и земли, которые признаютъ его своимъ начальникомъ. Бордо и Бриссель также ожидаютъ Консула.

Журналы должны упоминать о слухахъ, хотя и невѣроятныхъ. Говорятъ и пишутъ, что Кабинеты Европы занимаются планомъ или утвердить или раздѣлить Турецкую Имперiю. Правда, что ветхiй домъ, близкiй къ своему разрушенiю, долженъ безпокоить сосѣдовъ; но трудно вообразить, чтобы Англiя и Францiя, не давно утвердивъ торжественно цѣлость Турецкихъ владѣнiй, вздумали или согласились дѣлить ихъ. Султанъ принялъ трактатъ Амьенской; ратификацiя и Посолъ его въ Парижѣ. Англiя едва ли и за самый Египетъ можетъ согласиться, чтобы другiя Державы усилились на счетъ Порты. Однимъ словомъ, сей мнимый *общiй* планъ кажется газетною выдумкою. Мы еще не знаемъ вѣрно, куда идутъ или пошли Французскiя фрегаты и военныя суда изъ Генуи и Ливорны; но цѣлiю ихъ не могутъ быть Турецкiя владѣнiя.

Изъ Лондона.

Любопытное засѣданiе 15 Мая, въ которомъ одинъ Лордъ Гакесбури говорилъ

4 часа, служитъ еще и теперь предметомъ разговоровъ. Противники Министерства не удовлетворили общему ожиданію; они растеряли силы свои въ прежнихъ засѣданіяхъ, и въ рѣшительный день не сказали уже ничего новаго и разительнаго. Ораторъ Виндамъ бросалъ стрѣлы свои томною рукою въ щитъ Министровъ. Говоря о Тулонской и Киберонской экспедиціи, онъ сказалъ, что за нихъ взялся отвѣтствовать бывшій Канцлеръ. Питтъ съ жаромъ возразилъ ему, что не должно открывать всенародно сказаннаго за тайну въ Кабинетѣ. Виндамъ, не щадя Министровъ, не поберегъ и всего Англійскаго народа, говоря, что Якобинцы испортили характеръ и духъ его. „Иначе (примолвилъ онъ) не смѣли бы Журналисты во время войны хвалить нашихъ враговъ и смѣяться надъ Британскими Героями; они радовались побѣдамъ Французовъ, и народъ молчалъ въ то время, когда Его Величество, Король нашъ, ѣхалъ въ церковь благодарить Небо за три славнѣйшія побѣды Англичанъ.“ Самое риторское мѣсто въ рѣчи его было слѣдующее: „Исторія Римскаго властолюбія „открываетъ намъ тайныя намѣренія „Французской Республики. Новые завое„ватели отличаются отъ древнихъ един-

„ственно тѣмъ, что первые въ десять „лѣтъ достигли до высочайшей степени „величїя, на которую Римляне восходили „въ теченїе вѣковъ. Спрашиваю: гдѣ Ев„ропа?... Однѣ волны Океана служатъ „намъ защитою; или, подобно Аѳинскимъ „гражданамъ, мы бросимся въ лодку и „найдемъ пристанище на берегахъ отда„ленныхъ!... Безразсудные! мы не имѣемъ „и сего утѣшенїя! Францїя, какъ гроз„ное привидѣнїе, вездѣ намъ является съ „своими ужасами. Министры отдали наши „отдаленныя убѣжища: Мысъ Доброй „Надежды, Эссеквибо, Демерари, Курасао, „Мальту. Куда ни устремляю взоры, „вездѣ вижу страшный фантомъ Фран„цузскаго величїя, и смиряюсь въ чув„ствѣ нашего безсилїя!" — Возраженїя его и Лорда Гренвиля были только повиноренїемъ извѣстнаго: „для чего все отдали Французамъ? для чего признали Италїянскую Республику, забыли союзниковъ и дозволили Французамъ усилиться въ Америкѣ?" На сїи возраженїя отвѣчалъ въ Нижнемъ Парламентѣ Лордъ Гакесбури благоразумно, основательно и со всею убѣдительною Логикою Министерскаго разума; изобразилъ положенїе Англїи, оставленной всѣми Державами; ея внутреннее состоянїе, требующее мира; планъ, которому слѣ-

довали Министры въ заключенiи трактата — планъ, сообразный съ честiю народа Британскаго; согласiе всей Европы на бытiе Италiянской Республики; необходимость сдержать слово, данное Англiею, возвратить Мальту Ордену; неважность новыхъ Французскихъ прiобрѣтенiй въ Америкѣ; вѣроятность, что Американскiя Области, страшась силы Французовъ, еще тѣснѣе соединятся съ Англичанами; безполезность прежнихъ коммерческихъ трактатовъ съ Францiею и Голландiею, которые, по мнѣнiю Виндама и Гренвиля, надлежало возобновить при заключенiи мира; невозможность отнять у Великобританнiи ея торговое первенство; разоренiе Французскихъ Колонiй, цвѣтущее состоянiе Англiйскихъ. „Францiя, сказалъ онъ, имѣетъ неизмѣримыя владѣнiя, но у насъ болѣе капиталовъ; а капиталы надежнѣе великаго „пространства земли. Властолюбiе Францiи есть дѣйствiе народнаго характера, „а не образа правленiя. Миръ для насъ „выгоднѣе войны; народъ Англiйскiй желалъ его, и мы, подписавъ трактатъ, „исполнили желанiе народа и долгъ Министровъ.“ — — Въ другое засѣданiе Министръ Аддингтонъ говорилъ еще три часа о мирѣ; но въ Верхнемъ Парламентѣ

риторствовали одни противники: Министръ, Лордъ Пеламъ, стьѣчалъ имъ весьма коротко. Слѣдствіе было одинакое: оба Парламента опредѣлили изъявить Королю благодарность за миръ.

Новѣйшія засѣданія Парламента не представляютъ ничего любопытнаго для иностранцевъ. Споръ о травлѣ быковъ подалъ Шеридану случай разсказать нѣсколько жалкихъ анекдотовъ, въ доказательство, какъ люди въ Англіи терзаютъ бѣдныхъ собакъ, пріучая ихъ къ сей травлѣ. Виндамъ и тутъ нашелъ Якобинство. „Секта Пуританская, сказалъ онъ, „всегда была врагомъ забавъ народныхъ; ея „духъ есть духъ Якобинства. Мы не „должны слѣдовать такому внушенію. „Пусть народъ веселится сраженіемъ быковъ съ собаками!“ Шериданъ замѣтилъ, что Виндамъ говорилъ о быкахъ гораздо краснорѣчивѣе, нежели о мирѣ. Члены Парламента смѣялись шуткамъ его отъ добраго сердца.

Процессъ одного сельскаго Пастора съ молодымъ дворяниномъ, который прельстилъ жену его, былъ на сихъ дняхъ предметомъ общаго вниманія. Славный Эрскинъ, Адвокатъ оскорбленнаго мужа, говорилъ въ судѣ съ великимъ краснорѣчіемъ о жестокости тѣхъ людей, которые

разрушаютъ благополучїе въ семействахъ. Пасторъ, отецъ пяти сыновей, десять лѣтъ жилъ щастливо и любилъ молодаго дворянина какъ своего друга. Адвокатъ сего послѣдняго оправдывалъ его красотою Пасторовой жены и невольною чувствительностїю сердца. Но Присяжные, не смотря на то, осудили молодаго человѣка заплатить мужу 7000 фунтовъ стерлинговъ (то есть, 70000 рублей). — Такого роду процессы бываютъ нынѣ весьма часто въ Англїи. Здѣсь наказываютъ строго не только соблазнителей, но и клеветниковъ. Не давно жена одного богатаго человѣка, уличенная въ злословїи на счетъ сосѣдокъ своихъ, должна была, по осужденїю Присяжныхъ, всенародно виниться въ церкви. Такїя явленїя доказываютъ, что въ Англїи есть нравы.

Наконецъ рѣшено соорудить статую Питту, не дожидаясь его смерти. Непрїятели шутятъ и говорятъ, что онъ слишкомъ *худъ* и *тонокъ* для мраморнаго изображенїя; что никогда еще рѣзецъ художника не представлялъ такихъ скелетовъ; что дѣйствїе воздуха скоро разрушитъ его статую. Друзья Питтовы отвѣчаютъ, что она безъ сомнѣнїя не можетъ быть такъ долговѣчна, какъ память великихъ дѣлъ его. Будучи Мини-

стромъ, онъ не смѣлъ показываться народу, и платилъ кучерамъ своимъ дороже обыкновеннаго (ибо они боялись камней, которыми Лондонская чернь встрѣчаетъ и провожаетъ кареты нелюбимыхъ Министровъ): теперь народъ бѣгаетъ за нимъ по улицамъ и кричитъ: *великой Питтъ, здравствуй!*

Изъ Парижа.

Законодательный Корпусъ окончалъ свои чрезвычайныя засѣданія тремя важными декретами: о Почетномъ Легіонѣ, о рабствѣ Негровъ въ Колоніяхъ и новомъ наборѣ солдатъ. Учрежденіе Легіона не нравится Республиканцамъ; и Трибунатъ и Законодательный Корпусъ едва согласились на оное: такъ много было черныхъ шаровъ! Республиканцы называютъ сей Легіонъ *дворянскимъ* или *рыцарскимъ*, слѣдственно противнымъ Конституціи. „Отличія, говорятъ они, не должны быть „вводимы въ Республикѣ.“ Луціанъ Бонапарте отвѣчалъ на всѣ возраженія, основательно и краснорѣчиво. Онъ доказывалъ, что Легіонъ, не имѣя никакихъ особенныхъ гражданскихъ правъ (*), не можетъ

(*) Легіонъ долженъ состоять изъ 6000 человѣкъ, раздѣленныхъ на 15 Когортъ; во всякой будетъ 7 Генераловъ, 20 Командоровъ и 30 Офицеровъ.

имѣть сходства съ дворянствомъ; что онъ учреждается для награды воинскихъ и гражданскихъ заслугъ, и долженъ быть славою народной благодарности; что Республика, не находя способа дать пенсію всѣмъ воинамъ, храбростїю своею утвердившимъ ея бытїе, опредѣляетъ чрезъ то вѣрный доходъ хотя нѣкоторымъ; что другимъ остается по крайней мѣрѣ надежда заступить со временемъ ихъ мѣсто; что гражданскїе чиновники не менѣе воиновъ презирали опасности, сражаясь съ внутренними непрїятелями, и достойны такой же награды; что Легїонъ не можетъ быть орудїемъ самовластїя, ибо Члены его *разсѣяны*: каждый изъ нихъ остается въ своемъ мѣстѣ, или въ армїи, или въ Департаментахъ; и что сїе учрежденїе, однимъ словомъ, есть мысль достойная нынѣшняго Французскаго Правленїя. — Талантъ Луцїана Бона-

---

Для жалованья назначаются доходы съ народныхъ имѣнїй, особенно приписанныхъ къ каждой Когортѣ: Генералу 5000 ливровъ въ годъ, Командору 2000, Офицеру 1000, рядовому 250. Управляющїй Совѣтъ Легїона будетъ составленъ изъ трехъ Консуловъ и четырехъ Совѣтниковъ. Первый Консулъ есть начальникъ его. Изъ воиновъ Членами Легїона могутъ быть единственно тѣ, которые имѣютъ почетное оружїе, раздаваемое Консуломъ за храбрыя дѣла.

парте давно уже извѣстенъ Европѣ: сія рѣчь прекрасна, какъ сильною Логикою, такъ и цвѣтами риторства. Но отвѣчая противникамъ съ излишнимъ жаромъ, онъ оскорбилъ многихъ. „Слѣдственно мы должны безъ разсужденія на все соглашаться (говорили недовольные), когда за всякое сомнѣніе и противорѣчіе называютъ насъ дерзкими заговорщиками! Для чего же быть Трибунату и Законодательному Корпусу, когда они не могутъ пользоваться своими правами?" Увѣряютъ, что многіе, которые прежде были согласны на учрежденіе Легіона, положили черные шары за грубости, сказанныя Луціаномъ Бонапарте нѣкоторымъ Членамъ Трибуната. — — Консулы предложили утвердить закономъ, что Негры остаются невольниками во Французскихъ Американскихъ Колоніяхъ, возвращенныхъ Республикѣ Англіею. Сен-Доминговская исторія и всѣ злодѣйства Африканцевъ доказали, что они не достойны пользоваться благодѣяніемъ Европейскаго просвѣщенія, то есть свободою — и никто изъ Ораторовъ Трибуната не оспоривалъ сего предложенія. — Новая система рекрутства, утвержденная Законодательнымъ Корпусомъ, дѣлаетъ Французскую армію сильнѣйшею въ Европѣ. Республика отъ 1791

до 1800 году выслала въ поле 1,186,776 человѣкъ, кромѣ волонтеровъ; теперь едва ли половина остается въ живыхъ: слѣдственно однѣ Французскія арміи потеряли въ теченіе сей войны болѣе 600,000 человѣкъ. Теперь Правленіе требуетъ 120,000 рекрутовъ, какъ для дополненія полковъ и бригадъ, такъ и для образованія запаснаго войска, готоваго на всякой случай.

Письмо изъ Парижа.

Въ то время, когда Департаменты съ величайшею радостію утверждаютъ Бонапарте на всю жизнь въ Консульскомъ достоинствѣ, жители Парижа оказываютъ такую холодность и нечувствительность къ судьбѣ своего отечества, которая намъ иностранцамъ не понятна. Книги здѣшнихъ Нотаріусовъ, открытыя для записыванія голосовъ, остаются бѣлыми. „Вѣрнѣе всего не сказать ни *да*, ни „*нѣтъ*, а смотрѣть, что будетъ," говорятъ Парижцы. Весьма немногіе жаркіе Республиканцы, подобно Трибуну Карно, объявили торжественно свое несогласіе. Генералы, извѣстные недоброжелатели Консула (на примѣръ Ожеро и Массена), не хотятъ подписываться. О Генералѣ Моро ничего не слышно. Между тѣмъ въ обще-

ствахъ говорятъ опять о заговорахъ, не смотря на объявленіе Министра Фуше, что это не правда, и что для жизни Консула опасны только безмѣрные труды его. Самая нынѣшняя отмѣнная дѣятельность Полиціи, которая во всѣхъ частяхъ города имѣетъ цѣлыя роты шпіоновъ, доказываетъ безпокойство Правленія. Монитёръ опять жалуется на Лондонскихъ Журналистовъ: вѣрный способъ возгордить ихъ и сдѣлать еще дерзостнѣе! Англичане въ угожденіе Консулу не перемѣнятъ своего характера: они любятъ пасквили и каррикатуры; это ихъ маленькая слабость, на которую самое Англійское Правленіе смотритъ сквозь пальцы. Увѣряютъ, что друзья Консула хотѣли еще дать ему право избрать себѣ преемника, но что Консульскій Совѣтъ выслушалъ это предложеніе съ видомъ явнаго неудовольствія, и Бонапарте, узнавъ о томъ, прислалъ сказать Совѣту, что онъ не хочетъ сего права. Какъ бы то ни было, но нынѣшнее блестящее состояніе Франціи, подверженное неизвѣстностямъ главныхъ политическихъ отношеніяхъ, не можетъ назваться твердымъ. Бонапарте конечно не для себя хочетъ быть Консуломъ, избраннымъ на всю жизнь; извѣстно, что онъ *самъ* не

надѣется жить долго: а Сенатъ къ семи годамъ его Консульства прибавлялъ еще десять — и того ему показалось мало! Я думаю, что онъ хочетъ сдѣлать сїе достоинство и послѣ себя *непремѣннымъ*, считая то необходимымъ для блага Францїи. Выборы бываютъ эпохою коварныхъ происковъ и волненїя; заслуги и добродѣтели не могутъ быть вѣрною порукою для чиновника, что его въ опредѣленное время снова выберутъ. Примѣры Республикъ доказываютъ, что хитрость не рѣдко одерживаетъ побѣду надъ достоинствомъ. И такъ надежнѣе всего уменьшить число опасностей, то есть выборовъ, когда уже имя Республики, купленное цѣною крови и безчисленныхъ бѣдствїй, непремѣнно того требуетъ. Послѣ Бонапарте, избраннаго на всю жизнь, скорѣе и другаго на всю жизнь выберутъ.

Бонапарте не доволенъ Королемъ Этрурїйскимъ, за то, что онъ возвратилъ въ Тосканѣ всѣ старинныя права Духовенству, ограниченныя мудрымъ Леопольдомъ, и прислалъ Консулу самую строгую критику на Французскїй Конкордатъ. Бонапарте, какъ сказываютъ, разсердился; но отослалъ сей манускриптъ въ Нацїональный Архивъ. Рѣчь или *Аллокуцїя* Его Святѣйшества, напечатанная

въ Монитёрѣ, доказываетъ, что и Папѣ не нравятся органическїе законы Французскаго Духовенства. Онъ надѣется, что благочестивый Консулъ согласится перемѣнить ихъ; но вѣроятно, что надежда обманетъ его: Бонапарте, сдѣлавъ, не любитъ передѣлывать.

Вчера въ Елисейскихъ поляхъ встрѣтился я съ Инвалидомъ Революцїи, съ Эксдиректоромъ и Эксконсуломъ Сїесомъ, который шелъ, обнявшись дружески, съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ. Онъ уже теперь не Философъ, нѣкогда скромно жившїй въ двухъ комнатахъ и за четыре ливра обѣдавшїй у второклассныхъ ресторатёровъ: великолѣпїе и лакеи окружаютъ его въ большомъ домѣ, подаренномъ ему Консулами отъ имени народа. Однакожь увѣряютъ, что характеръ Сїесовъ не перемѣнился, и что онъ не любитъ Бонапарте, впрочемъ отдавая справедливость славѣ и талантамъ его. Когда въ Сенатѣ разсуждали объ избранїи Бонапарте на всю жизнь въ Консулы, Сїесъ сказалъ, что Сенаторы не имѣютъ на то права.

Я обѣдалъ нынѣшнїй день съ молодымъ Швейцарскимъ Патрїотомъ, который увѣрялъ меня, что Бонапарте доволенъ

ихъ новою Конституцїею, и что она утвердится. Я повѣрю этому, когда увижу ее въ Монитёрѣ.

П. П. Наконецъ все совершилось на островѣ Сен-Доминго. Сїю минуту читаю въ Монитёрѣ слѣдующее телеграфическое увѣдомленїе изъ Бреста: „Адьютантъ Генерала Леклера привезъ „извѣстїе, что Туссень, Кристофъ и „Дессалинъ покорились Республикѣ.“ Вѣроятно, что это было слѣдствїемъ переговоровъ, и что Леклеръ согласился на требованїя Африканскихъ Генераловъ. Скоро узнаемъ всѣ подробности.

VI.

Смѣсь.

Думаютъ, что Великимъ Магистеромъ Мальтїйскаго Ордена будетъ извѣстный Бальи Томмази.

Ирландїя по сїе время есть театръ безпорядковъ, убїйствъ и грабежа. Изъ Дублина пишутъ, между прочимъ, слѣдующее: „Нашу землю можно назвать „теперь самою нещастнѣйшею въ Европѣ. „Не проходитъ дня, въ которой бы мы „не видали или не слыхали чего нибудь

„ужаснаго. Правленіе имѣетъ множе-„ство непріятелей, и полиція, употреб-„ляя строжайшія средства, не можетъ „утвердить общей безопасности. Народъ „въ остервененіи, и Мораль съ Религіею „забыты.“

Изъ Гишпаніи пишутъ, что въ гавани ея безпрестанно приходятъ корабли съ серебромъ и съ золотомъ.

Въ Лиссабонѣ наконецъ заведена полиція. Жители сперва никакъ не хотѣли того.

Никогда не бывало въ Лондонѣ столько маскарадовъ, какъ нынѣ. Всѣ общества и Клубы даютъ ихъ, изъявляя радость свою о мирѣ. Члены Ирландскаго Клуба издержали 5000 фунтовъ стерлинговъ на данный ими праздникъ. „Всѣ сіи блестящія собранія и маскарады (говоритъ одинъ Журналистъ) кончатся, подобно феерверку, мрачностію и безмолвіемъ. Черезъ нѣсколько дней Лондонъ опустѣетъ, и всѣ разъѣдутся по деревнямъ.“

Наслѣдный Неаполитанскій Принцъ, который женится въ Барцеллонѣ на Гишпанской Принцессѣ Изабеллѣ, есть любезнѣйшій молодой человѣкъ въ своемъ Королевствѣ; уменъ, добродушенъ и не терпитъ Министра Актона.

Англїя и Францїя, не смотря на миръ, все еще не имѣютъ никакой связи по торговлѣ. Французы не впускаютъ къ себѣ Англїйскихъ товаровъ: Англичане платятъ имъ тѣмъ же, и хотятъ отказаться даже отъ самыхъ Французскихъ винъ. Журналисты называютъ сїе упрямство *таможенною войною.*

Конецъ третьей Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

МАЙ № 9.

Стран.

I. Все на бѣду, Исторія Эмигранта. (Окончаніе.) - 3

II. Описаніе Вѣны. - - 35

III. Обращенный скупецъ. - 44

IV. Путешествіе въ Шпицбергенъ. 49

V. Смѣсь. - - 54

VI. О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи. - 57

VII. Письмо изъ Парижа. - 65

VIII. Торжественное возстановленіе Католической Религіи во Франціи. 77

IX. Извѣстія. - - 94

МАЙ № 10.

Стран.

I. *Путешествіе Аббата Вартелеми въ Италіи.* - - 103

II. *Воздушные шары.* - 119

III. *Нѣкоторыя любопытныя черты характера Лудовика XVI и Королевы Маріи Антуанеты.* - 124

IV. *Письмо одного изъ Французскихъ ученыхъ, бывшихъ въ Египтѣ.* 134

V. *Руская честность.* - 139

VI. *Критика.* - - 143

VII. *Нѣчто о Венеціи при ея паденіи.* 147

VIII. *Первое торжественное молебствіе Французскаго народа въ присутствіи Консуловъ и всѣхъ Властей.* 155

IX. *Собраніе Государственныхъ Чиновъ въ Сициліи.* - - 159

X. *О Голландіи.* - - 169

XI. *Письмо изъ Парижа.* - - 171

XII. *Извѣстія и замѣчанія.* - 177

XIII. *Свиданіе Туссеня Лувертюра съ дѣтми его.* - - 188

ІЮНЬ No 11.

Стран.

I. Вольнодушество и набожность. - 193

II. Мысли объ уединеніи. - 227

III. О новыхъ путешественникахъ. - 233

IV. Смѣсь. - - - 236

V. Новое сочиненіе Шато-Бріана. 242

VI. О Республикѣ Италіянской и политическомъ равновѣсіи Европы. 245

VII. Извлеченіе изъ переписки тайныхъ Агентовъ Людовика XVIII, недавно обнародованной Французскимъ Правительствомъ. - 253

VIII. Извѣстія. - - 259

I Ю Н Ь No 12.

Стран.

I. *Вольнодужство и набожность. (Окончаніе.)* - - 281

II. *Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени.* - 314

III. *Смѣсь.* - - - 331

IV. *Расходы и доходы Французской Республики.* - - 335

V. *Извѣстія и Замѣчанія.* - 345

VI. *Смѣсь.* - - - 361